

*Musica Prodomo
Banchetti N° 8 Han*

Ita 4338.17.5 (1) reg

*Mc
O
G*

new

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

10
Sub. 1253

91
109

11. 1917 9 20 17

Румскія Тучьма.

Муравьев А. Н.

РИМСКАЯ

ИСТОРИЯ.

4497/92

Oblectat me, Roma, tuas spectare ruinas.
AENEAS SYLVIUS.

Часть I.

Издание второе.

С. П. Б.

Въ тип. III. отдѣл. собств. Е. И. В. канцелярiи.

1847.

7

Ital 4338.47.5 (1)

Отъ Комитета Санктпетербургской Духовной
Цензуры, печата ть дозволяется. Августа 4 дня 1846
года.

Цензорь, Казанскаго Собора Протоіерей
Тилловей Никольскій.

766982

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время моего пребыванія въ Римѣ, который старался я наиболее изучить со стороны церковной, мнѣ была вручена, чрезъ посредство одного изъ самыхъ пріятныхъ и образованныхъ аббатовъ Французскихъ, книга Польская, подъ названіемъ: Правда Церкви Божіей и Церкви Русской, въ отвѣтъ на мою Правду Вселенской Церкви. Не разумѣя Польскаго языка, я долженъ былъ отложить чтеніе оной, до моего воз-

врашения въ отечество. Тотъ же самый аббатъ, въ минуту моего отъезда, сказалъ мнѣ на прощаніе весьма глубокое слово: «Церковь ваша молить о соединеніи Церквей; остерегитесь же, чтобы вашими иніціативами вы не препятствовали миру, дабы не имѣть на своей совѣсти умноженія вражды.» Я благодарилъ аббата за такое Христіанское внушеніе, основанное на духѣ истинной любви, и сказалъ ему, что самъ бы не хотѣлъ принять на свою душу, столь страшной ответственности; но такъ какъ молчаніе есть знакъ согласія, а согласіе въ вѣрѣ требуетъ предварительно убѣжденія совѣсти: то нельзя обвинять меня, если я стану отвѣчать на тѣ несправыя нападенія, которыми отовсюду насъ осыпаетъ Церковь Римская, и что если кого либо, то конечно не насъ, можно, въ теченіе столькихъ вѣковъ, обвинять въ нарушеніи мира.» — «Я слышалъ еще, сказалъ мнѣ аббатъ, что

вы называете Церковь нашу невѣжественною; какъ можете вы себѣ позволить столь неправое сужденіе?» — «Извините, возрадъ я, вамъ конечно не такъ передали слова мои; кто осмѣлится, зная васъ лично, и столько ученыхъ мужей, и столько твореній Римской Церкви, произнести такое мнѣніе? но я утверждалъ и повторяю это предъ вами, что Церковь Западная, будучи весьма глубоко учена во всемъ, что касается собственно до нея самой и вообще до догматовъ Христіанства, весьма несвѣдунца касательно Восточной сестры своей, и особенно о Церкви Россійской; отъ того и мечетъ она, столь слѣпо, противъ нее свои стрѣлы, и во всѣхъ ея полемическихъ твореніяхъ проявляются, съ духомъ нетерпимости, такія грустныя ошибки о нашей иерархіи, таинствахъ, и церковномъ состояніи, что совѣстно даже читать ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ вытекаютъ изъ подъ

ученаго пера. — Такъ на примѣръ, я самъ слышалъ въ Римѣ, отъ одного изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ нашихъ, что еслибы не гоненія Королей Польскихъ, во времена Уніи, то уже давно бы вся Церковь Русская признала владычество Римское. Можно ли писать исторію и обличенія, съ такимъ глубокимъ незнаніемъ духа церковнаго и народнаго, того края, противъ котораго пишутъ!» — «Если можетъ быть, отвѣчалъ аббатъ, мы доселѣ не довольно ознакомились съ вашею Церковію, то это потому, что насъ отвлекала отъ Востока собственная, трехвѣковая борьба наша, съ Протестантами и съ невѣрующими минувшаго столѣтія; но теперь мы станемъ лицомъ къ лицу.» — «По крайней мѣрѣ мы, между собою, разстанемся съ любовью, сказалъ я, и въ сердце моему всегда сохранится память благосклоннаго вниманія вашего ко мнѣ.» Такъ мы разстались; и

слова его, о соблюденіи мира, сохранились въ моемъ сердцѣ.

Когда же, возвратясь въ мое отечество, могъ я уразумѣть данную мнѣ, противъ меня книгу, я нашелъ въ ней тѣ же доводы, которыми Римляне любятъ вооружаться, безъ указанія на факты: потому что труднѣе отвѣчать на самыя событія, нежели поддерживать, разсужденіями, принятую однажды систему; книга же моя напротивъ того была ничто иное, какъ собраніе историческихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ истину соборнаго, а не монархическаго управленія Церковію. Но мнѣ особенно показалось страннымъ, что Польскій авторъ, отзываясь съ пренебреженіемъ, о Церкви собственно Россійской, утверждалъ, будто бы доселѣ она только и спасалась молчаніемъ, дабы не обличить своего безсмлія, и я подумалъ: послѣ сего прилично ли мнѣ слѣдовать скромному совѣту абба-

та и, умолчавъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя произвелъ на меня Римъ, дать полную свободу противникамъ нашимъ разглашать свои клеветы? Мнѣ кажется, напротивъ того, что если, съ безпристрастіемъ и скромностію, сказать все, что я видѣлъ хорошаго и худаго въ Римъ, воздавая каждому подобающее и повѣряя свои впечатлѣнія, церковными правилами, дабы не увлечься внѣшнимъ блескомъ: то такого рода описаніе можетъ быть полезно для нашихъ соотечественниковъ, которые не всегда могутъ взирать на Римъ, съ этой точки зрѣнія, и ни сколько не будетъ непріязненно и для Римлянъ; потому что оно покажетъ имъ, какое чувство производитъ ихъ богослуженіе на человека, вникающаго во внутренній смыслъ онаго; а можетъ быть заставить нѣкоторыхъ изъ благонамѣренныхъ подумать: не отъ превозношенія ли Римскаго истекаетъ каноническая невозможность мира церковнаго?

Но одно обстоятельство рѣшило меня, безбоязненно для своей совѣсти, изложить всѣ впечатлѣнія Римскія. Возвратясь на родину, я первымъ долгомъ почелъ посѣтить лавру Троицкую, чтобы тамъ, надъ мощами преподобнаго Сергія, воздать ему молитвенное благодареніе, за отеческій покровъ его во дни моего странствія: потому что къ его ходатайству всегда притекалъ я, съ особенною вѣрою, памятуя какъ нѣкогда осынилъ онъ пословъ нашихъ, бѣжавшихъ съ собора Флорентинскаго. — И вотъ какія слова услышалъ я, какъ бы изъ собственныхъ устъ его, на торжественной все-нощной, когда Намѣстникъ лавры читалъ посмертные его подвиги, по случаю его праздника: «Преподобный Сергій явился, въ сонномъ видѣніи, пресвитеру Симеону, брошенному на чужбинѣ, и спросилъ его: «благословился ли онъ, отъ послѣдовавшаго стопамъ Апостольскимъ, Марка Еписко-

скопа Ефесскаго?» — Онъ отвѣчалъ: «да, я видѣлъ сего чуднаго и крѣпкаго мужа и благословился отъ него»; тогда явившійся говорилъ далѣе: «благословенъ отъ Бога человекъ сей, потому что никто, изъ суетнаго Латинскаго собора, не преклонилъ его, ни имѣніемъ, ни ласкательствомъ, ни угрозами мукъ. Проповѣдуй же заповѣданное тебѣ отъ святаго Марка ученіе, куда ни придешь всѣмъ православнымъ, которые содержатъ преданія Св. Апостола и Св. Отецъ седми соборовъ, и имѣющій истинный разумъ, да не уклоняется отъ сего.»

П И С Ь М О I.

Первое впечатлѣніе Рима, явленіе Папы въ
базиликѣ Св. Петра.

Наконецъ я въ Римъ, и мнѣ бы хотѣлось высказать Римъ, такъ какъ я его видѣлъ и чувствовалъ, потому что здѣсь видѣть и чувствовать одно и тоже! — Римъ, съ его мраморною пустынею, въ голубомъ вѣнцѣ горъ, съ его колоссами древіяго и новаго міра, на распутіи язычества и Христіанства, Римъ Кесарей и Папъ, исполненный жизни и смерти, и часто съ большими признаками жизни по

Часть I. 1

ту сторону гроба, нежели по эту. Вотъ какой Римъ желалъ бы я передать словомъ, еслибы не изнемогало слово, подъ бременемъ впечатлѣній столькихъ вѣковъ и развалинъ! — До сихъ поръ я еще какъ въ хаосъ, и едва ли разсѣется онъ для меня совершенно, въ то короткое время, которое думаю провести здѣсь. По крайней мѣрѣ я постараюсь уловить, для васъ и для себя, нѣсколько болѣе ясныхъ впечатлѣній, особенно касающихся до первыхъ временъ Христіанства, и взглянуть наблюдательнымъ окомъ православія, на это Римское вселенство, котораго молва растеть по мѣрѣ удаленія отъ его центра, какъ Пантеонскій куполъ Св. Петра, болѣе поражающей издали нежели вблизи.

Какъ объяснить вамъ первое впечатлѣніе Рима, особенно когда объемлешь взоромъ его живописную громаду, съ одной изъ высотъ, которыми такъ богатъ сей многоколонный городъ? — Это Москва, но безъ Кремля хотя и съ Кантоліемъ! — на каждомъ шагу панорама или очаровательный видъ, не только на самый Римъ,

но и на окрестность. Она проглядывает повсюду, какъ и у насъ, изъ за каменныхъ уступовъ терасъ и домовъ, сбѣгающихъ въ глубокія удолия и опять поднимающихся на какую либо другую высоту. Тѣже безчисленное множество куполовъ и отчасти колоколень, хотя и не златоглавыхъ какъ въ нашей бѣлокаменной; тѣже сады и поляны среди города, но украшенныя чудными развалинами, и какъ бы подмосковныя виллы вокругъ, зеленый поясъ обвѣхъ столицъ; и тотъ же скромный токъ воды проникаетъ на сквозь державнаго города, иногда свиваясь въ кольцо, символомъ его вѣчности, иногда разбѣгаясь по приволью нустыни, подъ свѣцію древнихъ башенъ или уединенныхъ деревъ. Этотъ русый Тибръ, какъ его звали древніе, по всему братъ нашей Москвѣ-рѣкѣ, часто столько же русой какъ и онъ самъ, въ мелководье, или внезапно выступающей изъ береговъ, и вкусившей также много крови, во дни междоусобій! — Тамовъ Римъ для Русскаго глаза, но не для Русскаго сердца! — Здѣсь надобно на время

заглушить сладкія воспоминанія родины и самое чувство православія, если хочешь безотчетно погрузиться въ эту бездну минувшаго, въ этотъ хаосъ настоящаго, гдѣ еще доселѣ такъ перемѣшано язычество съ Христіанствомъ. Нѣтъ ничего отеческаго для насъ, въ этомъ такъ называемомъ сердцѣ вселенной, которое уже изсохло отъ дряхлости и едва ли сохранило всю горячность родительскихъ чувствъ и для западныхъ дѣтей своихъ. Такъ мы видимъ старцевъ, въ коихъ чувство собственнаго сохраненія заглушило прочія, потому что они пережили самихъ себя и свой вѣкъ. — Римъ великолѣпное кладбище, по которому ходятъ тѣни минувшихъ вѣковъ, и еще владычествуютъ надъ живущимъ поколѣніемъ.

Прежде всего хотѣлось мнѣ посѣтить въ Римѣ гробъ верховныхъ Апостоловъ и поклониться, если не самымъ ихъ священнымъ останкамъ, то по крайней мѣрѣ мѣсту гдѣ они сокрыты, ибо на Западѣ, не такъ какъ въ Православной Церкви, святыня мощей утаена отъ благочестивыхъ взоровъ, или поставлена на недоступной высотѣ. Рано

утромъ пошелъ я въ базилику Св. Петра, чтобы еще въ глубокой тишинѣ напитать душу святынею сего мѣста, близкаго сердцу каждаго Христіанина. Мнѣ сопутствовалъ одинъ изъ моихъ соотечественниковъ, съ которымъ случай свелъ меня однажды на красныхъ берегахъ Москвы рѣки, чтобы потомъ опять соединить на Римскомъ Тибрѣ. Ему хотѣлось видѣть какое впечатлѣніе произведетъ на меня первыи взглядъ на великолѣпный храмъ. — Утро было туманное; мы долго шли по грязнымъ и тѣснымъ улицамъ новаго Рима, которыя столь мало соотвѣтствуютъ его древнему величію и охлаждають то чувство поэзии, какое привыкло возбуждать въ нашемъ сердцѣ великое имя! Только на мосту Св. Ангела можно было вздохнуть свободно, въ виду могильнаго замка Адріянова, слѣдуя взорами за излучистымъ теченіемъ Тибра, и этотъ малый просвѣтъ снова напомнилъ мнѣ Москву. Опять потянулась грязная улица на площадь Петрову, и она наконецъ явилась, оживленная шумомъ своихъ фонтановъ. Яркое солнце, разсѣя ту-

манъ, внезапно ударило на ихъ серебряный дождь, и на обширную колоннаду, разбѣгающуюся съ обѣихъ сторонъ храма, и на стройный обелискъ предъ лицомъ его, который самъ былъ знаменіемъ солнечнаго луча, на символическомъ языкѣ таинственнаго Египта.

Отраднo живое впечатлѣніе простора и свѣжести водъ, послѣ сырднаго и душнаго пути къ сей великолѣпной площади, которая будто манитъ и пріемлетъ каждаго въ каменныя объятія своихъ тысячи колоннъ, подъ уповительный говоръ своихъ фонтановъ; но, при самомъ началѣ потеряна для глазъ обширность площади, отъ малой ложбины, которая пролегаетъ по ея срединѣ, и что еще непріятнѣе: фасадъ великолѣпнаго зданія не производитъ ожидаемаго впечатлѣнія, потому что его огромный куполь, издали отовсюду видимый, полузакрываетъ вблизи фронтономъ, отъ самонадѣянности зодчихъ; — они рѣшились измѣнить гениальный планъ Микель-Анджело и протянули переднюю часть крестообразнаго храма, чтобы дать ему форму

Латинскую вмѣсто Греческой. — Только съ каменныхъ уступовъ, постепенно ведущихъ къ его притвору, открывается все величіе необъятной площади, которая служитъ достойнымъ преддверіемъ храма, и вся красота колоннады, убѣгающей далеко за обелискъ и за фонтаны.

Мы взошли въ обширный притворъ, изящно украшенный мраморными ваяніями, и наконецъ въ самую внутренность храма; насъ обвѣяла тамъ совершенно иная атмосфера, теплая зимою, прохладная лѣтомъ, отъ чего, во всякое время года, съ удовольствіемъ посѣщаютъ базилику Св. Петра. Взоръ мой потонулъ въ необъятности храма, въ котромъ стройностію цѣлаго сокращается огромность частей. Все, что казалось обыкновеннымъ издали, росло по мѣрѣ приближенія, до исполинскихъ размѣровъ, и украшенія по видимому простыя, восходили до высшей степени изящества, при тщательномъ ихъ осмотрѣ; потому что только мраморъ, бронза и мозаики, одушевленные рѣзцемъ лучшихъ художниковъ, почтены были достойными столь великолѣпнаго зда-

нія. Съ обѣихъ сторонъ богатѣйшіе придѣлы и впереди исполинская сѣнь главнаго престола, надъ гробомъ Апостола, невольно поражаютъ изумленіемъ каждаго, кто только вступитъ въ сей Христіанскій Колоссей, не уступающій величіемъ обломкамъ языческаго.

Спутникъ мой, хотѣвшій уловить мой первый восторгъ, при зрѣлицѣ изящнѣйшаго изъ храмовъ вселенной, самъ изумился, увидя какъ холодно было мое изумленіе; онъ сказалъ мнѣ однако, что это случается часто при первомъ посѣщеніи храма, ибо самая его необъятность, не позволяетъ вникнуть во всѣ красоты; но я отвѣчалъ ему, и опытъ утвердилъ меня въ томъ же чувствѣ, что храмъ Св. Петра никогда не можетъ произвести на мое сердце иного впечатлѣнія, кромѣ того, которое уже произвелъ, то есть чувства изумленія къ его громадѣ и изящности; а восторгъ, проистекающій прямо изъ души, можетъ тогда только возникнуть, когда она удовлетворена въ томъ чего искала. Восторгъ дѣло мгновенія а не времени: это порывъ а

не постепенное вниманіе ; онъ внезапно объялъ мое сердце въ Венеціи, при входѣ въ соборъ св. Марка, не отъ того только что я увидѣлъ въ немъ родную Восточную церковь, но потому что я дѣйствительно чувствовалъ себя внутри храма, хотя и чуждаго исповѣданія. Но въ базиликѣ Св. Петра, напротивъ того, я вижу великолѣпныя портики, галереи, придѣлы, и не вижу храма; ибо пространство за главнымъ престоломъ, который стоитъ по срединѣ подъ куполомъ, еще такъ велико и ничѣмъ не ограждено, что и оно служитъ мѣстомъ общаго гульбища, какъ всѣ прочія части собора, и украшено такими же гробовыми памятниками, отъ которыхъ вся базилика обращена въ великолѣпное кладбище. Мы же привыкли искать главнаго святилища въ углубленіи храма, такъ чтобы всѣ мысли и чувства къ нему стремились, отъ него же никуда болѣе какъ на небо, къ горнему престолу, котораго только образомъ служитъ земной престолъ святилища. Пусть назовутъ меня варваромъ, но признаюсь, посреди чуднаго великолѣпія Петрова храма, я вздохнулъ о

древней базиликѣ Константиновой, которую опренинули, безъ особенной нужды, Понтифексы и зодчіе сего новаго храма, хотя и она, съ глубокою древностію, соединяла въ себѣ изящество подобающее святынь. Утрата сія теперь еще чувствительнѣе, когда и послѣдняя церковь, сохранявшая древній видъ свой до нынѣшнихъ временъ, базилика Св. Павла, истреблена пожаромъ, и такимъ образомъ не осталось болѣе въ Римѣ первостепенныхъ соборовъ въ древнемъ ихъ бытѣ.

Первымъ моимъ движеніемъ, при входѣ въ храмъ, было устремиться ко гробу Апостоловъ, и я съ радостью увидѣлъ еще издали, предъ главнымъ престоломъ, сходя въ подземелье, ярко освѣщенный, болѣе нежели сотнею лампадъ, кругомъ мраморной рѣшетки. Туда поспѣшилъ я, съ чувствомъ благоговѣнія, не обращая вниманія на посторонніе предметы, но рѣшетка была заперта; я только могъ стать на колѣна подлѣ нее, съ другими богомольцами, и увидѣлъ внизу, предъ бронзовыми дверями подземнаго святилища, великолѣпную

статую колѣнопреклоненнаго Папы Пія VI, здѣсь погребеннаго по волѣ его преемника. Непріятна была для меня эта первая преграда къ желанной святынь, когда у насъ напротивъ того она всѣмъ доступна, и такое смѣшеніе святаго и несвятаго, въ столь священномъ мѣстѣ. Еще неприятіе было слышать, что никто не спускается, по мраморнымъ великолѣпнымъ ступенямъ, въ такъ называемое мѣсто исповѣданія Апостоловъ (confessional). Всѣ довольствуются минутнымъ колѣнопреклоненіемъ у рѣшетки; но я, пришедшій издалека, не могъ быть удовлетворенъ столь отдаленнымъ поклоненіемъ святыни; послѣ многихъ распросовъ у мимоходившихъ клириковъ, я наконецъ упросилъ одного Нѣмецкаго священника, который занять былъ исповѣданіемъ своихъ единоплеменниковъ, приказать открыть мнѣ иной входъ въ подземелье, то есть въ остатки древней базилики Константиновой. Мы сошли съ факелами, по узкой лѣстницѣ, въ кругообразную галерею, облеченную мраморными изваяніями, и достигли наконецъ желанной

цѣли, гробоваго покоя Апостоловъ. — Но и тутъ не вполне удовлетворилось мое сердце : мнѣ хотѣлось приложиться къ священнымъ останкамъ верховныхъ Апостоловъ, а я нашелъ только одинъ мраморный престолъ, надъ мѣстомъ гдѣ они хранятся частію : другая часть ихъ въ базиликѣ св. Павла, а честныя главы въ Латеранѣ, также подъ спудомъ. Мученическая кончина обоихъ Апостоловъ изображена, бронзовыми изваяніями надъ алтаремъ, на коемъ стоитъ ихъ древняя икона въ серебряномъ окладѣ; опрокинутый крестъ и мечъ, знаменуютъ образъ ихъ страданій; самая церковь, низкая и тѣсная, крестообразна и окружена малыми придѣлами въ подземной галлерей. — Съ умиленіемъ простерся я, на ступеняхъ гробоваго престола, и излилъ душу свою, въ пламенной молитвѣ къ первопрестольнымъ Апостоламъ, учителямъ вселенной, дабы они своими мольбами даровали ей миръ и душамъ нашимъ велию милость. Глубокая тишина царствовала въ подземельи, неподвижно стоялъ надъ нами клирикъ съ факеломъ, какъ бы участвуя

въ безмолвной молитвѣ; сладко было душѣ и легко сердцу, далеко отъ всего мірскаго, въ нѣдрахъ земли, освященной близостію мощей Апостольскихъ! Вышедши изъ погребальной церкви, я окинулъ бѣглымъ взглядомъ окружавшія ее подземелья, исполненные гробами Первосвященниковъ Римскихъ. Потомъ, возвратясь въ верхнюю церковь, я поклонился гробамъ великихъ Святителей Римскихъ, Льва и Григорія, и болѣе близкаго нашему сердцу Архіепископа Царьградскаго Григорія Богослова, котораго перенесли, во дни крестоносцевъ, изъ раззоренной Византіи; всѣ они недоступны чествованію, подъ великолѣпными алтарями различныхъ приделовъ, и едва мнѣ ихъ указали въ храмѣ; до такой степени обращено общее вниманіе на ваянія и мозаики. Я не могъ даже подойти къ тому престолу, подъ коимъ почиваютъ мощи Св. Іоанна Златоуста, потому что приделъ хора былъ заключенъ, и не вникая на первый разъ, въ подробное разсматриваніе всѣхъ роскошныхъ украшеній храма, я вышелъ изъ него какъ и вошелъ,

съ чувствами Христіанина а не антикваріа или любителя художествъ.

Нѣсколько часовъ спустя, я увидѣлъ опять тотъ же храмъ, оживленный присутвіемъ того, къ кому обращены всѣ мысли въ Римѣ, такъ что, быть тамъ и не видать его, взошло даже въ укорительную половицу. Всякую пятницу великаго поста около полудня, Папа имѣетъ обычай посѣщать базилику Св. Петра, останавливаясь для молитвы у нѣкоторыхъ главныхъ престоловъ, что называется стояніями (*stationes*). Я очень доволенъ былъ видѣть въ первый разъ Первосвященника Римскаго, безъ пышности его окружающей во время богослуженія. Обширная церковь была почти пуста: въ придѣлѣ хора совершалась обѣдня, и слышались довольно пріятные звуки Григоріянскаго пѣнія, напоминавшіе отчасти наше. Солнце пролиvalo лучи свои, сквозь высокое окно и отверстія двери сего придѣла, во внутренность храма, на подобіе свѣтовиднаго водопада, изъ подъ котораго мелькали огни свѣчь и лампадъ, возженныхъ на престолѣ хора: картина сія

была великолѣпна и достойна храма. Тогда, за рѣшеткою противулежавшаго придела Св. тайнъ, стало показываться, изъ малой двери ведущей въ Ватиканъ, шествіе Папское, свѣтское вмѣстѣ и духовное, такъ что я мыслию совершенно перенесся въ средніе вѣка, ибо съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось въ придворномъ чинѣ властителей Римскихъ.

Стража Швейцарская, въ своей живописной одеждѣ, которая, какъ говорятъ, была нарисована для нее Микель-Анджеломъ, уже давно стояла при рѣшоткѣ, никого не впуская въ полукругъ, обозначенный высокими сѣкирами, и я полагалъ, что она тутъ останется только для почести и порядка. Напротивъ того она участвовала и въ духовной церемоніи, ограждая отовсюду Первосвященника и его свиту, и такимъ образомъ весьма неприятно, для глазъ и для сердца, раздѣляя пастыря отъ насомыхъ. Такъ ли бываетъ у насъ въ православной Руси, гдѣ всѣ тѣснятся къ Святителю принять его благословеніе? Здѣсь же всѣ только кланяются

колѣна предъ мимоидущимъ, какъ бы ведомымъ подъ стражею Первосвященникомъ, не обращающимъ ни на кого пастырскаго вниманія. — Еще нѣсколько аллебардъ Швейцарскихъ появилось, изъ боковой двери придѣла, предъ тѣмъ какъ должно было начаться шествіе Папы; за ними его домашняя прислуга и ближайшіе чиновники двора; потомъ опять стража, но уже не Швейцарская а благородныхъ Римлянъ, съ ихъ воинскимъ начальствомъ; наконецъ самъ Папа, въ сопровожденіи одного Кардинала и канониковъ базилики Св. Петра, а послѣ опять стража. При самомъ входѣ въ церковь, одинъ изъ священниковъ подалъ ему на колѣнахъ святую воду, и Папа окропилъ ею себя и крестообразно всѣхъ предстоявшихъ.

Тогда взглянулъ я, въ первый разъ, въ лице Первосвященнику Римскому, исполненный памятью Того, чей священный санъ онъ на себя принялъ, и тѣхъ событій, какими ознаменовалось сіе намѣстничество! — Старческое лице осмидесятилѣтняго Григорія XVI, выражающее мудрость и доброту. Онъ

былъ облеченъ въ бѣлую рясу, съ золотою
 поверхъ эпитрахилью и багрянымъ ворот-
 никомъ, свойственнымъ всѣмъ Кардина-
 ламъ, но бѣлая скуфья была исключитель-
 ною принадлежностью его сана. Сладкое и
 вмѣстѣ горькое чувство исполнило мое серд-
 це, при видѣ державнаго Святителя: — въ
 первую минуту мнѣ пріятно было видѣть
 предъ собою старѣйшаго Епископа Рим-
 скаго, преемника если не Петрова, то
 учрежденной имъ въ Римѣ кафедры, и въ
 всякомъ случаѣ преемника великихъ Папъ
 Льва и Григорія, почіющихъ въ томъ со-
 борѣ и призываемыхъ нами въ ликахъ
 Святыхъ, изъ коихъ, именемъ одного онъ
 самъ украшенъ, даже числомъ своимъ XVI,
 напоминая іерархическое съ нимъ сродство.
 Съ другой стороны, когда я увидѣлъ во-
 кругъ него стражу воинскую и вспомнилъ,
 что только одна Пилатова окружала Того,
 кто сказалъ «царство мое не отъ міра сего,»
 и чье мѣсто на землѣ думаютъ заступитъ
 Понтифексы Римскіе, — сердце мое стѣс-
 нилось чувствомъ невольнаго страха, ибо
 я вспомнилъ слова великаго ихъ предмѣст-

ника святаго Григорія, о тѣхъ которые восхищаютъ на себя вселенское главенство Церкви! Этотъ страхъ не былъ возбужденъ мѣлкимъ чувствомъ непріязни, къ чуждому теперь для насъ Епископу древняго Рима, но напротивъ проникнуть и согрѣть самую Христіанскою любовью, къ предстоятелю одной изъ великихъ и древнихъ Церквей въ мірѣ.

Сложивъ благоговѣйно руки, съ поникнутой главою, Папа смиренно послѣдовалъ за ходомъ, столь мало духовнымъ. Сперва преклонилъ онъ колѣна еще за рѣшеткою, предъ Св. дарами хранившимися на боковомъ престолѣ; потомъ, вступивъ въ самый храмъ, былъ немедленно окруженъ стражею и, въ ея непріязненномъ кругѣ, продолжалъ шествіе со всею свитою, въ другой боковой придѣлѣ Божіей матери, гдѣ также сталъ на молитву у престола; оттолъ направился онъ къ пурпурному наложу, поставленному для него посреди храма, противъ великолѣпнаго спуска ко гробу Апостоловъ, и мимоходомъ приложился къ ногъ бронзоваго изображенія

Св. Петра, сидящаго на высокой бѣлой каедрѣ, которая еще болѣе выставляетъ черноту статуи. Не могу вамъ выразить какое непріятное впечатлѣніе произвело на меня сіе цѣлованіе, когда я вспомнилъ, что это можетъ быть идолъ Юпитера Капитолійскаго, коего перуны замѣнены ключами царствія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, или который, по замѣчанію болѣе снисходительныхъ, перелить изъ языческаго бога въ Христіанскаго Апостола. Не поклонился ли Папа, хотя внѣшнимъ образомъ, тому же идолу, предъ которымъ, быть можетъ, святыя его предмѣстники пролили кровь свою, чтобы засвидѣтельствовать Бога истиннаго въ лице бездушному истукану?

Конечно такія мысли не входили въ голову благочестивому старцу, когда приложившись къ изваянію, онъ сталъ на колѣни посреди храма, предъ наемомъ, и погрузился въ благоговѣйное созерцаніе, въ виду главнаго престола. Позади его преклонили также колѣна Кардиналъ, прелать и каноники, и народъ въ церкви. Но между народомъ и духовенствомъ очистила обширный

кругъ стража Швейцарская, съ шляпою на головѣ, а впереди самаго Папы, съ каждой стороны, по четыре благородныхъ Римлянина, также съ обнаженнымъ мечемъ и съ покрытой головою, стояли неподвижно, во все время покамѣстъ молился ихъ державный Святитель: — опять странная несообразность! Кто молится на колѣняхъ, среди общаго безмолвія въ храмъ Св. Петра? не его ли преемникъ, по мнѣнію самихъ предстоящихъ? — Не о всѣхъ ли онъ молится, не всѣмъ ли принадлежитъ его молитва? — какъ же Епископъ обнажилъ свою голову и на колѣняхъ, со всемъ своимъ клиромъ и народомъ, а стража стоитъ какъ бы чуждая? и точно отчасти чуждая, ибо, какъ я слышалъ, Епископъ Римскій ввѣряетъ иногда свое ближайшее охраненіе и Протестантамъ, изъ числа Швейцаръ, не разбирая ихъ вѣры. Но Римская стража, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ ревностныхъ и благородныхъ сыновъ Церкви, которой глава на колѣнахъ, а они подлѣ него, не воздавая ему и церкви, никакой другой почести кромѣ воин-

ской, и то какъ должно быть на площади а не въ храмъ. Если же здѣсь царственный санъ его превосмогаетъ надъ епископскимъ, то не должны ли и подданные молиться вмѣстѣ съ своимъ Государемъ? — Невольно вспомнишь опять слова Христовы Пилату: «царство мое не отъ міра сего;» ибо на каждомъ шагу, гдѣ только мѣшается это мірское царство съ духовнымъ священствомъ, послѣднее необходимо облечется въ несвойственный ему образъ перваго. — Въ этотъ самый день или наканунѣ Папа долженъ былъ, если не письменно то по крайней мѣрѣ словесно, утвердить смертный приговоръ преступника, заслужившаго впрочемъ свою казнь; но взирая на молящагося старца, я не могъ равнодушно согласить мысль о безкровной жертвѣ, приносимой имъ для спасенія душъ, съ мыслию о смерти, отъ него же истекающей для наказанія виновныхъ. — Послѣ краткой безмолвной молитвы Папа возвратился, тѣмъ же путемъ и порядкомъ, въ Ватиканъ, и это первое впечатлѣніе Первосвященника Римскаго глубоко врѣзалось въ мое сердце,

какъ будто бы весь осмнадцать вѣковъ Церкви Западной, въ лицѣ его, пронзили сквозь мою душу, потрясенную столькими воспоминаніями!

П И С Ъ М О II.

Базилки Латеранская и Св. Марш, первый
взглядъ на Капитолій и форумъ.

На слѣдующее утро поспѣшилъ я въ со-
боръ Латеранскій, потому что мнѣ хотѣлось
видѣть древнюю мать церквей Римскихъ,
у которой самая базилика Св. Петра, не
смотря на все ея великолѣпіе, не могла
предвосхитить старѣйшинства. Со времени
ея основанія Императоромъ Константиномъ,
она почиталась всегда первою на Западъ,
подобно тому, какъ на Востокъ церковь
Сіонская, гдѣ собирались Апостолы, имѣла

преимущество надъ всѣми и называлась даже матерью всѣхъ Церквей Христіанства. Прямая и свѣтлая улица, одна изъ лучшихъ въ Римѣ, проложенная Папою Сикстомъ V, чрезъ три холма, Квиринальскій, Виминальскій, и Эсквилинскій, привела меня отъ улицы, *via Felice*, гдѣ я жилъ, мимо дворца Барберини и четырехъ фонтановъ, къ великолѣпной базиликѣ Св. Маріи; оттолъ, по длинной аллеи тополей, между городскихъ виллъ, поднялся я на четвертый холмъ Целійскій, къ обелиску тогоже великаго Папы, который воздвигъ онъ предъ самымъ дворцомъ и соборомъ Латеранскимъ, въ виду древней крещальни Константиновой.

Обелискъ сей изъ краснаго гранита, во сто футовъ вышины, исписанный весь іероглифами, видѣлъ дни Моисеевы, ибо былъ сооруженъ современнымъ ему Фараономъ, и былъ предназначенъ великимъ Константиномъ для цирка его всемірной столицы, тогда еще языческой. Прилично сторожить онъ входъ въ первую изъ базиликъ просвѣтившагося Христіанствомъ Рима, которой еще сохранилось имя древняго обладателя сего

мѣста, Плавтія Латерана : она посвящена была Спасителю, спасеннымъ Императоромъ, какъ о томъ свидѣтельствуесть древній мозаическій образъ Спаса, на ея главномъ входѣ, а въ VII вѣкъ ее посвятили еще двумъ его великимъ проповѣдникамъ, Предтечѣ и Богослову, почему и носить названіе Іоанна Латеранскаго. Боковой обычный входъ въ соборъ, со стороны обелиска, украшенъ двуяруснымъ притворомъ, съ пирамидальными по верху его столбами; онъ носитъ отпечатокъ времени Сикста V, равно какъ и новый дворецъ, который сооруженъ былъ по волѣ его, на мѣстѣ древней патріархіи Латеранской, истребленной пожаромъ. Статуя Генриха IV, Короля Франціи, поставлена въ этомъ притворѣ, на память его обращенія, и довольно странно видѣть ее у входа въ Латеранъ, гдѣ скорѣе ожидаешь встрѣтить великаго Константина; но есть и его подлинное изваяніе, въ другомъ главномъ притворѣ.

Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія взошелъ я во внутренность святилища, исполненнаго воспоминаніями первыхъ вѣковъ

Христіанства. — Первая встрѣча моя въ храмѣ была весьма удачна, потому что ко мнѣ устремился, съ большимъ радушіемъ, молодой Аббатъ III*, котораго я знавалъ въ Петербургѣ, въ домѣ Графини З*. Онъ вызвался показать мнѣ все замѣчательное въ базиликѣ, и въ послѣдствіи еще нѣсколько разъ оказывалъ мнѣ подобныя же услуги. Кромѣ стѣнъ и полукружія горняго мѣста, позади главнаго алтаря, съ которыми изъ столбовъ, мало сохранилось древности въ Латеранѣ, потому что онъ былъ совершенно опустошенъ пожаромъ въ XIV вѣкѣ, во время пребыванія Папъ въ Авиніонѣ, и мало по малу приведенъ въ новѣйшій его видъ. — Климентъ V началъ, Климентъ XII довершилъ зданіе, но съ него стерлась печать первыхъ вѣковъ. По первоначальному образцу древнихъ базиликъ, Латеранская раздѣлена четырьмя рядами пиластръ, на мѣсто прежнихъ гранитныхъ столбовъ, которые поддерживали кедровые своды. Папа Пій IV, замѣнилъ легкій сводъ сей позлащеннымъ потолкомъ, а Иннокентій IV, не надѣясь на прочность

столбовъ, пострадавшихъ отъ пожара, обложили ихъ тяжелыми пиластрами, которые нарушили легкую красоту древней базилики. Но за то, около каждаго изъ двѣнадцати среднихъ пилластръ, во впадинахъ украшенныхъ столбами зеленого мрамора, поставлено двѣнадцать великолѣпныхъ изваяній Апостольскихъ, рѣзца лучшихъ художниковъ, между коими особенно замѣчательны многострадальный Вароладомей и Евангелистъ Матѳей. Поразительно зрѣлище сихъ избранниковъ Божіихъ, превышающихъ ростъ человѣческой, каждаго съ орудіемъ своего мученія, когда отъ восточнаго входа бросишь глубокій взглядъ во внутренность святилища, къ главному его престолу. — Это какъ будто бы посмертный соборъ ихъ, гдѣ еще однажды сошлись они, какъ нѣкогда при жизни, къ Господу своему и Спасу, чтобы дать ему отчетъ въ дивныхъ дѣлахъ своихъ, уже засвидѣтельствованныхъ мученическою кончиною.

Высокая сѣнь надъ престоломъ, на четырехъ гранитныхъ столбахъ, поддержи-

васть готическій кивоть, гдѣ хранятся честныя главы верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ двухъ позлащенныхъ сосудахъ, обрѣтенныя послѣ долгаго забвенія, уже въ средніе вѣка; но никто не можетъ приступать къ нимъ, по запрещенію Папскому, и только во дни великихъ праздниковъ показываютъ ихъ сверху молящемуся народу, не открывая никогда запечатанныхъ сосудовъ. Подъ тѣмъ же престоломъ малый подземный приделъ посвященъ памяти Евангелиста Іоанна, и говорятъ будтобы тамъ претерпѣлъ онъ испытаніе горящаго елѣя; но это преданіе несправедливо, ибо мѣсто его мученія означено малою часовнею около воротъ Латинскихъ, подлѣ бывшаго монастыря, который доселѣ носить названіе Св. Іоанна in oleo. Недавно открыта, надъ подземнымъ алтаремъ Латеранскимъ, замѣчательная фреска славнаго обновителя живописи Жюотто, которая около двухъ сотъ лѣтъ была забыта, подъ густымъ слоемъ штукатурки; она изображаетъ Евангелиста пишущимъ на Патмосѣ, и Царицу Елену, молящуюся,

съ ликомъ праведныхъ дѣвъ, Господу Исусу.

Одинъ только Епископъ Римскій, въ качествѣ Патріарха древней столицы, или тотъ, кому онъ это дозволить писменно, имѣеть право совершать литургію, подъ сѣнію главъ Апостольскихъ, на главномъ престолѣ Латеранскомъ: ибо подъ мраморною его плитою находится, какъ говорить, та доска, на которой служилъ обѣдню самъ Апостоль Петръ. Обычное богослуженіе бываетъ ежедневно на другомъ престолѣ, въ углубленіи горняго мѣста, гдѣ ставится каедръ Папская, во время его личнаго присутствія, и признаюсь весьма странно видѣть, какъ легко измѣняются въ Римской церкви мѣста престоловъ, надъ которыми или вмѣсто коихъ, часто ставятъ тронъ Первосвященника, какъ будтобы духовное величіе Святителя могло равняться со святынею алтаря. Полукуполь надъ симъ горнимъ мѣстомъ украшенъ мозаикою, коей верхняя часть восходитъ еще до временъ Константиновыхъ: Спаситель, окруженный девятью чинами Ангеловъ. Нижняя

часть мозаики представляет спасительный крестъ, источающій живыя струи, къ которымъ стекаются жаждущіе олени и овцы, то есть язычники и Христіане, и написано подъ нимъ Іорданъ: а по сторонамъ креста — Божія Матерь и верховные Апостолы съ двумя Іоаннами, и двѣ малыя фигуры западныхъ угодниковъ и самаго Папы Николая IV, на колѣняхъ, который велѣлъ доверить сію мозаику въ исходѣ XIII вѣка. Пять весьма древнихъ колоннъ сохранились еще въ галлерей, окружающей горнее мѣсто, и между ними стоятъ два старинныя изваянія Апостоловъ Петра и Павла, грубо изсѣченныя изъ мрамора.

Въ лѣвомъ крылѣ церковномъ, предъ входомъ въ ризницу, есть еще одинъ великолѣпный оltарь, сооруженный Папою Климентомъ VIII, изъ роскошнаго дома Альдобрандини. Тамъ обыкновенно хранятся Св. Тайны въ изящномъ кивотѣ, усыпанномъ драгоценными камнями, и предъ нимъ стоятъ четыре бронзовыхъ позлащенныхъ столба, которые сдѣла нѣкогда

Императоръ Августъ, изъ мѣди кораблей Египетскихъ, и поставилъ въ Капитоліи, на память славной своей побѣды надъ Антоніемъ, даровавшей ему вселенную. Какое странное и вмѣстѣ разительное стеченіе великихъ воспоминаній неволью оставливаетъ взоры и мысли въ храмахъ Римскихъ! Вотъ память всемірнаго торжества Кесарева перешла, изъ его Капитолія въ храмъ современнаго ему Младенца, ко-его не вѣдалъ онъ ни земнаго рожденія, ни предвѣчной славы! — Четыре изваянія Пророковъ, за нѣсколько вѣковъ до слѣпотствующаго Августа, уже созерцавшихъ сію славу, и нѣсколько картинъ, относящихся къ обращенію великаго Константина и сооруженію имъ храма Латеранскаго, хотя и не лучшихъ художниковъ, прилично украшаютъ придѣлъ сей; и прочія части базилики, украшены также довольно изящными барельефами, и вообще роскошь мраморовъ, колоннъ и помоста, и бронзовыхъ ваяній, вездѣ гдѣ только можно было употребить ихъ, показываютъ щедрость Первосвященниковъ Римскихъ для убранства своей митрополіи.

Одинъ изъ нихъ, Мартинъ V, изъ сильнаго дома Колонны, избранный соборомъ Константскимъ, послѣ долгаго разрыва Западной Церкви между тремя совмѣстными Папами, погребенъ и изваянъ на бронзовой плитѣ, посреди самой базилики, какъ бы въ утвержденіе своей законности и мира церковнаго. Другой Папа, изъ дома Корсини, Климентъ XII, много украсившій базилику, устроилъ для себя и своего рода великолѣпную усыпальницу, съ лѣвой стороны храма, въ отдельномъ придѣлѣ, гдѣ самъ онъ отдыхаетъ въ порфировомъ саркофагѣ, взятомъ изъ языческаго Пантеона Агриппы. Въ подземельи показываютъ изящное изваяніе образа Господа, снятаго со креста и простертаго на лонъ своей плачущей Матери, художника Монтанти; капелла или придѣлъ Корсини почитается одною изъ самыхъ роскошныхъ въ Римѣ.

Но не это внѣшнее убранство обратило на себя мое вниманіе: нѣтъ, я жаждалъ поклониться святынь, болѣе близкой сердцу всякаго Христіанина, ибо преданіе Римское говоритъ, что въ Латеранскомъ соборѣ хра-

нится самый столъ Тайной вечери. Не знаю до какой степени оно справедливо, но я съ умиленіемъ облобызаль деревянную доску священной трапезы; Французы сняли съ нее серебряный окладъ, во время ихъ краткаго владычества въ Римъ, и очень кстати, ибо открылось первобытное дерево, безъ всякихъ украшеній, излишнихъ для такой святыни, если она подлинная. Трапеза сія находится за стекломъ, въ маломъ застѣнкѣ съ лѣвой стороны главнаго престола, и ее можно видѣть только при тускломъ сіяніи свѣчи. Еще нѣсколько такихъ драгоценныхъ памятниковъ, святаго миноваго, собрано на маломъ боковомъ дворикѣ древней базилики, который одинъ только уцѣлѣлъ отъ ея пожара, и представляетъ взорамъ живописный четвероугольникъ Византійскихъ аркадъ, на витыхъ легкихъ столбикахъ своенравнаго вкуса, съ прозрачною рѣзбою мрамора въ огивахъ. Посрединѣ сего двора находится мраморное довольно высокое устье, или верхній обручь того колодца, надъ которымъ бесѣдовалъ Господь съ женою Самарянскою;

оно изваяно въ позднѣйшія времена крестами; говорятъ будто Царица Елена принесла его изъ Сихема въ Римъ. Подъ навѣсомъ того же портика сохраняются обломки изваяній, украшавшихъ древнюю базилику Латеранскую, остатки надписей и гробницъ, нѣкоторыя иконы писанныя на стѣнахъ, между коими одной иконѣ Богоматери воздается донынѣ особенное уваженіе отъ народа. Тамъ же собраны и другіе памятники Иерусалимскіе, относимые ко временамъ Христовымъ; два столба будто бы храма Соломонова, треснувшіе въ часъ землетрясенія Голгоескаго, и каменная доска, на которой войны метали жребій о одежду Господней, и самая мѣра возраста Господа Іисуса: это также доска на четырехъ столбикахъ, подъ которую никто не можетъ подойти вровень: всѣ бываютъ или ниже или выше, и еще досель не нашелся человекъ совершенно одинакого роста съ Господомъ. Не знаю достовѣрны ли мѣра и самое преданіе, но во всякомъ случаѣ мысль о сей невозможности равенства съ Господомъ, даже въ

столь обыкновенной вещи, каковъ ростъ
человѣческой, весьма благочестива, и я все-
гда съ любовію принималъ въ Римъ все
такого рода преданія, какъ умиленные
для сердца, не входя въ сухое разбира-
тельство ихъ достовѣрности.

Мы возвратились въ церковь: она была
пуста, но за главнымъ престоломъ, въ по-
лукружій горняго мѣста, совершалось бо-
гослуженіе. Кардиналь, Викарій Папскій,
по городу Риму, Патрицій именовъ и ро-
домъ, совершалъ рукоположеніе многихъ
клириковъ въ различныя степени церков-
ныя, начиная отъ вратаря и до пресвите-
ра, потому что это была пятая суббота
великаго поста, одинъ изъ тѣхъ немно-
гихъ дней, въ которые назначено Римскою
церковію посвященіе ея избранныхъ чле-
новъ. На Западъ совершенно иначе, нежели
на Востокъ, правила и обрядъ рукоположе-
нія, и когда у насъ, соборными правилами
Св. отцевъ, строго запрещено посвящать
на одной литургіи, болѣе одного діакона и
пресвитера, безъ всякаго однако разбора
дней: тамъ, напротивъ того, не опредѣлено

число ставленниковъ всѣхъ степеней, и весь-
ма ограничено число дней для сего необ-
ходимаго священнодѣйствія; оно позволяет-
ся не болѣе шести разъ въ годъ, по суб-
ботамъ различныхъ постовъ, называемыхъ
четырьмя временами года, и въ двѣ суб-
боты великаго поста: — иначе нужно раз-
рѣшеніе Папское, и если слѣдить за симъ
постановленіемъ, то начало его конечно
не восходитъ до временъ отеческихъ, по-
тому что правила помѣстныхъ соборовъ,
коими опредѣлены у насъ рукоположенія,
одинаково приняты и на Западѣ.

Аббатъ возвелъ меня на возвышеніе, гдѣ
стоялъ органъ, чтобы мнѣ можно было ви-
дѣть все церковное дѣйствіе, и постепенно
его объяснялъ. Посвященіе началось съ
четырехъ младшихъ степеней, вратаря, чте-
ца, заклинателя и аколива, которые еще
не произносятъ обѣтовъ безбрачія и свобо-
дно могутъ возвратиться въ міръ. Всѣ они,
въ бѣлыхъ одеждахъ, смиренно подходили
къ Епископу, и вмѣстѣ съ благословеніемъ,
принимали отъ него наставленіе и внѣшнее
знаменіе своей церковной должности: вра-

тарямъ вручалъ онъ ключи храма и архи-
 діаконъ выводилъ ихъ ко вратамъ, гдѣ за-
 ставлялъ ударить въ колоколъ, чтецамъ по-
 давалась книга паремій, заклинателямъ
 огласительная, аколиѳамъ церковные сосу-
 ды. Гораздо торжественнѣе было призва-
 ніе въ иподіаконы, ибо здѣсь уже имъ на-
 длежало ступить впередъ невозвратный шагъ,
 и они, послѣ предварительнаго увѣщанія
 Архіерейскаго, подвигались къ алтарю и
 простирались ницъ, для слушанія литаній
 Господу и пречистой его Матери и всѣмъ
 Святымъ; тогда получали троекратное бла-
 гословеніе отъ Епископа, вмѣстѣ съ бого-
 служебными сосудами и книгою посланій,
 и ихъ облакали въ стихарь, надѣвая имъ
 и лѣвую поручь. При поставленіи діаконовъ,
 Кардиналъ спрашивалъ предварительно всю
 церковь, чрезъ Архидіакона, достойны ли
 они сего новаго званія? и тогда уже при-
 ступалъ къ таинству, съ возложеніемъ рукъ,
 облакая ихъ молитвенно въ стихарь и возла-
 гая имъ орать на лѣвую руку, и потомъ вру-
 чалъ имъ Евангеліе, при назидательномъ
 словѣ.

Еще торжественнѣе было рукоположеніе пресвитеровъ, также съ предварительнымъ воззваніемъ къ народу, о чистотѣ жизни избираемыхъ, дабы они были достойны своего званія. Не одинъ Епископъ, но и всѣ предстоявшіе каноники собора Латеранскаго, возлагали правую руку на поставляемыхъ, при чтеніи тайноводственныхъ молитвъ, и всѣ преклоняли колѣна; потомъ Кардиналъ слагалъ на груди новыхъ пресвитеровъ орарь, въ знаменіе воспріятого ими легкаго ига Господня, и облакалъ ихъ въ ризу спасенія, опущенную спереди но свитую сзади на плечахъ, до окончанія богослуженія. При пѣніи гимна: «пріиди творческій Духъ,» онъ помазывалъ имъ муромъ руки и связывалъ ихъ на время лентіемъ, давая прикасаться перстами къ потиру и дискосу, со священнымъ на немъ агнцемъ. Тогда опять продолжалась божественная литургія, чтеніемъ апостола и евангелія, и рукоположенные пресвитеры, стоя у подножія олтаря, должны были повторять вслухъ, вслѣдъ за Кардиналомъ, всѣ священнодѣйственные слова,

участвуя такимъ образомъ при совершеніи даровъ; но они приобщались только подъ однимъ видомъ, наравнѣ съ прочими, и вкушали не много освященнаго вина, вмѣсто втораго вида таинства. По окончаніи обѣдни, Епископъ, сидя на своей кафедрѣ у престола, возлагалъ опять руки на посвященныхъ, преподавая имъ благодать Духа Святаго, словами Господними: «примите Духъ свягъ» съ властію вязать и рѣшить; онъ бралъ съ нихъ присягу вѣрности себѣ и своимъ преемникамъ, и распустивъ имъ сзади собранную ризу, какъ новую для нихъ одежду невинности, отпускалъ съ благословеніемъ и послѣднимъ увѣщаніемъ, которое обращалъ и ко всѣмъ прочимъ ставленникамъ.

Весьма трогательно было смотрѣть на сіе таинственное рукоположеніе столькихъ новыхъ служителей Церкви, какъ по благочестію самаго совершателя, такъ и по искреннему благоговѣнію рукополагаемыхъ, которые, казалось, были глубоко проникнуты важностію такого дѣйствія. Здѣсь были люди разнаго возраста и званія, изъ ко-

ихъ нѣкоторые принадлежали къ первѣйшимъ родамъ области Римской и иныхъ государствъ. Нельзя было безъ умиленія видѣть, какъ они всѣ стояли на коленяхъ съ поникнутою головою и возженными въ рукахъ свѣчами, у подножія алтаря, и все это въ одной изъ древнѣйшихъ базиликъ Христіанства, тамъ гдѣ пролито было столько мученической крови, ради имени Христа, нынѣ исповѣдуемаго во услышаніе вселенной.

По окончаніи литургіи, аббать повелъ меня къ внѣшнему главному притвору, обращенному лицомъ къ востоку, и на последнемъ пиластрѣ собора, показалъ мнѣ портретъ знаменитаго Папы Вонифатія VIII, соперника Короля Французскаго Филиппа, писанный фрескою, славнымъ художникомъ Жіотто, съ двумя Кардиналами по сторонамъ его, въ ту минуту, когда онъ провозглашалъ первый юбилей Римскій. Тутъ же, близъ угла собора, и закладенные врата юбилея, однѣ изъ пяти вратъ, которыми входятъ въ храмъ съ востока; но они отверзаются только въ годъ юбилея, и по-

для нихъ смиренная гробница одного благочестиваго гражданина Римскаго, замѣчательная по своей могильной надписи: усещій просить близкихъ и чуждыхъ, не нарушать его блаженнаго покоя, слезами суетными, которыя старался онъ осушать въ теченіе всей своей жизни.

Я вышелъ изъ собора Латеранскаго, на его восточную паперть, и сталъ изумленный: до такой степени поразилъ меня впервые открывшійся мнѣ видъ голубыхъ горъ Лациума и Сабинны! Онѣ сіяли яркою лазурью, въ лучахъ утренняго солнца, подъ легкою дымкою разбѣгавшихся тумановъ, и въ ихъ очаровательной рамѣ стѣснились развалины башенъ, стѣнъ и водопроводовъ, которые всѣ, какъ бы по взаимному согласію, стеклись изъ города и окрестной пустыни, въ сей очаровательный уголокъ древняго Рима. Прямо противъ меня возвышалась священная базилика честнаго креста, сооруженная Царицею Еленой, и вокругъ нее величавыя развалины, которыя всѣ пережила она своею святынею. Роскошно разстилался обширный лугъ предъ базиликою,

какъ бархатный коверъ, посланный отъ самаго Латерана, для совершенія торжественныхъ ходовъ, между храмами благочестивой матери и ея великаго сына, по длинной аллеѣ тополей, ихъ соединяющей; тысячи фялокъ, испестрявшихъ свѣжую зелень луга, и распускавшіяся листья тополей обвѣяли меня своимъ весеннимъ благовоиємъ. Этотъ ароматный воздухъ, эти воздушныя горы, утопавшія въ лучахъ солнца, переносили меня въ иной, высренній міръ, и если бы не развалины, напоминавшія о брэнной землѣ, мнѣ бы казалось, что дышущій цвѣтами лугъ и благовонная аллея, которыя вели въ базилику Іерусалимскую, открывали собою путь не къ земному а небесному Сіону!

Насладившись вполне очаровательнымъ зрѣлищемъ, я окинулъ взорами двухъярусный великолѣпный притворъ, съ котораго Папа даетъ благословеніе народу въ день вознесенія. Онъ украшенъ четырьмя огромными столбами и пиластрами смѣшаннаго ордена, съ пятью балконами, промежду аркадъ и многими изваяніями Святыхъ на

фронтонъ. Но его совершенно новый видъ, отзывающійся XVII вѣкомъ, мало соответствуетъ тому впечатлѣнію древности, какое долженъ бы вселять въ насъ внѣшній притворъ Латеранскій, особенно при зрѣніи тѣхъ живописныхъ развалинъ, которыми онъ отсюду окруженъ; одно только утѣшительно видѣть въ этомъ притворѣ, — колоссальную статую великаго Константина, которая найдена была въ его термахъ и почитается подлиннымъ изображеніемъ благочестиваго Императора. Черты его, болѣе Славянскія нежели Римскія, выражаютъ простоту и спокойствіе, густая борода осѣняетъ лице, на головѣ лавровый вѣнокъ, по обычаю Императоровъ; онъ въ бронѣ воинской и лѣвою рукою придерживаетъ мечъ, какъ большая часть изваяній Кесаревыхъ; но на длинномъ копьѣ, въ правой рукѣ, поставленъ, вѣроятно уже въ позднѣйшія времена, дивный его лабарумъ, или священный монограммъ имени Христова, знаменіемъ коего онъ побѣдилъ язычскій міръ.

Отъ собора Латеранскаго направились

мы къ близьлежащей капеллѣ или малой церкви святая святыхъ; это былъ древній триклиніумъ Папы Льва III, одинъ уцѣлѣвшій отъ пожара Латеранскаго съ тою малою церковію, гдѣ сей благочестивый Святитель поставилъ на алтарь весьма древнюю икону Господа и положилъ подъ нимъ, въ кипарисовой ракъ, частицы священныхъ мощей съ надписью: святая святыхъ. Сколько я ни старался проникнуть во внутренность сей церкви, во время моего пребыванія въ Римъ, — мнѣ не удалось это по разнымъ препятствіямъ, и потому что я не зналъ того единственнаго въ году дня, когда она бываетъ открыта. Только сквозь малое оконцо издали могъ я видѣть икону и хранившуюся подъ нею святыню. Папа Сикстъ V, сдѣлавшій столько великаго въ Римъ, въ свое краткое правленіе, не смѣлъ коснуться древняго триклиніума и церкви, когда возстановлялъ изъ развалинъ обгорѣвшую патриархію, которая простиралась отъ собора и до сего мѣста; но онъ пристроилъ къ ней величественный портикъ, по плану зодчаго своего Фонтаны, и въ

среднюю его арку помѣстилъ священное крыльцо дома Пилатова (*scala santa*), по коему сходилъ Спаситель, обремененный тяжестью искупительнаго креста. Двадцать восемь ступеней блага мрамора составляютъ крыльцо сіе, и онѣ до такой степени стерты благочестіемъ поклонниковъ, по нимъ восходившихъ на козвняхъ, что Папа Климентъ XII принужденъ былъ покрыть ихъ орѣховыми досками, прорѣзавъ мѣстами отверстія для благоговѣйнаго цѣлованія исподняго мрамора; но и самыя доски стирались отъ употребленія и были нѣсколько разъ перемѣняемы. Преданіе говоритъ, что Царица Елена перенесла изъ Іерусалима сіи ступени, и это можетъ быть ввроятно, потому что мѣсто дома Пилатова всегда было извѣстно; тамъ доселѣ живутъ правители Св. града, и конечно благочестивая Царица не захотѣла оставить промежду его развалинъ, столь священнаго памятника страстей Господнихъ. Если же она предпочтительно совокупила всю принесенную ею святыню, въ двухъ базиликахъ Римскихъ, Латерана и Св. креста, то

это потому, что все пространство между ними ей принадлежало и занято было ея садами, на краю ковхъ, въ загородной ея виллѣ, недавно обрѣтена и ея великолѣпная гробница. Однако, по сказанію самихъ Римлянъ, не ранѣе половины девятаго вѣка, крыльцо сіе начало быть у нихъ въ особенномъ уваженіи, и находилось до времени Сикста т. е. до XVI вѣка, въ пала-тахъ Латеранскихъ.

Съ должнымъ благоговѣніемъ, сталъ я подыматься на колѣняхъ по священнымъ ступенямъ, цѣлуя ихъ въ прорѣзанныхъ отверстіяхъ. На вершинѣ крыльца, произносится умиленная молитва къ распятому Господу, привѣшенная у малаго оконца церкви святая святыхъ. — Но если я не могъ въ нее проникнуть, то по крайней мѣрѣ видѣлъ внѣшнія мозаическія украшенія триклиніума или трапезы Святителя Льва, сохраненныя Сикстомъ, съ правой стороны сего зданія; тамъ изображены одиннадцать Апостоловъ вокругъ Господа, а пониже ихъ Спаситель на тронѣ, подающій ключи царствія Апостолу Петру и хоругвь

Императору Константину, и верховный Апостоль, вручающій хоругвь церковную великому Карлу и омофоръ Папъ Льву III. Весьма замѣчательнъ сей остатокъ мозаики IX вѣка.

«Хотите ли взглянуть теперь въ соседнюю виллу Княгини В* ? спросилъ меня привѣтливый аббатъ ; оттоль я могу указать вамъ семь священныхъ базиликъ Римскихъ , » и я съ радостію принялъ его предложеніе. Прелестная вилла сія начинается почти отъ самой церкви святая святыхъ , и на маломъ пространствѣ соединяетъ въ себѣ много изящнаго. Она открывается роскошною аллеєю лавровъ , которые перемѣшаны съ лимонными деревьями и розовыми кустами , и тянутся вдоль древняго водопровода , поросшаго плющемъ. Мы взошли въ цвѣтникъ и оттоль , чрезъ малый домикъ княгини , на вершину водопровода Клавдіева.

Одна изъ самыхъ очаровательныхъ панорамъ Рима открылась намъ съ высоты разбитаго водопровода : здѣсь пустыня одолеваетъ городъ и древній Христіанскій

Римъ господствуетъ надъ новымъ, а кругомъ картины обвивается тотъ же лазуревый вѣнокъ горъ, который украшаетъ окрестные воды. — Въ одномъ обзорѣ представились мнѣ всѣ главныя базилики: во имя Предтечи, верховныхъ Апостоловъ, Богоматери, честнаго креста, и святыхъ Лаврентія и Севастіана, къ которымъ обращено исключительное благоговѣніе Римлянъ и пришельцевъ; доселѣ сохранился благочестивый обычай обходить ихъ, съ посохомъ богомольца, въ теченіе одного дня, хотя онѣ раскинуты по всѣмъ оконечностямъ города, а нѣкоторыя и за оградю.— Самая вилла пристроена къ водопроводу, какъ выпреннее гнѣздо, свитое между развалинъ, и объемлетъ часть садовъ Императора Иліогавала, которые сдѣлались потомъ достояніемъ святой Царицы Елены: пустынное ея положеніе на краю города, на высотахъ Целійскихъ, благопріятствуетъ обширности видовъ.

«Окинемъ сперва бѣглымъ взоромъ пустыню, сказалъ мнѣ аббатъ: сосѣдній соборъ Латеранскій, мимо коего тянется во-

допроводъ къ разбитому Колизею, послужить для насъ основною точкою сей великолѣпной панорамы и прочихъ семи базиликъ, такъ какъ ему усвоено священное надъ ними первенство. Вотъ, напротивъ Латерана и почти въ такомъ же разстояніи отъ виллы другая базилика, Иерусалимская, гдѣ положила блаженная Елена честный крестъ; а между сихъ двухъ святилищъ открывается, на обѣ стороны отъ водопровода, цѣлый міръ Римскій, Христіанскій и языческій, пустыня и городъ, Лаціумъ и Сабина. Мы разсмотримъ въ частности эту чудную картину и я вамъ назову главные предметы. —

Вотъ изъ-за собора Латеранскаго, совершенно вдали, едва показывается третія знаменитая базилика св. Павла, сооруженная также великимъ Константиномъ, надъ гробомъ Апостола, и до гибельнаго пожара сохранявшая свой первобытный образъ. Львѣе тамъ, гдѣ по направленію одинокой башни Цециліи Метеллы, зеленѣютъ въ пустынь нѣсколько кипарисовъ, можно различить скромный фронтонъ четвертой базилики

Св. Себастіана, надъ катакомбами. Нѣсколько ближе, у древнихъ воротъ Латинскихъ, церковь Св. Іоанна свидѣтельствуетъ о мѣстѣ истязанія Богослова, кипящимъ олеомъ, а тамъ тянется, вдоль пустыни, обильный водопроводъ Папы Сикста V, который ервовновалъ Кесарямъ огромностію своихъ предпріятій. Позади его возстаетъ горный Лациумъ, увѣнчанный обителью на своей вершинѣ и усѣянный вылами и селеніями на живописному скату. Такъ представляется Римская окрестность; теперь обратимся къ городу.

Вотъ, отъ самой базилики креста и прилегающихъ къ ней развалинъ, потянулись опять водопроводы, по вершинѣ древнихъ стѣнъ, къ главному ихъ узлу у Великихъ воротъ; тамъ, надъ ихъ высокимъ фронтономъ, шесть различныхъ водяныхъ струй стеклись, одна надъ другою, изъ разныхъ источниковъ, по державной волѣ Первосвященниковъ и Кесарей, какъ о томъ гласитъ громкая надпись. Часовая башня Св. Лаврентія, пятой именованной базилики, уединенно возстаетъ надъ вратами, а на

дальнемъ горизонтѣ раскинули голубой наметъ свой живописныя горы Сабинскія, устьяныя виллами Тиволи. Эта близкая къ намъ развалина была капищемъ Минервы Медики; за нею двухбашенныя ворота Св. Лаврентія и одиночая вершина снѣжнаго Соракта, воспѣтаго въ одахъ Горация. Недалеко отъ него подымается на горизонтѣ гора Витербская, столь опасная для путешковъ, и какъ легкія облака стелются болѣе смиренныя холмы, до самой высоты Маріо, гдѣ явился Константину лучезарный крестъ. Лѣтній дворецъ Папы, на холмѣ Квиринальскомъ, стоитъ прямо противъ горы сей, а по сторонамъ его видны еще двѣ базилики: Св. Маріи, которой два стройныя купола раздѣлены легкою колокольнею, и верховнаго Апостола Петра; чудный куполъ его отовсюду видѣнь, какъ неизгладимый гербъ вѣчнаго города. Вотъ уединенная башня Капитолія и разбитый Колизей; вотъ Палатинъ, еще увнчаный царственными обломками, а за ними подымаются, какъ бы огромныя ступени горняго амфитеатра, двуглавый Авентинъ и

Яникуль, съ развѣсистымъ опухаюмъ своихъ сосенъ. Все это объемлетъ взоръ вашъ; отъ св. Петра и до Латерана; гдѣ начался и оканчивается очарованный кругъ сей древняго и новаго Рима.»

Долго не могъ я оторвать взоровъ отъ сего восхитительнаго зрѣлища, единственнаго въ мірѣ, ибо гдѣ можетъ соединиться вмѣстѣ столько разнородныхъ воспоминаній, и я усердно благодарилъ аббата за то утѣшеніе, которое онъ мнѣ доставилъ въ виллѣ и въ Латеранѣ.

На обратномъ пути посѣтилъ я другую великолѣпную базилику, Святой Маріи Маджіоре, или большей, которая носитъ такое почетное титуло, какъ самая древняя изъ церквей Римскихъ, посвященныкъ Пречистой Дѣвѣ. Она была основана въ IV вѣкѣ, Папою Ливеріемъ и Патриціемъ Римскимъ Іоанномъ, но случаю соннаго или видѣнія, засвидѣтельствованнаго чуднымъ явленіемъ снѣга среди лѣтняго зноя, и отъ того называлась въ началѣ святою Марією, что на снѣгахъ. Мраморная колонна съ изображеніемъ Богоматери, ваятая изъ развалина

ферума Римскаго, и гранитный обелискъ
 Египетскій, стоять съ восточнаго и запад-
 наго входа базилики, какъ двѣ ея грани;
 ихъ перенесли сюда двое изъ самыхъ рос-
 кошныхъ Епископовъ Рима, Сикстъ V и
 Павелъ V, избравшіе ее мѣстомъ своего
 послѣдняго покоя. Но мало древняго сохра-
 нилось въ храмъ, потому что онъ былъ
 постепенно обновляемъ, начиная съ XII
 вѣка и до прошедшаго столѣтія, когда Ве-
 недиктъ XIV совершенно измѣнилъ наруж-
 ный видъ его: двухъярусный портикъ, съ
 котораго также бываетъ благословеніе Пап-
 ское, въ праздникъ успенія, напоминаетъ
 собою Латеранскій. Когда я вошелъ во
 внутренность базилики, украшенной мрамор-
 ною колоннадою, мнѣ показалось, что
 я въ Визелемъ: такъ отрадно, для глазъ и
 для сердца, напоминаютъ чудный соборъ
 его, бѣлые Ионическіе столбы, которыми
 она украшена: они стоятъ, по осмнадцати
 съ каждой стороны, и разделяютъ ее на
 три части. Вѣроятно, зодчіе имѣли въ мы-
 сляхъ такое подражаніе, потому что здѣсь
 хранится и лучшее сокровище Визелема,

если божественнаго младенца, недоступныя впрочемъ для взоровъ, кромѣ единственнаго въ году дня рождества Христова. Жаль, что прежнія кедровыя строила, служившія вмѣсто сводовъ, замѣнены раззолоченнымъ потолкомъ, при Папѣ Александрѣ VI; но это яркое золото, добытое въ первыхъ рудникахъ Американскихъ, пріятно отсвѣчиваетъ близну колоннъ. Сохранилась однако на архитравъ, кругомъ всей базилики, древность V вѣка : это мозаическія картины изъ Св. исторіи, сдѣланныя по волю Папы Сикста III, и на которыя ссылался Адрианъ I, для защиты святыхъ иконъ, въ посланіи своемъ къ седьмому вселенскому собору. Столь же древняя мусія украшаетъ и арку, надъ главнымъ алтаремъ, и на немъ видна еще надпись латинская : *Xustus episcopus plebi Dei* (Сикстъ Епископъ народу Божию). Но мозаическая картина коронованія Пречистой Дѣвы, въ полукуполь горняго мѣста, принадлежитъ уже среднимъ вѣкамъ, равно какъ и мраморныя барельефы, по сторонамъ его, и фрески во

верхъ колоннады, изображающія главныя событія изъ жизни Богоматери.

Великолѣпнѣйшій главный престолъ базилики, по своимъ изваяніямъ и бронзовымъ украшеніямъ съиди, которую поддерживаютъ четыре порфиновые столба; но еще большее сокровище таится подъ его мраморными ступенями: мощи святаго Апостола Матѳіа, избраннаго на мѣсто предателя, надъ коими всегда горитъ лампада. Сюда же перенесено было, вѣроятно въ одно время съ яслями, и тѣло блаженнаго Іеронима, но не извѣстно, гдѣ оно положено; такъ мало заботятся о священныхъ останкахъ преподобныхъ мужей! Надгробные же памятники Первосвященниковъ, естли только они роскошны, показываются съ большею внимательностію; шестеро изъ нихъ погребены въ базиликѣ: болѣе скромныя гробницы, Климента IX и Николая IV, со входа; но Сикстъ V и Павелъ, изъ богатаго дома Боргезе, не довольствовались одними саркофагами; они устроили для себя два великолѣпные придела, одинъ противъ другаго, которые даютъ кресто-

образный видъ храму. На лѣво отъ главнаго престола придѣлъ Боргезе; тамъ надъ алтаремъ, осыпаннымъ драгоценными камнями, хранится чудотворная икона Богоматери, писанная по предавію Евангелистомъ, къ которой имѣють особенное уваженіе, потому что съ нею однажды, во время мороваго повѣтрія, шествовалъ къ Ватикану великій Папа Григорій, и на мосту, предъ замкомъ Адриановымъ, увидѣлъ, какъ некогда Давидъ, Ангела смерти, влагающаго въ ножны губительный мечъ свой; отъ того мостъ и замокъ получили названіе Ангела и украсились его изображеніемъ. Прекрасныя изваянія Пророковъ раставлены въ нишахъ придѣла, и фрески его написаны легкою кистию Гвидорени; тутъ же изображены воинскіе подвиги дома Альдобрандини, потому что Папа Климентъ VIII принадлежалъ ему, а Павелъ V Боргезе отъ него происходилъ; оба они изваяны на колѣняхъ, другъ противъ друга, надъ своими гробами.

Столь же роскошенъ и противоположный придѣлъ Сикстовъ, гдѣ сей некогда

убогій пастухъ, а потомъ могущественный Папа, соорудилъ часовню яслей, по подобію Святаго гроба, какъ говорятъ въ Римѣ, хотя нѣтъ ничего между ними сходнаго. Туда спускаются нѣсколькими ступенями и на алтарь есть изящное изваяніе рождества Христова, но тамъ не хранятся священныя ясли; они заключены въ особенной капеллѣ. Папа изображенъ также на колыняхъ надъ своимъ гробомъ, съ аллегорическими фигурами, вовсе несоотвѣтствующими его характеру, а напротивъ его, статуя Пія V, причтеннаго къ лику Святыхъ Римскихъ, надъ порфировою урною, гдѣ хранятся его останки. Лепантская побѣда, соединеннаго флота Христіанъ надъ Оттоманскимъ, пролила особенную славу на сего Первосвященника, возбудившаго ополченіе противъ невѣрныхъ. — Между многихъ придѣловъ, которые расположены, по обычаю Римскому, съ обѣихъ сторонъ базилики, еще замѣчательна крещальня, по своей порфировой купели съ бронзовымъ изваяніемъ Предтечи. Тамъ и надгробный памятникъ Негра Антонія, посланника изъ Конго, кре-

щеннаго во дни Папы Урбана VIII. Вотъ то, что наиболѣе поразило меня въ чудной базилкѣ Маріиной, которая особенно поправилась мнѣ въ Римѣ, по тому пріятному впечатлѣнію, какое съ первой минуты оставила въ моемъ сердцѣ.

Когда я возвратился домой, во мнѣ возгорѣлось дѣтское нетерпѣніе увидѣть, еще въ тотъ же день, форумъ Римскій и Капитолій и Колизей, о которыхъ столько слышалъ и читалъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя помнить. Я уже видѣлъ три старшіе храма Христіанскаго Рима; но древній языческій Римъ, впечатлѣнный въ моей памяти съ первыми звуками Латинскаго языка, оставался мнѣ дотолъ чуждымъ; совѣстно было почитать его классическую землю и только слухомъ знать еще о самыхъ громкихъ памятникахъ вселенной. Мнѣ хотѣлось сказать самому себѣ: «вотъ я въ Капитолій, вотъ я на форумъ и въ Колизей!» и послѣ долголетняго ожиданія привлекательно отзывались сердцу волшебныя слова сіи. Одно семейство соотечественниковъ, близкое моему сердцу и уже

опытное въ древностяхъ Римскихъ, вызва-
лось удовлетворить моему желанію.

Быстро промелькнули мимо насъ, на
конць длинной улицы Корсо, мрачный за-
мокъ Венеціанскій и, въ провалъ развалинъ,
одинокая колонна Траяна и, въ хаосъ тѣс-
ныхъ улицъ, обвалившіеся столбы и арка-
ды трехъ различныхъ форумовъ, Августа,
Нервы и Домитіана, наконецъ цѣлая пло-
щадь каменныхъ остововъ, съ пустынными
столбами и безвыходными воротами. По-
среди сихъ обломковъ древняго міра под-
нялись мы, по крутой терасѣ, на тѣсную
площадку, обнесенную тремя дворцами, ко-
торую сторожилъ мѣдный всадникъ. —
«Вотъ Капитолій!» сказали мнѣ. — «Это
Капитолій!» невольно я воскликнулъ, «гдѣ
же скала Тарпейская?» — «Частию застрое-
на и понизилась, какъ и все древнее ве-
личіе Рима, но еще можно видѣть слѣды
ея.» — «Кто же этотъ всадникъ?» — «Самъ
бывшій повелитель сихъ мѣсть, Императоръ
Маркъ Аврелій, и вотъ каменная тераса
спускается къ новому Риму, гдѣ некогда
кончался старый.» — «Но гдѣ же стоялъ

храмъ Юпитера Капитолійскаго?» — «Вы видите высокое крыльцо монастыря Францисканскаго Ага соелі; тутъ былъ храмъ громовержца, а напротивъ другое подобное же крыльцо ведетъ къ бывшей скаль Тарпейкой!» — «Но скажите, какіе же здѣсь три дворца около насъ? кто далъ этотъ новый видъ Капитолію?» — «Микель Анжело» отвѣчали мнѣ, и я замолкъ при имени великаго художника, исказившаго новымъ убранствомъ древній Палладіумъ вселенной. — Средній дворецъ принадлежитъ теперь единственному Сенатору, бывшей всемирной столицы, замѣнившему ея царственный Сенатъ; на правой сторонѣ дворецъ его трехъ соправителей, Консерваторовъ Римскихъ, а на лѣвой музей Капитолійскій. — Невольно вздохнулъ я, и духъ мой, восторженный громкимъ именемъ, упалъ вмѣстѣ со славою Капитолія. — «Гдѣ же форумъ?» горестно спросилъ я моихъ спутниковъ. — «Мы проѣхали мимо, отвѣчали они, но вы его опять увидите при спускѣ.» Я посмотрѣлъ внизъ той терасы, по которой поднялись мы на Капитолій, и дро-

гнуло мое сердце : кладбище минувшаго представилось взорамъ , гробъ погребателя вселенной ! — И такъ вотъ гдѣ разглагольствовалъ и замолкъ наконецъ вѣщій Римъ ; здѣсь улегся онъ на вѣчный покой послѣ всемірной борьбы своей ! — Передо мною носились образы минувшаго ; я уже не хотѣлъ болѣе спрашивать о предстоявшихъ развалинахъ : онъ называли сами себя , въ своемъ краснорѣчивомъ безмолвіи , лучше всякаго языка человѣческаго . Отъ каждой одинокой колонны отзывались мнѣ звуки , при лучахъ Римскаго солнца , какъ отъ пустынной статуи Мемнона , ибо каждая была полна минувшаго ; пустота триумфальныхъ вратъ наполнилась для меня гуломъ побѣдныхъ колесницъ , подъ ними протекшихъ : подъ аркою Тита ожилъ внезапно весь Іерусалимъ , при блескѣ его ветхозавѣтнаго свѣщника ! — Это были тѣни безъ образовъ , звуки безъ голоса , нѣчто полное и вмѣстѣ неопредѣленное , хаосъ и бытіе : ибо душѣ моей видѣлось то , что ускользало отъ взоровъ , и внутреннимъ слухомъ проникалъ я въ многоглагольное безмолвіе

развалинь! Такъ достигъ я Колизея и уже болѣе ничего не хотѣлъ видѣть. — Исполнень Римскій объялъ меня вѣчнымъ кольцомъ своимъ; отовсюду текло въ него палющее солнце и камни его покрылись влагою, какъ будто бы выступила изъ него вся пролитая въ немъ кровь мучениковъ; изъ всѣхъ его разсыльнъ благоухали фіалки и тихо колебались, на зелени треснувшихъ камней, высокіе цвѣты, желтые скиптры, подобныя тѣмъ, которые держатъ въ нетлѣнныхъ рукахъ своихъ, у горняго престола, несмѣтныя тысячи мучениковъ, пострадавшія въ сей оградѣ. Искупительный крестъ, ими созерцаемый на небѣ въ часъ истязаній, теперь уже стоялъ, величаво и одиноко, на самомъ поприщѣ ихъ победы, и я забылъ древній Римъ для новаго Іерусалима!

П И С Ь М О III.

Пантеонъ, высоты Пивтіо, торжество Вербное.

Три дня спустя, послѣ моего пріѣзда въ Римъ, наступилъ великій постъ и малая семья православныхъ, какъ бы потерянная среди Римскаго міра стараго и новаго, собралась во-едино въ нашей посольской церкви, отчасти для говѣнья, отчасти для слушанія возвышенныхъ молитвъ первой недѣли. Мы имѣемъ Архимандрита въ Римѣ, но клиръ его весьма ограниченъ, только два причетника, что мало соотвѣтствуетъ его духовному сану; но самая церковь, усер-

діемъ благочестиваго посланника, приведена въ благолѣпный видъ, и едва ли во всѣхъ прочихъ миссіяхъ есть домашняя церковь подобная Римской. Она находится на самомъ концѣ великолѣпнаго дворца Юстиніани (изъ рода древнихъ Князей Венеціанскихъ, нынѣ угасшихъ) который занимаетъ наше посольство, и надобно пройти чрезъ всѣ его обширныя залы, сооруженныя славнымъ зодчимъ Фонтаною, чтобы достигнуть двухъ отдѣльныхъ покоевъ, определенныхъ для церкви; окна ея обращены на площадь Пантеонскую. Во все теченіе сей медли служба церковная, и сверхъ того дождливая погода, отнимали у меня возможность осматривать древній Римъ; иногда только ходилъ я подышать весеннимъ воздухомъ на высоты Пинчіо, единственную прогулку города, но ежедневное хожденіе отъ моего жилища, съ нагорной части Рима до посольскаго дворца, составляло уже само по себѣ археологическое путешествіе, потому что и здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчались остатки славнаго минувшаго.

Иногда спускался я, отъ площади Барберинской, по улицѣ Тритоновъ, къ великолѣпному фонтану Треви, котораго дѣйствительныя воды были указаны жаждущимъ войнамъ, поселенкою на дорогѣ Тибуртинской, и проведены въ древнюю столицу, зятемъ Августа, Агриппою, для его Пантеонскихъ бань. Должно отдать справедливость Риму, что не смотря на его пустынное положеніе, нигдѣ нѣтъ такого обилія источниковъ, потому что, начиная отъ Кесарей и до Первосвященниковъ, всѣ заботились о снабженіи его водою. Два Климента, XII и XIII, украсили фонтанъ сей, присленивъ къ дворцу Конти его гранитную массу, изъ которой бьетъ шумный потокъ въ обширный мраморный водоемъ; тамъ плещутся морскіе кони и Тритоны, сопровождающіе колесницу старца Океана. Съ большимъ нетерпѣніемъ желалъ увидѣть Папа окончаніе великолѣпнаго фонтана, но художникъ, подъ разными предлогами, отлагалъ пустить воду; онъ пригласилъ наконецъ Первосвященника осмотрѣть предварительно вышнее его убранство, общая

въ скоростъ времени открылъ струю, и едва только отвернулся Климентъ, чтобы идти въ обратный путь, какъ вдругъ хлынула съ шумомъ воды, изъ водъ колоссальнаго Фонтана, подражая реву его волнъ; слезы брызнули изъ глазъ изумленнаго старца, онъ подалъ руну художнику и сказалъ: «ваз-привавни мнѣ нѣсколько лѣтъ жизни.»

Недалеко отъ фонтана, стоитъ на малой площадкѣ дерновъ Св. Тренты in trivio, на распутии, давшемъ свое имя фонтану: она замѣчательна только потому, что ее построилъ Веллесарій по объѣзду, для очищенія своей совѣсти, за расхищеніе Рима въ междоусобной брани и за то, что за злого занежнаго его Епископа Силверія поставилъ честолюбца Вигилія. Отъ фонтана идетъ я поперекъ длиннаго Корсо къ бывшему храму Антонина, нынѣ обращенному въ таможню. Здѣсь былъ форумъ Императора и храмъ сей посвятили ему Сенатъ и народъ, иногда еще при жизни и уже вскорѣ по смерти, обоготворяя ие своихъ земныхъ повелителей. Одиннадцать колоннъ, ордена Коринтскаго, съ мраморнымъ фри-

тономъ, свидѣтельствуютъ о прежнемъ благоговѣннѣ храма, истребленнаго пожаромъ; боковой портикъ его обращенъ теперь въ лицевую сторону таможни. Какое странное измѣненіе, которое только можно встрѣтить въ Римѣ!

Вотъ и еще памятникъ времени Кесаревыхъ — Пантеонъ, зданіе сооруженное Агриппою сперва для бань, а потомъ посвященное имъ тестю своему Августу, и наконецъ всемъ богамъ, когда земной полубогъ сей отказался отъ такой почести. Осмиколонный портикъ пристроенъ былъ къ сферообразному храму, гдѣ стояли двѣнадцать главныхъ божествъ Олимпійскихъ; мраморъ и бронза были единственными его стихіями. Августъ и Агриппа, статуями слепыми, сторожили притворъ, обращенный къ полю Марсову, поприщу воинскихъ ристаній, нынѣ совершенно застроенному. Императоръ Феодосій закрылъ капище, вѣсть съ прочими, въ исходѣ IV вѣка, и такъ простояло оно два столѣтія, доколь Папа Вонифатій IV не открылъ его уже для Христіанскаго назначенія: это было

первое капище обращенное въ церковь; догодъ еще гнушались всякою памятью злычества. Туда перенесъ онъ торжественно, изъ окрестныхъ катакомбъ, кости мучениковъ, чтобы предохранить ихъ отъ расхищенія Лонгобардовъ, и посвятилъ обновленный храмъ Божіей Матери и всѣмъ мученикамъ. Полвѣка спустя, сынъ Императора Ираклія, второй Константій, враждебно посѣтивъ древнюю столицу, похитилъ мѣдную крышу и вѣсь бронзовыя изваянія Пантеона, но смерть застигла хитника въ Сициліи, и Сарацины перенесли въ Александрію достояніе назначенное Царьграду. Папа Григорій III покрылъ свинцомъ обнаженный храмъ; но средніе вѣка привели опять въ запустѣніе святилище и дивный портикъ былъ почти засыпанъ землею. Нѣкоторые изъ Первосвященниковъ озаботились его возстановленіемъ; въ половинѣ XVI вѣка Урванъ VIII, изъ дому Барберини, надстрѣвъ двѣ колокольни надъ обновленнымъ притворомъ, взялъ всю оставшуюся бронзу архитравы, чтобы соорудить роскошную свѣчь надъ гробомъ Апо-

стола Петра и четыре статуи для украшения его горней каюстры; онъ даже вынулъ изъ остатковъ еей мѣди до 80 пушекъ для замка Св. Августиа, ибо одни гвозди Пантеона въскли до 10,000 пудъ, а всей бронзы считалось до 450,000 пудъ, и справедливо пронеслась поеловица Римская: «чего не сдѣлали варвары, то додѣлали Барберини.» Папа Александръ VII дополнилъ двѣ недостававшія колонны въ притворѣ, а Климентъ XI поставилъ противъ него надъ фонтаномъ обелискъ, которыми такъ богатъ Римъ, какъ будтобы въ немъ ожили старый Египеть.

И такъ вотъ что осталось теперь отъ древней красоты Пантеона, хотя и расхищенной временемъ и людьми; столько еще въ немъ внутренняго достоинства, отъ изящности самаго зданія и портика, которому удачно подражали въ нашемъ Исакиевскомъ соборѣ. Особенно пріятна для глазъ легкая сферическая форма Пантеона: совсѣмъ не чувствуешь надъ собою свода, какъ будтобы небо непримѣтно опустилось до земли и очертило около васъ тѣсный горизонтъ;

свѣтъ, падающій сверху, ровно обливаешь
 все части зданія, давая имъ чрезъ то не-
 выразимую стройность, и это явленіе еще
 разительнѣе, когда полная луна, плавая
 надъ самымъ отверстіемъ храма, напол-
 няетъ весь Пантеонъ потокомъ своего сере-
 бристаго сіянія, какъ бы изкую древнюю
 пистерну, полную воды до устья. Никогда
 куполъ Св. Петра, который есть вѣрный
 снимокъ всего Пантеона, не производилъ
 на меня такого впечатлѣнія, хотя Микель-
 Анджело сказалъ: «я возьму Пантеонъ и
 поставлю его на воздухъ.» — Можетъ быть
 это происходитъ собственно отъ того, что
 края купола Петра не касаются земли и
 онъ не объемлетъ того, кто подъ нимъ
 стоитъ, совершенно, какъ Пантеонская ове-
 ра, высота коей равняется ей диаметру, а
 только паритъ надъ головою въ недоступ-
 ной высотѣ.

До пятнадцати алтарей расположены
 вокругъ святилища, во впадинахъ его ши-
 рокой стѣнѣ, между выдающихся колоннъ
 драгоцѣннаго мрамора; столь же роскош-
 ный архитравъ вмѣщаетъ колонны и самъ

украшенъ периферою и шитами; въ видѣ четырехъгранныхъ шитовъ, на мѣсто прежнихъ бронзовыхъ изваяній. Древняя икона Божіей Матери, писанная по преданіямъ Евангелистомъ Лукою, стоитъ на главномъ престолѣ; а подь другимъ алтаремъ съ лѣвой стороны погребенъ Рафаилъ, который безсмертною своею кистию умѣлъ столь чудно изображать небесную красоту Пречистой Дѣвы, въ земныхъ чертахъ. Самъ онъ избралъ свѣзъ здѣсь мѣсто упокоенія и тѣло его было найдено въ 1833 году при перестройкѣ придѣла. Въ томъ же храмѣ положены и другіе славные живописцы, коими украшались церкви Римскія, и между ними одинъ изъ числа именитыхъ, Аннибалъ Карраччъ. — Каждый день ходилъ я мимо Пантеона, заглядывая въ его внутренность, когда бывалъ онъ открытъ, и возвращался мимо другихъ остатковъ вѣчнаго города.

Предъ роскошнымъ дворцомъ Сикста У, на высотѣ Читоріо, подымался вдале мною солнечный обелискъ Царя Прамметиха, перевезенный Августомъ изъ Иліополиса, и

выдвинутый здесь Панор Пиемъ VI; а по
 другую сторону почтовыхъ палатъ, отдѣ-
 ляющихъ сію малую пелонадъ отъ болѣе
 пространной площади Колонны, величе-
 ственно вставалъ столбъ Антониновъ, ко-
 торый соорудилъ Сенатъ въ честь Марка-
 Аврелія, победителя Маркоманновъ. Онъ
 состоитъ изъ 28 кусковъ бѣлаго мрамора,
 выотою въ 128 футовъ, связанныхъ межу-
 ду собою только одною ихъ тяжестію; вся
 колонна украшена воинскими подвигами
 Императора, хотя ваянія сіи уступаютъ
 Траяновымъ и почти невозможно разобрать
 ихъ, отъ дѣйствія времени и пестроты фи-
 гуръ. Тамъ показываютъ образъ дождли-
 ливаго Зевса, которому приписали язычники
 чудо, совершившееся по молитвѣ Хри-
 стианскаго легіона, прозваннаго молніе-
 носнымъ, когда воины сіи испросили дождь
 войску Римскому, посреди враговъ въ без-
 водномъ мѣстѣ. — На верху стояла стат-
 уя Марка-Аврелія, вмѣсто коей обновителъ
 колонны, Папа Сикстъ V, поставилъ
 бронзовое изображеніе Апостола Павла,
 отъ того что домъ его находился недале-

ко, на нынѣшнемъ Корсо, и тотъ же Папа воздвигъ, на высотъ столпа Траянова, статую Апостола Петра, по причинѣ близкаго его жительства на холмѣ Эсквилинскомъ. Повсюду въ Римѣ, посреди обновленныхъ его памятниковъ, встрѣчается огромное лице Сикста, который отъ посоха пастушескаго достигъ тиары и не уступалъ колоссальности замысловъ Кесарямъ. По мѣстному замѣчанію Римлянъ особенно сроднилось съ нимъ число пятиричное, потому что онъ былъ пятый по имени, царствовалъ пять лѣтъ, оставилъ по себѣ пять милліоновъ, и сверхъ того соорудилъ пять дворцовъ и пять обелисковъ.

Отъ площади колонны я подымался по безконечной улицѣ Корсо, которая есть какъ-бы станова я жила Рима, и обставлена во всю длину дворцами его Князей, великолѣпными по наружному зодчеству и по изяществу своихъ картинныхъ галлерей, хотя и упала роскошь ихъ владѣтелей. Каждый изъ Первосвященниковъ считалъ обязанностію соорудить палаты для одного изъ возвеличенныхъ имъ племянниковъ, и

такимъ образомъ составила, въ среднѣе вѣка, могущественная аристократія Римская, много утратившая своей древней славы. — Вотъ на концѣ одного изъ бесчисленныхъ переулковъ, пересѣкающихъ тѣсный Корсо, представляется внезапно, съ правой стороны, исполнинская лѣстница, которую впрочемъ можно было бы назвать крыльцомъ Гигантовъ, нежели то, которое носить имя сіе въ Венеціанскомъ дворцѣ Дожей. Съ площади Испанской, такъ названной отъ посольскихъ палатъ грознаго Короля Филиппа, подымается она, девятью широкими уступами, почти во сто ступеней, на высоту горы Пинчіо, къ Троицкой обители инокивъ Французскихъ, которую соорудилъ для нихъ Король Карлъ VIII; на деньги Франціи болѣею частью совершена и лѣстница. Папа Иннокентій XIII началъ ее, Венедиктъ XIII окончилъ; шумный фонтанъ бьетъ у ея подошвы, посреди площади; легкій обелискъ ее вѣнчаетъ, промежу между двухъ колоколенъ обители, и все вмѣстѣ составляетъ одну необычную массу, достойную древняго Рима. Но пусть

только оглянется тотъ, кто утомленною стопою взойдетъ на сію каменную громаду, сложенную руками исполиновъ, и онъ позабудетъ трудный восходъ свой: — весь Римъ у ногъ его! Римъ, съ царственною всеосъняющею тіарою Св. Петра, и съ безчисленными митрами своихъ куполовъ, и съ мраморными скиптрами уединенныхъ обелисковъ и колоннъ, и съ зелеными опахалами пиннъ или сосенъ, утопающихъ въ его яркомъ небѣ; все это внезапно блеснетъ ему въ очи, какъ бы изъ моря свѣта, и пораженный чуднымъ зрѣлищемъ невольно остановится онъ на ступеняхъ, въ недоумѣніи: не минутная ли мечта воображенія очаровада его взоры, и столь же быстро исчезнетъ!

Отсель начинается живописная прогулка Пинчіо, сперва по длинной аллеи каштановъ, вдоль крутаго обрыва горы, господствующей надъ Римомъ, а потомъ по самой вершинѣ сѣверной стѣны его, подъ которою лежитъ роскошная вилла Боргезе. Французы, во время краткаго своего владычества, устроили сіе прекрасное гульби-

ше, на мѣсто прежнихъ виноградниковъ, и соединили его, отлогими террасами, съ площадью народною у городскихъ воротъ. Съ выеотъ Пинчіо открывается она во всемъ своемъ великолѣпіи, и конечно не одна изъ новѣйшихъ столицъ не представляетъ столь величественнаго възда, какъ древняя столица Кесарей. — Начиная отъ Тибрскаго моста, гдѣ была битва Константина съ Максентіемъ, прямая улица, древняя *via Flaminia*, тянется промежду виллъ къ воротамъ народнымъ, которыя были великолѣпно украшены въ половинѣ XVIII вѣка, для торжественной встрѣчи Шведской Королевы Христины. Два обширные полукруга, украшенные статуями и фонтанами, образуютъ входную площадь Рима, достойное преддверіе вѣчнаго города, некогда возобладавшаго надъ міромъ. Колоссальныя статуи Рима промежду двухъ его рѣкъ, Тибра и Аніо, Нептунъ и Тритоны съ четырьмя временами года, поднимаются постепенно на терассахъ Пинчіо, увѣнчанныхъ кипарисами, а гранитный обелискъ Сезостриза, перенесенный Августомъ изъ

Египта, воздвигнуть посреди площади Папою Сикстомъ V, который запечатлѣлъ именемъ своимъ въѣздъ въ столицу Кесарей. Церковь Св. Маріи народной, гдѣ хранится икона ея, писанная будто бы Евангелистомъ, сооружена была у самыхъ воротъ Папою Пасхалиемъ II, на мѣстѣ погребенія Нерона, и считается одною изъ лучшихъ въ Римѣ, по роскоши своихъ украшеній; еще двѣ церкви, во имя Богоматери, святогорской и чудотворной, воздвигнуты на краю площади народной, по волю того же Папы Александра VII, который украсилъ ворота, и отъ сихъ церквей разбѣгаются съ площади три главныя улицы Римскія: средняя Корсо, которая простирается чрезъ весь новый городъ, подъ стѣною княжескихъ палатъ, до мрачнаго замка Венеціи, почти у подошвы Капитолія; Бабуина, направленная въ лѣво къ площади Испанской и Пропагандъ, и Рипетта или набережная, ведущая на право, вдоль берега Тибра, къ мосту Св. Ангела и базиликъ Св. Петра. — Такимъ представляется державный Римъ съ высотъ Пинчіо, древ-

нихъ садовъ Нероновыхъ. Очаровательная вилла Князя Боргезе, по другую сторону Пинчіо, манитъ къ себѣ гуляющаго по верху зубчатой ограды Римской, во глубину своихъ лавровыхъ рощей, на зеленое раздолье обширнаго луга, прилегающаго къ стѣнамъ, посреди коего роскошно качаются развѣсистыя сосны или уединенно стоятъ томные кипарисы.

Отрадною бывала для меня прогулка на горы Пинчіо, не въ тѣ шумныя часы, когда оживлялась она множествомъ экипажей, аристократіи Римской и Англійской, но въ часы вечерніе, когда пустынная тишина соответствовала величію воспоминаній Римскихъ, и солнце, спускаясь за дальнія высоты горы Маріо, замѣняло на небосклонѣ тотъ дивный крестъ, который явился тамъ великому Константину. Иногда любилъ я посѣщать, въ сосѣднемъ саду академіи Французской, бывшей некогда виллою Медицисовъ, лавровую террасу и на ней уединенный холмъ Парнасса, увѣнчанный бесѣдкою, который вырастаетъ, какъ горный оазисъ, изъ густой чащи лавровъ, надъ

всѣмъ Римомъ, ибо это высшая его точка съ сѣверной стороны. — Отсель открывается не одинъ только новый городъ, какъ съ гутьбища, но и древній съ своими поэтическими развалинами, и окрестныя цвѣтущія виллы, объемлющія его поясомъ садовъ своихъ, и лазуревыя горы, вѣнчающія небосклонъ Латинскій и Сабинскій. Невыразимо очаровательна картина сія въ лучахъ вечерняго солнца, когда пурпурный его блескъ оттеняетъ всѣ зданія и развалины, какъ царская порфира накинутая на державный городъ, или то багряное покрывало, что по прихоти Кесарей внезапно распростиралось, на весь огромный Колизей, котораго разбитые останки еще такъ гордо возстаютъ позади обширнаго дворца Квиринальскаго. И вотъ другая фюдетовая мантия, уже не царскаго цвѣта, но святительскаго, повиваетъ по всему небосклону священный городъ, принимая всѣ живописные образы его пустынныхъ горъ, а на дальнемъ западѣ кипитъ золотомъ широкая струя моря, отдѣляя Римскую землю отъ Римскаго неба.

Въ этотъ годъ наша первая седмица великаго поста соответствовала шестой у Римлянъ, и когда мы праздновали недѣлю православія, они совершали уже вербное торжество. — За нѣсколько дней до праздника начались приготовленія для службы Папской, въ базиликѣ Св. Петра. Посѣтивъ однажды великолѣпный храмъ сей, я увидѣлъ въ немъ толпу работниковъ, съ топорами въ рукахъ, строящихъ изъ досокъ подмости и ложи, какъ бы для театральнаго представленія, и сердце мое стѣснилось отъ такого неблагочинія. Что же это за богослуженіе, подумалъ я, которое нельзя иначе совершать, какъ съ такими затѣйливыми приспособленіями, и неужели Первосвященникъ Римскій долженъ явиться, въ соборномъ своемъ храмѣ, какъ бы на какой либо сценѣ? — Большая пурпурная завѣса, усѣянная звѣздами, уже была натянута поперегъ горней части храма и къ ней былъ приставленъ высокій амвонъ, но еще не было на немъ трона. Два ряда скамей стояли полукружіемъ около сего амвона, для высшаго духовенства; по объ-

имъ сторонамъ устроены были верхнія ложи для Римскихъ Князей и царственныхъ особъ; пониже ихъ находились мѣста для почетныхъ дамъ и дипломатическаго корпуса; ближе къ главному престолу, съ правой стороны, амвонъ для Папскаго хора. — Все это было уже отчасти обтянуто краснымъ бархатомъ или сукномъ, частию же еще видѣлись голыя доски. Поверхъ завѣсы издали представлялась горняя каедрa Петра на недоступной высотѣ, съ парящимъ надъ нею Духомъ Святымъ. — Нечаянно заглянуль я за занавѣсь и ужаснулся: тамъ, подъ шелковыми наметами, приготовлялись буфеты, и вся эта горняя часть базилики, на концѣ коей стоялъ алтарь, подъ самую каедрoю Апостола, обращена была, на время богослуженія, въ прихожую комнату для прислуги Папской, и въ мѣсто отдохновенія для Первосвященника и Кардиналовъ, со всеми домашними удобствами. — И такъ одна завѣса, внутри самаго храма и даже въ самой священной его части, между гробомъ Апостола и его каедрoю, должна была отдѣлять богослу-

женіе отъ домашняго быта, какъ будто бы, переступивъ только за занавѣсъ, Папа и Кардиналы переставали уже принимать участіе въ священнодѣйствіи! Никогда старцы наши, Патріархи и Митрополиты, не позволяли себѣ такой льготы внутри святилища, даже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, потому что уваженіе къ святынь поддерживало ихъ немощь, не смотря на то, что богослуженіе православное гораздо продолжительнѣе Римскаго. Увидя такое распределение храма, я еще болѣе убѣдился въ первоначальной своей мысли, что есть и для церковныхъ зданій мѣра, которую нельзя перейти, потому что базилика Св. Петра, по самой своей огромности, не удобна для богослуженія, и если бы завѣса не пересѣкала горнюю часть ея, то каеэдра Первосвященника была бы слишкомъ далеко отъ престола, гдѣ совершаются тайны.

Когда же, въ день вербнаго торжества, я взошелъ опять въ храмъ Св. Петра, мнѣ представилась только одна лицевая сторона богослуженія Римскаго; но и тутъ я поскорбѣлъ духомъ, при видѣ мірскаго ве-

личія, затемнявшаго лице святителя во властитель Рима. Нѣкто весьма вѣрно выразился о богослуженіи Папы: «что оно болѣе похоже на выходъ царскій, но только внутри церкви, а не во дворецъ.» Здѣсь является, въ полномъ свѣтѣ, весь готическій бытъ Папскаго самодержавія среднихъ вѣковъ, въ формахъ уже устарѣлыхъ! Можетъ быть это могло не казаться страннымъ для Римскаго глаза, въ то время, когда и прочіе обычаи сему соответствовали; но теперь оно поразительно, посреди нашего упрощеннаго вѣка. Я говорю въ мірскомъ отношеніи: что же касается до духовнаго, то чувство благочинія церковнаго оскорблено суетностію церемоніала, гдѣ обряды духовные такъ перемѣшаны съ свѣтскими, и клиръ съ дворомъ, и войско съ духовенствомъ, и министры съ епископами, что и самъ называющій себя намѣстникомъ Христа, на своемъ выспреннемъ тронѣ, окруженный стражею и дворомъ, является гораздо болѣе преемникомъ Кесарей, нежели Апостоловъ.

Служба уже началась, когда я взошелъ

въ церковь и съ трудомъ сталъ пробираться къ дипломатической трибунѣ, не отъ толпы народной, ибо вся середина храма была пуста, но отъ множества войскъ. — Отъ самыхъ дверей и до главнаго алтаря стояла въ два ряда, подъ ружьемъ, национальная гвардія; около самага престола образовала другую воинскую цѣпь аллебардовъ Швейцарская гвардія; отъ престола же и почти до Папскаго трона стояла почетная стража благородныхъ Римлянъ, въ мундирахъ напоминавшихъ отчасти наши кавалергардскіе, но со шляпою на головѣ и съ обнаженнымъ палашемъ. Кругомъ всѣ ложи и трибуны наполнены были зрителями, въ лучшихъ нарядахъ, и точно это зрители, а не богомольцы. Я взошелъ наконецъ на то возвышеніе, гдѣ сидѣли иностранные министры, которые собрались на этотъ выходъ Папскій, какъ у насъ ко двору, и оттолъ окинулъ взоромъ всю часть церкви, простиравшуюся отъ престола до трона: она была устлана великолѣпными коврами. Самый престолъ, окруженный въ нѣкоторомъ отдаленіи стражею, обставленъ

былъ ближе канониками Св. Петра и домашнею прислугою Папы; они стояли, живописною группою, на его широкихъ ступеняхъ, въ багряныхъ и лиловыхъ рясахъ, съ горностаевыми воротниками; Кардиналь-пресвитеръ, долженствовавшій совершать литургію, сидѣлъ у подножія престола, въ золотомъ облаченіи, вмѣстѣ съ своимъ клиромъ.

Напротивъ алтаря, въ далекомъ отъ него разстояніи, на пурпурномъ тронѣ и амвонѣ о семи ступеняхъ, подѣ великолѣпнымъ балдахиномъ, который поддерживали два парящихъ Ангела, возсѣдалъ, въ бѣлой широкой мантии и бѣлой митрѣ, самъ Папа. По сторонамъ его два Кардинала діакона, въ парчевыхъ стихаряхъ, а по правую руку сидѣлъ на томъ же амвонѣ, также въ облаченіи, старшій изъ Кардиналовъ или деканъ ихъ, сана епископскаго, строгій жизнію Микара, принадлежащій къ ордену Капуцинскому; сѣдая борода придавала ему много величія; тутъ же на ступеняхъ трона стоялъ, въ черной одеждѣ, одинъ изъ князей Римскихъ, имѣющихъ

исключительное право присутствовать при тронѣ Папы во время его служенія. Другіе ассистенты, но только сана духовнаго, сидѣли по лѣвую сторону Папы и въ числѣ ихъ титулярный Патріархъ Константинопольскій, поставленный съ прочими Епископами ниже Кардиналовъ-діаконовъ. Какое превращеніе іерархіи церковной, за которую такъ горячо вступался великій Папа Левъ: ибо не хотѣлъ допустить, чтобы даже Патріархи Александріи, Антиохіи и Іерусалима, уступили старѣйшинство свое Царьградскому, какъ младшему изъ нихъ; а здѣсь діаконы частной Церкви берутъ шагъ предъ Патріархомъ, потому только что они Римскіе! На третьей ступени амвона стояли также мірскіе сановники Рима, въ золотыхъ мантияхъ: три его охранителя, замѣнившіе древній Сенатъ, потому что и они вошли въ составъ церковнаго двора, при богослуженіи Первосвященника. Отъ Папскаго трона выдавалось въ церковь широкое полукружіе обтянутыхъ багряницею скамей, двойныхъ съ правой стороны и тройныхъ съ лѣвой: на внутренней

скамьѣ съ права сидѣли, въ парчевыхъ ризахъ и бѣлыхъ митрахъ, Кардиналы-епископы и пресвитеры, каждый съ своимъ домашнимъ клирикомъ и служителемъ у ногъ своихъ, а за ними Епископы и аббаты. На лѣво же отъ трона одни Кардиналы-діаконы, въ стихаряхъ и митрахъ, потому что митра есть общее украшеніе всѣхъ Кардиналовъ, и также съ своими прислужниками; а позади ихъ, на двухъ скамьяхъ, почетные прелаты и начальники духовныхъ орденовъ. Подлѣ скамьи старшихъ Кардиналовъ стояли въ рядъ государственные сановники области Римской, облеченные въ санъ духовный, и между ними великій инквизиторъ въ одеждѣ Доминиканской, и губернаторъ города Рима, и министръ военный съ предсѣдателями различныхъ судебныхъ палатъ. Всѣ они, равно какъ и охранители Рима, при пѣніи символа вѣры и славы въ вышнихъ Богу, сѣлись на ступеняхъ Папскаго амвона, составляя одну группу, какъ бы участвуя въ священнодѣйствіи: а у подножія престола два церемоніймейстера, въ черныхъ одеж-

дахъ, съ серебрянными булавами, довершали чиновоможеніе двора Папскаго въ часъ богослуженія.

Зрѣлище сіе могло представляться весьма величественнымъ для того, кто безотчетно смотрѣлъ, мірскимъ глазомъ, на царственное величіе Первосвященника Римскаго, посреди свѣтскаго и духовнаго двора его и представителей всѣхъ Европейскихъ державъ, внутри великолѣпнѣйшаго изъ храмовъ вселенной; но тяжело было православному сердцу видѣть мірскую суету того, кто величаетъ себя громкимъ титуломъ намѣстника Христова, царство коего не отъ міра сего. Мнѣ кажется, должно быть или совершенно несвѣдущимъ во всемъ, что касается до первобытнаго Христіанства, или забыть о немъ отъ безпрестанной привычки видѣть со всѣмъ иное, и даже заглушить въ себѣ религіозное чувство, чтобы восхищаться подобнымъ зрѣлищемъ, которое никакимъ образомъ нельзя оправдать. — Пусть положитъ руку на сердце всякій строгій ревнитель Римскій, и скажетъ: можетъ ли оно внушать благо-

говѣніе, подобающее святынь? и можно ли узнать, на этой готической подмосткѣ средних вѣковъ, преемника не только Апостоловъ, но даже великихъ Папъ Льва и Григорія? Не съ духомъ обличенія говорю сіе, но съ чувствомъ христіанской любви, соболязнующей о такомъ горькомъ затмѣніи первенствующей каѳедры блескомъ мірскимъ. Я понимаю виѣшнее благолѣпіе Святителей, равно западныхъ и восточныхъ, но до той степени, пока не выходитъ оно изъ приличій чина церковнаго. Неужели скажутъ мнѣ въ защиту, что въ Римѣ такъ должно быть, потому что его Епископъ есть вмѣстѣ и глава Церкви и Государь? Но ахъ! это самое и вовлекло во всѣ сіи несообразности духовныя, вопреки ясныхъ словъ истиннаго Царя Израилева и главы новозавѣтной Церкви. Могу ли равнодушно видѣть этотъ отпечатокъ среднихъ темныхъ вѣковъ, уже отхлынувшихъ въ море миноваго, но еще оставившихъ по себѣ иѣну свою, на столь древнемъ Патріаршемъ престолѣ! Невольно вспомнишь пророческія слова одного изъ величайшихъ его Святи-

телей, святаго Папы Григорія, который осуждалъ своего Константинопольскаго собрата, даже за одно лишь принятое имъ титуло вселенскаго.

«Помысли, прошу тебя, писалъ онъ, что сею безразсудною надмѣнностію возмущается миръ всея Церкви, и оказывается сопротивленіе благодати, на всѣхъ вообще изліянной. И такъ, возлюбленный братъ, возлюби всѣмъ сердцемъ смиреніе, чрезъ которое можетъ быть охранено согласіе всѣхъ братій и единство святыхъ вселенскія Церкви. Подлинно, Апостолъ Павелъ услышавъ, что нѣкоторые говорятъ: «я Павловъ, я Аполлосовъ, я же Кифинъ,» крайне ужаснулся сего растерзанія тѣла Господня, по которому члены его, нѣкоторымъ образомъ, къ инымъ главамъ себя присоединяли, и воскликнулъ говоря: «развѣ раздѣлился Христосъ? развѣ Павелъ распялся за васъ, или во имя Павлово вы крестились?» (I, Кор. 1, 12, 13). — Такъ избѣгалъ онъ того, чтобы члены тѣла Господня, не подчиняли себя частно, какъ бы извѣстнымъ главамъ, внѣ Христа, и притомъ самимъ Апостоламъ.

Что же скажешь Христу, главѣ вселенской святой Церкви, въ испытаніи на послѣднемъ судѣ, ты, который всѣ его члены усиливаешься подчинить себѣ, посредствомъ наименованія вселенскаго? Кто въ семъ надмѣнномъ наименованіи представляется по-дражанію, какъ не тотъ который, презрѣвъ легіоны Ангеловъ, съ нимъ въ сообществѣ воставленныхъ, домогался восторгнуться на верхъ единственности, дабы ни у кого не быть въ зависимости и одному казаться начальствующимъ надъ всѣми, и который сказалъ: «на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ свой, сяду на горъ завѣта, на ребрахъ съвера, възду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему.» (Исаі XIV, 13). Ибо что суть братія твои, всѣ Епископы вселенской Церкви, какъ не звѣзды небесныя? — ихъ жизнь и слово, какъ бы во мракъ ночи, свѣтила между грѣхами и заблужденіями челоуѣковъ. Когда ты хочешь, надмѣнными наименованіями, поставить себя выше ихъ и попраить ихъ имя, въ сравненіи съ твоимъ именемъ, тогда что иное говоришь, какъ не сіе: «на

небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой!» По истинѣ Апостолъ Петръ есть первый членъ святыя вселенскія Церкви; Павелъ, Андрей, Іоаннъ, что суть какъ не главы особыхъ народовъ? И однако, подъ единою главою, суть всѣ члены Церкви; и чтобы объять все вдругъ, Святые до закона, Святые подъ закономъ, Святые подъ благодатию, всѣ еѣмъ восполняющіе тѣло Господа, поставлены членами Церкви, и никогда никто не хотѣлъ называть себя вселенскимъ. Вотъ отъ сего нелѣпаго, надмѣннаго наименованія, раздѣляется Церковь, и сердца всѣхъ братій подвижнуты къ соблазну. Всемогущій Богъ да явитъ вашему братству, коликою, когда говорю сіе, прилѣпленъ я къ вамъ любвию, и какъ въ семь дѣлъ сътую не на васъ, но за васъ. Впрочемъ заповѣдамъ Евангельскимъ, постановленіямъ церковныхъ правилъ, пользамъ братій, не могу предпочесть личность особы и того, котораго много люблю.» (Св. Григ. Вел. кн. IV, пись. 38).

Какая истина! не отъ превозношенія ли

Первосвященниковъ Римскихъ, хотѣвшихъ восгосподствовать надъ Вселенскою Церковью, произошло то, что Римская отделилась? Тоже писалъ Св. Григорій и къ прочимъ Патріархамъ: «Всемогущій Богъ да явитъ вашему блаженству, какъ тяжело я стенаю и сокрушаюсь, при мысли о томъ, что сей, нѣкогда предо мною скромный и всѣмъ любезный, сей занимавшійся по видимому, милостынями, моленіями и постами, изъ пепла, на которомъ сидѣлъ, изъ смиренія которое являлъ, превознесъ себя такъ, что домогается все себя присвоить, и всѣ Христовы члены, которые сопряжены съ единою и единственною главою (solі usq̄), то есть Христомъ, старается поработить себя, посредствомъ надмѣнности пышныхъ словъ. Если сіе говорить не возбранно попушево будетъ: то лишатся чести всѣ Патріархи; и если случится, что упадетъ въ заблужденіе называющійся вселенскимъ: то уже не найдется ни одного Епископа въ состояніи истины. И такъ молю васъ, постоянно и безъ предубѣжденія, соблюдайте Церкви, какъ вы ихъ пріяли.

Всѣхъ попеченію вашему ввѣренныхъ Епископовъ, устраните отъ сей заразы надмѣнности, дабы вся Церковь познавала въ васъ Патріарховъ, не только по добрымъ дѣламъ, но и по достоинству истины.» (Кн. IV, пис. 36).

И что же? — въ самомъ томъ храмѣ, гдѣ почитаетъ этотъ смиренный обличитель всякаго превозношенія, столь чуждаго сану святительскому, его преемники, забывая строгую укоризну, подъ каждое слово коей они подходятъ, (и какъ домогающіеся запрещеннаго главенства, и даже болѣе, какъ мірскіе обладатели земнаго царства) възсѣдаютъ на своемъ превознесенномъ престолѣ, посреди войскъ и двора, какъ бы въ лице и въ укоръ самому великому Григорію! И вотъ, за нѣсколько шаговъ отъ гроба другаго святаго мужа, великаго Льва, заступника чести патріаршей своихъ собратьевъ, мнимый Патріархъ Константинопольскій, (назначенный также не въ духъ Христіанской любви, когда есть настоящій Патріархъ въ Царьградѣ, хотя и не въ союзъ съ Папою, но безъ всякой ереси),

стоитъ въ прислужникахъ Папскихъ, на ступеняхъ его трона, ниже діаконѣвъ-Кардиналовъ Римскихъ, когда даже, по правиламъ Флорентинскаго Собора, онъ признанъ вторымъ послѣ Папы! — Какое явное нарушеніе всѣхъ канонѣвъ церковныхъ, самовластнымъ превозношеніемъ Епископѣвъ Римскихъ! Не стану описывать въ подробности всѣхъ обрядѣвъ священнодѣйствія, при которомъ только присутствовалъ Папа; но скажу лишь то, что наиболѣе меня поразило, посреди сего смѣшенія обрядѣвъ дворскихъ и духовныхъ.

Прежде всего поднесены были Папѣ три пальмы, сплетенныя на подобіе Іерусалимскихъ, для ихъ благословенія и окропленія святою водою. Преданіе историческое связано съ сими пальмами: когда по волю Сикста V, воздвигался обелискъ на площади Ватиканской и, подъ угрозою смертной казни, запрещенъ былъ всякій малѣйшій шумъ въ народѣ, чтобы не смутить зодчаго Фонтану, — въ столь рѣшительную минуту, одинъ молодой морякъ Генуезскій замѣтивъ, что сухіе канаты, на коихъ ви-

сълъ обелискъ, готовы порваться, не утерпѣвъ крикнувъ: «намочите канаты!» и тѣмъ предохранилъ отъ паденія каменную громаду. Папа, въ знакъ своей признательности, позволилъ отважному юномъ просить у него все что пожелаетъ, и онъ просилъ только, чтобы его семейство, на всѣ будущія времена, пользовалось исключительнымъ правомъ доставлять въ базилику Св. Петра пальмы, на день вербнаго торжества, что и до нынѣ свято соблюдается.

Послѣ благословенія пальмъ, Кардиналы, Патріархи, Епископы, Прелаты, и всѣ сановники свѣтскіе и духовные, а за ними посланники и почетные міряне, стали, одинъ за другимъ, подходить къ трону Папскому, для принатія пальмъ изъ собственныхъ его рукъ, но съ тою разницею что Кардиналы цѣловали только его руку, Патріархи и Епископы коленно, а прочія власти, мірскія и духовныя, ногу: для сего поставлена была, на высококомъ амвонѣ, скамейка, и два Кардинала діакона безпрестанно открывали и закрывали, широкими крыльями ризы святительской, его коленно

и ногу. Самъ Папа, съ привѣтливою улыбкою, подавалъ каждому пальму, во время пѣнія антифона: «отроки Еврейскіе, носящіе вѣтви масличныя, срѣтили Господа, взывая и глаголя: осанна въ вышнихъ.»

Потомъ Римскій князь, прислуживающій у трона, въ сопровожденіи прелата, двухъ клириковъ и обоихъ церемоніймейстеровъ съ булавами, поднесъ умывальницу, для омовенія рукъ Первосвященника, и онъ, поддерживаемый двумя Кардиналами, сошелъ съ трона къ олтарю, предъ которымъ уже изготовлено было для него пурпурное кресло на носилкахъ. Кардиналы окутали ноги его длинною мантиею, и подали въ руку пальму, а двѣнадцать его придворныхъ конюшихъ, въ красныхъ платьяхъ, съ закидными рукавами, легко подняли себѣ на плечи царственного старца, который весь поблѣднѣлъ и закрылъ глаза, потому что не можетъ выносить сего непріятнаго движенія. Между тѣмъ начался крестный ходъ, при пѣніи антифоновъ, составленныхъ изъ словъ евангельскихъ; «егда приближися Іисусъ во Іеру-

салимъ, посла два ученика, глаголя имъ: идите въ весь,» и проч. Впереди шли другіе конюшіе Папскіе, за ними прокураторы, адвокаты судебныхъ палатъ, и его домашняя прислуга, пѣвчіе, крестовые клирики, маршалъ священныхъ палатъ; потомъ несли большой крестъ, всегда предшествующій Папѣ, и слѣдовали каноники базилики Св. Петра, почетные прелаты, Епископы, Патріархи, Кардиналы, съ своею домашнею свитою, три охранителя Рима, князь Римскій, губернаторъ столицы, два прислуживавшіе Кардиналы-діаконы, оберъ-церемоніймейстеръ и самъ Папа на носиджакѣ, окруженный своимъ военнымъ штабомъ, съ благородною стражею Римского. Около него несли семь мечей Швейцарскихъ кантоновъ, оставшихся вѣрными Римской церкви, и вѣли павлины онахала, которыя странны для глазъ и неприятны даже по впечатлѣнію нравственному, потому что мы привыкли издавна принимать эту птицу за символъ гордости.

Крестный ходъ вынесъ вонъ изъ храма и остановился у вѣнчикъ вратъ, ко-

торыя затворились на время, а между тѣмъ нѣсколько клириковъ, оставшихся въ храмѣ, пѣли торжественный гимнъ: «слава, хвала и честь тебѣ Христе, Царю и искупителю, ему же отроческая краса вознесла благоговѣйное осанна!» Имъ отвѣчалъ хоръ пѣвчихъ извнѣ дверей, послѣдующими стихами, нѣсколько подобно тому, какъ бываетъ у насъ при освященіи храма, и тогда отверзались врата, и весь крестный ходъ вошелъ тѣмъ же порядкомъ въ базилику, при пѣвнн антифоновъ: «входящу Господу во святыи градъ, отроки Еврейскіе воскресеніе живота предвозвѣстили, съ масличными ваіями взывая: осанна въ вышнихъ!» Мимо меня пронесли опять блѣднаго Первосвященника и спустили на землю близъ престола; примѣтно радовался онъ своему освобожденію отъ несноснаго для него положенія и лице его опять оживилось, когда вошелъ и возсѣлъ на свой тронъ. Но я не могу выразить, какое непріятное впечатлѣніе произвело на меня это пощеніе Первосвященника по всей церкви. Какъ бы явкій кумиръ, высится онъ надъ всеми

главами, огражденный оружіемъ, но не духовнымъ слова Божія, а просто лезвіемъ мечей. О великій Григорій! что сказалъ бы ты своимъ преемникамъ, когда несутъ ихъ въ столь неподобающемъ образъ, мимо твоего гроба, ты, который такъ сильно возставалъ противъ неумѣстнаго величанія Святителей!

Епископы, Армянскій и Уніатскій, участвовали также, въ числѣ прочаго духовенства, въ вербномъ торжествѣ, и невольнo бросались въ глаза облаченіе и митра восточнаго Архіерея, промежду западныхъ одеждъ и остроконечныхъ митръ; черная окладистая борода отличала его отъ прочихъ и вообще вся его наружность не была въ гармоніи съ тѣмъ, что его окружало:—видѣтъ былъ въ немъ чуждый пришелецъ, прильпившійся не къ своему стаду. По окончаніи крестнаго хода Кардиналы сняли съ себя облаченія парчевыя и облеклись въ смиренныя одежды, т. е. лилевыя мантии вмѣсто багряныхъ, но случаю воспоминанія страстей Господнихъ, съ коими довольно нестройно соединено на западѣ

вербное торжество. Нѣкоторые сохранили одѣянія различныхъ монашескихъ орденовъ, къ коимъ принадлежали, но у всѣхъ была багряная скуфья. Кардиналь—пресвитерь сталъ совершать обычную литургію на главномъ олтарѣ; но безпрестанное хожденіе священнослужителей, отъ олтаря къ трону, на обширномъ пространствѣ ихъ раздѣлявшемъ, то съ кадиломъ, то за благословеніемъ, неволью отвлекало все вниманіе отъ богослуженія къ лицу Первосвященника.

Во время чтенія Апостольскаго посланія къ Филипписеямъ: «сіе же да мудрствуется въ васъ, еже и о Христвъ Исусъ,» (гл. 11.) когда чтець дошелъ до сего знаменательнаго мѣста: «яко да о имени Исусовъ всяко колѣно преклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ,» Папа, всѣ Кардиналы, и Епископы, преклонили колѣна, и весьма благоговѣйно было такое видимое исполненіе словъ Апостольскихъ. За симъ слѣдовало долгое чтеніе или лучше сказать пѣніе страстнаго Евангелія отъ Маттея, которое надлежало слушать стоя, и потому Папа и старшіе Кардиналы удалились за

занавѣсь, гдѣ спокойно оставались до его окончанія. Весьма странно былъ самый образъ пѣнія евангельскаго: три діакона стали съ правой стороны, ближе къ хору, и распѣвали оное, монотонными неприятными для слуха речитативами; тотъ кто пѣлъ баса, произносилъ всѣ собственныя слова Христовы; теноръ читалъ на распѣвѣ самый текстъ, т. е. историческую часть; альтъ отвѣчалъ на слова Господни вездѣ, гдѣ только одно лице говорило, кто бы оно ни было, Апостоль или Пилать, или служанка, говорившая съ Петромъ; но лишь только двое или болѣе начинали рѣчь вмѣстѣ, въ текстѣ евангельскомъ, за нихъ уже возглашалъ хоръ, и это была лучшая часть пѣнія, потому что музыка сихъ хоральныхъ возгласовъ составлена древними геніальными сочинителями.

Впрочемъ нельзя похвалить хора Папскаго, отъ произительности нѣкоторыхъ голосовъ, весьма не естественныхъ, и не соответствующихъ достоинству церковному. Хоръ сей всегда замѣняетъ органъ, при служеніи или присутствіи Папы, и это сви-

дѣлается въ пользу вокальной музыки, что она и на западѣ признается болѣе пригодною для богослуженія, нежели органъ; но всякій у насъ хоръ Архіерейскій, какъ по своимъ церковнымъ напѣвамъ, такъ и по стройности, казался мнѣ пріятнѣе нежели Папскій. Когда во время пѣнія евангельскаго, произнесены были слова о кончинѣ Господней: «Иисусъ же паки, возгласивъ велимъ гласомъ, испусти духъ,» вся Церковь опять преклонила благоговѣнно колѣна, и вслѣдъ за симъ Папа возвратился изъ за завѣсы на свой тронъ.

Предъ совершеніемъ даровъ онъ сошелъ съ его высокихъ ступеней, и съ умиленіемъ сталъ на колѣна, у приготовленнаго для него налоя предъ олтаремъ. Должно отдать полную справедливость царственному Святителю, что старческое лице его всегда выражало то искреннее благочестіе, какимъ онъ проникнуть въ храмъ, такъ что онъ, своею наружностію, болѣе прочихъ внушаетъ благоговѣніе и къ себѣ, и къ святынь, но жалко смотреть на то, что дѣлается около него внутри храма. Въ са-

мую минуту освященія даровъ, когда Кардиналь-пресвитеръ поднялъ къ небу освященный агнецъ, всѣ присутствующіе и все войско, окружавшее престоль, пали внезапно на колѣна, воздавъ оружіемъ своимъ честь святынь, и хотя самый звукъ ратнаго оружія совершенно не въ гармоніи съ мирною жертвою, возносимою на олтаре, но водворившееся послѣ сего глубокое молчаніе, въ необъятномъ храмѣ, и умилительное зрѣлище всей церкви на колѣняхъ, начиная отъ Папы и до послѣдняго воина, придавало много торжественности сему мгновению, единственному во всемъ богослуженіи Римскомъ.

По окончаніи литургіи Папа произнесъ съ высоты своего престола, благословеніе всей паствѣ, съ осѣненіемъ рукою, которое церковь приняла также на колѣняхъ; потомъ, тѣмъ же порядкомъ, понесли его вонъ изъ храма, въ сопровожденіи клира, двора и стражи; но не въ главныя врата, а къ боковымъ дверямъ, ведущимъ на лѣстницу Ватиканскую, изъ придѣла Св. Тины; тамъ оставили его Кардиналы, и онъ, сойдя съ

носилокъ, возвратился пѣшій въ свои внутренніе покои. Таково было для меня первое впечатлѣніе торжественной литургіи въ присутствіи Папскомъ, гдѣ ясно отразился весь характеръ Церкви, собственно Римской, обремененной готическими формами, которыя передали ей на храненіе средніе вѣка, какъ бы нѣкіе залого, быть можетъ важные тогда, но уже теперь довольно странные.

П И С Ь М О IV

Монторіо, гробъ Тасса, служба Страстной недели.

Первые три дня Страстной недели не были ознаменованы у Римлянъ, какимъ либо особеннымъ богослуженіемъ, и я воспользовался хорошою погодою, чтобы болѣе ознакомиться съ Римомъ; мнѣ хотѣлось обнять его взорами, со всѣхъ сторонъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подышать весеннимъ воздухомъ въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Иногда искалъ я отрадной для меня зелени, въ соседней виллѣ Боргезе, у самыхъ воротъ народныхъ, или въ болѣе отдаленной и ве-

ликолышной виллы Памфили Доріа, за Тибромъ, которая почитается лучшею изъ всѣхъ Римскихъ, по своей богатой растительности и обилію водъ. Въ пріятномъ обществѣ своихъ соотечественниковъ посетилъ я сію очаровательную виллу, и тамъ, среди ихъ дружеской бесѣды, на берегу широкаго озера, въ густомъ сосновомъ лѣсу, я мысленно переносился въ милую родину; но лавры и кипарисы и цѣлый цвѣтникъ роскошныхъ камелій напомнили мнѣ, что я подлѣ другимъ небомъ, и одинъ только взглядъ на синій безоблачный шатеръ, раскинутый надъ моею головою, уже свидѣтельствовалъ мнѣ, что я въ любимой странѣ солнца, гдѣ привѣтливѣе небо склоняется къ землѣ.

Хотите ли видѣть самый очаровательный изъ видовъ Римскихъ? — Взойдите на холмъ Яникульскій, къ тому мѣсту, гдѣ распятъ былъ Апостолъ Петръ, и гдѣ теперь стоитъ его обитель на Монторіо. Тамъ, среди двора монастырскаго, вы увидите круглую церковь, созданіе грознаго Филиппа Испанскаго, обставленную колоннами, въ

нижнемъ ярусѣ коей показываютъ самое жѣсто, гдѣ былъ водруженъ опрокинутый крестъ Апостола, а помостъ верхней церкви равняется съ вершиною креста. Многочисленныя лампы горятъ, днемъ и ночью, надъ поприщемъ страданія; земля, унизшая священнымъ потомъ и кровію, являетъ въ себѣ частицу золотого песка; мученическая кончина изображена надъ обоими престолами, верхнимъ и нижнимъ. Исполненный смиренія Апостолъ не считалъ себя достойнымъ уподобиться, образомъ смерти, божественному своему Учителю, и умолилъ мучителей распять себя головою внизъ.— Когда же душа ваша насытится благочестивыми созерцаціями, станьте на широкую терасу передъ обителью, чтобы насладиться зрѣлищемъ Рима, въ пурпуръ заходящаго солнца, которымъ окрашенъ амфитеатръ горъ Сабинскихъ и Лаціума.— Онъ подымается многими уступами на дальнемъ небосклонѣ, то представляя одну лазуревую массу, усыпанную бѣлыми виллами Тиволи, Фраскати и Альбано, то какую-либо отдаленную высоту, какъ снѣжный Сорактъ, воспе-

тый Гораціемъ, или Панлаціумъ, гдѣ стоялъ храмъ Латинскаго Юпитера; нѣкоторые холмы увѣнчаны замками среднихъ вѣковъ или уединенными обителями. Кое-гдѣ, изъ за своенравныхъ вершинъ цѣпи Сабинской, проглядывали другіе снѣжные исполины хребта Апенниновъ, и эти яркія пятна на горней лазури, при багровыхъ лучахъ солнца, казались рѣзкими чертами геніальной кисти художника, когда онъ довершаетъ свою дивную картину. Въ такомъ великолѣпномъ вѣнцѣ преклоняетъ къ покою старческую главу свою нѣкогда державный Римъ. — Царственный куполь Св. Петра одинъ только бытъ видѣнъ изъ за холма Яникульскаго, и предъ нимъ возставалъ круглый замокъ Адріановъ, съ своимъ парящимъ Ангеломъ, вмѣстѣ крѣпость, дворецъ и темница! а вдали, будто въ облакахъ воздушная церковь, на высотахъ Маріо, напоминала знаменіе победы, явившееся тамъ великому Константину. Веселая гора Пинчю господствуетъ зеленью садовъ своихъ надъ новымъ Римомъ, вмѣстѣ съ обширнымъ дворцомъ Первосвященника на холмѣ Кви-

ринальскомъ. Отъ ихъ' подошвы до самаго Тибра простерлась живописная громада зданій, разныхъ зодчествъ и въковъ, пересѣкаемая частыми куполами или порывомъ легкихъ колоколенъ. Вотъ свинцовый шитъ Пантеона недалеко отъ роскошнаго дворца Фарнезовъ; вотъ изящная церковь Іезуитовъ въ виду полуобрушенной башни Нерона, и двойной куполъ великолѣпной базилики Св. Маріи, рядомъ съ одинокою колокольнею Капитолія. — У ногъ его цѣлый форумъ, съ тройною аркою базилики Константиновой, и вѣчный Колизей; еще правѣ соборъ Латеранскій, съ своими пирамидальными украшеніями, и подъ зеленою виллою Маттея, на скатъ холма Целійскаго, обитель Григорія великаго, отчасти заслоненная высокими развалинами Палатина. Здѣсь уже древній Римъ выступаетъ на ратоборство съ новымъ, роскошью своихъ остатковъ! — Вотъ и живописный Авенгитъ надъ самымъ берегомъ Тибра; приоратъ Мазтійскій сталъ на его крайней грани, какъ боевой шитъ рыцарей Іерусалима, пригвожденный некогда къ ихъ твердымъ.

Здѣсь измѣняется лице картины и пирамида Цестія, съ дальнею башнею Метеллы, стоятъ на рубежѣ города и пустыни, знаменіемъ столькихъ катакомбъ, которыя повиваютъ древнюю всемірную столицу поясомъ смерти. Тамъ одинокая базилика Св. Павла, надъ гробомъ Апостола, возраждается подобно фениксу изъ своего пепелища, а за нею дикая пустыня, кое-гдѣ только перевитая золотою лентою Тибра, вступаетъ во всю широкія права свои кругомъ Рима, какъ жестокой ему укоръ отъ лица вселенной, за всю его опустошенія. Пустыня постепенно придвинулась къ самымъ стѣнамъ, дабы убійственный городъ всегда созерцалъ предъ собою тотъ образъ разрушенія, которое самъ распростеръ онъ по всѣмъ концамъ знаемаго тогда міра!

Нѣсколько выше, на мѣстѣ еще болѣе живописномъ, источаетъ свои шумныя воды знаменитый фонтанъ Папы Павла V, изъ дома Боргезе, который обновилъ для сего древніе водопроводы Траяновы и украсилъ гранитными столбами величественный портикъ. Но хотя очаровательный видъ, от-

крывающійся съ его вершины, гораздо пространнѣе того, что съ Монторіо, я болѣе нѣтъ наслаждался съ уединенной террасы обители, потому что самая картина представлялась мнѣ въ опредѣленныхъ рамкахъ, а не безпредѣльною панорамою.

Спустившись съ горы, направился я отъ мѣста раснѣтія Амостола къ его Ватиканскому гробу, вдоль предмѣстія Транстеверс, коюго жители досель хвалятся пріимымъ происхожденіемъ отъ древнихъ Римлянъ и доказываютъ его частыми порывами жестокой своей природы. Отъ воротъ Сесеревыхъ, мимо великолѣпнаго дворца Корсини, гдѣ долго обитала развѣнчанная Королева Шведская Христина, и мимо роскошныхъ палатъ Фарнезіанскихъ, славныхъ фресками Рафаэла, пролегла длинная улица къ подножію другой обители, Св. Онуфрія, которую прославилъ умирающій поэтъ. Этотъ поэтъ былъ сладкій пѣвецъ Иерусалима, испытанный столькими бѣдствіями въ теченіе бурной жизни! Тамъ любилъ онъ уединяться, подъ свѣію развѣсетаго дуба, который недавно сломилъ также бу-

ря, но только стихій, какъ бы въ сродстве съ поэтомъ! оттолкъ наслаждался онъ зрѣлищемъ всемірной столицы, отходившей къ покою въ лучахъ вечерняго солнца..... Ахъ! и онъ самъ, озаренный, на вечеръ дней своихъ, лучами собственной славы, думалъ найти, въ стѣнахъ мирной обители, тотъ временный отдыхъ, котораго напрасно искалъ въ теченіе жизни, и нашелъ вѣчный! И вотъ уже ему готовился свѣтлый вѣнецъ въ Капитолій, а между тѣмъ другой болѣе блѣдный вѣнецъ смерти уже спускался на труженическое чело его, исчерченное слѣдами вдохновенія и страсти.

«Какое торжество готовить вѣчный Римъ!» воспѣлъ нѣкогда въ честь Тасса родной поэтъ нашъ, самъ скоро поблекшій отъ болѣзни, и въ послѣднихъ звукахъ его элегій отозвался, какъ бы плачь вѣчнаго города, надъ умирающимъ пѣвцемъ Іерусалима.

«И трауромъ покрылся Капитолій!»

Этотъ Капитолій, куда стремились послѣднія желанія Тасса, видѣнь былъ и отъ того дуба, гдѣ любилъ онъ мечтать о минувшемъ, и даже изъ той келліи, гдѣ ото-

шестві съ нѣсимо земнаго Іерусалима, въ на-
 бродный! — Слушай привалъ меня следовать
 по стопамъ поэта, на всѣхъ романтическихъ
 мѣстахъ, ознаменованныхъ его памятью
 или какими либо эпохами его жизни, начи-
 ная отъ волшебной Венеціи, гдѣ такъ дол-
 го звучали его октавы въ устахъ гондолье-
 ровъ, подъ легкій плескъ ихъ длинныхъ
 веселъ, и до очаровательнаго Соррента, гдѣ
 первымъ дыханіемъ младенца Тасса было
 благоволеніе лимонныхъ рощей, а первымъ
 звукомъ ему слышался гармоническій
 шумъ волны Непюля, которая тамъ, сладко
 отозвалась въ его октавахъ! Видѣлъ я и ту
 чудную видлу Эста, на крутомъ скатѣ Ти-
 вольи, гдѣ подъ шумъ скачущихъ съ горъ
 водопадовъ, въ виду Римской вѣстыни и
 дальняго Рима, читалъ влюбленный поэтъ
 стихи своей царственной дѣвѣ, и тотъ мрач-
 ный замокъ въ Ферарѣ, окруженный бой-
 никами среднихъ вѣковъ, гдѣ вслыхнула
 несчастная страсть сія, которая столь горь-
 ко отозвалась ему на цѣлую жизнь; а не-
 далеко отъ замка посѣтилъ я и ту скорб-
 ную обитель ума лишенныхъ, гдѣ суровый

Герцогъ на семь лѣтъ заключилъ пѣвца Со-
лима, прославившаго его княженіе своею
поэмою.

«O magnanimo Alfonso!»
Альфонсъ, благотворитель мой!
Исторгнувшій у рока,
Меня спасительной рукою
Изъ бурнаго потока;
Когда межъ волнъ, межъ скалъ носясь,
Блуждалъ челнокъ мой зыбкой;
Услышь пѣвца обѣтнй гласъ
И ободрн улыбкой!

(Осв. Іер. Пѣс. 1.)

И такъ, вотъ то пристанище отъ бурь жи-
тейскихъ, которое даровалъ онъ безсмерт-
ному Тассу, и отколѣ вся Европа едва осво-
бодила его своимъ ходатайствомъ! Еще
доселѣ показываютъ, въ больницѣ Ферар-
ской Св. Анны, малую келлію, въ которую
свѣтъ проникалъ только дверями, полуна-
рѣзанными теперь, потому что всѣ посѣти-
тели желаютъ сохранить память славнаго
страдальца; самыя громкія имена начерта-
ны на стѣнахъ келліи, какъ бы сплетая
изъ себя безсмертнй вѣнокъ великому по-
эту. И вотъ наконецъ открылся мнѣ послѣд-
нй приютъ его, на холмѣ Яникульскомъ,

мирная келлія, изъ оконъ коей виднѣтъ былъ ему вѣчный городъ, имъ оставляемый для вѣчности, когда угасалъ онъ съ лучами Римскаго солнца, при звукахъ колокола, возвѣщавшаго земное торжество его. Въ библиотекѣ монастырской показываютъ бюстъ его, подлинный слѣпокъ съ лица умершаго, и своеручныя его письма, а въ церкви его скромную гробницу, съ простою но выразительною надписью: *hic jacent ossa Tassi*, — здѣсь лежатъ кости Тасса!»

Орденъ Іеронимитовъ содержитъ сію обитель и въ честь ихъ патрона, славный художникъ Доминикино начерталъ, вдохновенною кистию, пустынные подвиги блаженнаго Іеронима, на трехъ входныхъ аркахъ наперти; а въ томъ самомъ корридорѣ, гдѣ была келлія Тасса, другой именитый живописецъ, Беллини, написалъ чудную икону Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ. Изъ сокрушеннаго бурею дуба Тассова, монашествующіе братія дѣлаютъ различныя вещи, на память великаго поэта, который съ своею чредою сдѣлался ихъ питателемъ. Они привѣтливо зовутъ посѣтителей посмо

трьть остатки сего дуба, на монастырской терасѣ, и полюбоваться оттоль очаровательнымъ зрѣлищемъ Рима. — Оно почти то же, что и съ Монторіо; однако здѣсь, за изгибомъ холма Яникульскаго, скрывается живописная пустыня, но за то болѣе открыта окрестность базилики Петровой. Ничто столько не напоминаетъ картину державнаго Рима изъ за Тибра, какъ великолѣпный видъ Замоскворѣчья, съ Кремлевской высоты нашей первопрестольной столицы. Здѣсь древній Римъ и новый, или третій Римъ, какъ называли Москву простодушные летописцы наши, послѣ паденія Царьграда, встрѣчаются лицомъ къ лицу, и не смотря на величіе многовѣковыхъ развалинъ Римскихъ, для златоглавой не страшно такое соперничество, ибо и на нее, обильною рукою столѣтій, излито было державное величіе.

Съ вечера великой среды начался духовный церемональ Римскій, въ придворной церкви Ватиканской, сохранившей имя своего основателя Папы Сикста IV; туда устремились, въ четыре часа по полудни,

высшее общество Римское и все иностран-
 ны для слушанія знаменитаго міссегере,
 или псалма «не милуй мя Боже,» кото-
 рыи поютъ пѣвчіе павскіе на концѣ все-
 потной. Музыка сія точно думантель-
 на и достойна вниманія, какъ одно изъ
 лучшихъ произведеній славнаго Аллегри;
 но надобно много терпѣнія, чтобы ее до-
 ждать, и въ продолженіи полутора часа слу-
 шать пронзительныя речитативы, восходящія
 и нисходящія весьма неестественными гамма-
 ми, которыя раздирають слухъ. Если же
 онездѣшь прійхать къ началу, то уже нѣтъ
 никакой возможности проиикнуть въ церковь,
 гдѣ тѣнота и духота подавляютъ всякое
 вниманіе. Вся служба раздѣлена на три
 части и каждая состоитъ изъ чтенія трехъ
 псалмовъ и пѣнія антифоновъ между ними,
 которыя выражаютъ явственныя событія се-
 го дня. Три пареміи изъ плача Іереміина,
 три отрывка изъ толкованій на псалмы бла-
 женнаго Августина, и три чтенія изъ пер-
 ваго посланія къ Коринѣянамъ слѣдуютъ
 постепенно за псалмами, и въ заключеніе
 читаются еще псалмы хвалебныя, также

перемѣняемые съ антифонами. Вся сія служба должна изображать преданіе и страсти Господни; но какъ далеко отстоитъ она отъ нашей православной службы. Страстной недели, гдѣ такъ премудро расположены все чтенія и обряды, что каждый даже несведующій Христианинъ, только слушая и взвѣря, можетъ имѣть предъ собою всю евангельскую повѣсть послѣднихъ дней Господа. Здѣсь же, съ книгою въ рукахъ и при самомъ напряженномъ вниманіи, невозможно слѣдовать за ходомъ службы, и мало кто знаетъ ея символику. Собираются только для одного мізерга, какъ бы въ концертъ.

Папа, все Кардиналы и некоторые изъ прелатовъ, въ траурныхъ платьяхъ, присутствуютъ ежедневно на сихъ службахъ, утреннихъ и вечернихъ, которыя совершались прежде въ различныхъ церквахъ Римскихъ, по старинному росписанію дней, что и доселѣ называется стоянія (stationes). Но со времени удаленія Папъ въ Авиньонъ, они принуждены были тамъ совершать богослуженіе въ домовой своей церкви, а не во

имѣнію прличнаго собора, и этотъ обы-
чай остался и послѣ ихъ возвращенія въ
Римъ. Что сказать о самой церкви Сиксто-
вой, которая такъ знаменита изяществомъ
своей стѣнной живописи? ибо здѣсь раз-
вернулся весь своенравный геній Микель-
Анджело, часто болѣе согласный съ ду-
хомъ великаго пѣвца ада и рая, нежели съ
словомъ евангельскимъ и прличіемъ церков-
нымъ. Такъ напримѣръ, славная его кар-
тина страшнаго суда исполнена такихъ діав-
вольскихъ образовъ, что нѣкоторые долж-
но было даже стереть для благопристой-
ности, и что весьма поразительно: един-
ственный алтарь сей церкви приставленъ
къ самой картинѣ, такъ что по обѣимъ
сторонамъ его и на одной съ нимъ высотѣ
являются страшныя фигуры диаволовъ, тер-
зающихъ грѣшниковъ. Несообразность чрез-
вычайная! и никто ее не замѣчаетъ: до та-
кой степени общее вниманіе устремлено
только къ одному, изящному, мимо перво-
наго прличія, хотя самый тронъ Царя
стоитъ съ боку сего алтаря и онъ ближе
всѣхъ видитъ эту картину. Неудобно вѣдомъ

нишь о заботливой внимательности Восточной Церкви, которая премудро расположила; даже и въ живописи церковной, гдѣ что слѣдуетъ писать, и помѣстивъ около престола одни только образы святительскіе и апостольскіе, съ тайной вечерію, назначила для страшнаго суда западную стѣну храма, дабы грѣшникъ отвращающійся отъ благодати и мирной жертвы, имѣлъ бы предъ собою и предостереженіе того, что его ожидаетъ, внѣ Христа, въ будущемъ вѣкѣ. Одно спасаетъ въ церкви Сикстовой отъ непріятнаго впечатлѣнія сей гениальной картины: — она потускла отъ времени, какъ и прочая стѣнная живопись, и должно вблизи ее разсматривать, а міряне далеко и отдѣлены рѣшеткою отъ духовенства.

Въ продолженіи службы постепенно гасятъ, одну за другою, шесть свѣчъ, поставленныхъ на алтарь, и девять на боковомъ наозѣ, съ правой стороны противъ Папы; это выражаетъ, по толкованію Римскому, какъ Апостолы и Мученицы, (иначе три Маріи) оставили Господа, во время его пре-

данія; но Апостолы разбѣжались всѣ вдругъ, жены же не были во время преданія и остались вѣрными при крестѣ и гробѣ. Вообще должно сказать, что символика западная не имѣетъ глубокаго смысла восточной и отзывается часто грубостію тѣхъ вѣковъ, которые ее вымышляли. — Предъ началомъ misereere, во время пѣнія антифона: «предатель же даде имъ знаменіе, глаголя: его же азъ лобжу той естъ, имите его,» начинаютъ гасить всѣ огни и Папа сходитъ съ своего трона, чтобы стать на колына у приготовленнаго для него налоя, на все время пѣнія псалма; то же дѣлаютъ всѣ Кардиналы, каждый у своего мѣста, а между тѣмъ хоръ возглашаетъ сіи торжественныя слова: «Христосъ ради насъ послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя; тѣмъже и Богъ его превознесе и дарова ему имя, еже наче великаго имени.» (Ф. 11. 8. 9.) Послѣ трогательнаго пѣнія псалма «помилуй мя Боже,» сагитъ высокимъ гласомъ въ совершенномъ вѣсѣ, и краткой отпустительной молитвы, около алтаря внезапно производятъ шумъ и всѣ,

спѣшно и молча, расходятся въ боковыя двери церкви. Долго не могъ я понять и даже распросить кого либо знающаго, что значить этотъ шумъ, повторяемый три дня сряду послѣ каждаго *misegege*; наконецъ мнѣ объяснили, что это выражаетъ шумное сонмище Иудейское, устремившееся на Господа въ часъ преданія, и признаюсь, оно мнѣ казалось весьма мало удовлетворительнымъ или соответствующимъ достоинству церковному. — Иудеямъ ли подражать въ такую торжественную минуту? и пусть это было бы однажды, т. е. ради преданія, но оно повторяется и въ другой и въ третій день! — есть ли тутъ какой либо смыслъ церковный?

Служба великаго четвертка была самая длинная и утомительная изъ всей седмицы, и удивительно, какъ престарѣлый Папа, совершавшій самъ всѣ его обряды, кромѣ литургіи, могъ найти въ себѣ довольно силъ, чтобы все исполнить съ подобающимъ благоговѣніемъ. Торжественная обѣдня, которая въ древности совершалась самимъ Папою, въ патриаршемъ соборѣ Ла-

терана, теперь бываетъ въ той же тѣсной церкви Сикстовой, и мѣсто Папы заступаетъ старшій изъ Кардиналовъ, сана епископскаго: самъ же Первосвященникъ только присутствуетъ на боковомъ тронѣ, въ свѣтлой мантии и золотой митрѣ, а Кардиналы въ траурныхъ, т. е. лиловыхъ мантияхъ безъ облаченій. Служба начинается, по обыкновенію, ихъ поклоненіемъ Папѣ: каждый, по порядку старѣйшинства, идетъ отъ своего мѣста къ его трону, распустивъ воскрилія своей мантии, которую расправляютъ имъ на ступеняхъ, чтобы не запутались они въ широкихъ складкахъ; за симъ слѣдуетъ божественная литургія, съ пѣніемъ придворнаго хора папскаго, и есть стройные напѣвы, потому что ихъ творцемъ былъ славный Палестрина, отецъ церковной музыки Италіанской. Апостолъ читается тотъ же, что и у насъ; но евангеліе другое, Іоанново о умовеніи ногъ. Прежде совершенія даровъ, при пѣніи Серафимскаго гимна, двѣнадцать придворныхъ служителей, въ красныхъ одеждахъ, становятся на колѣнахъ по обѣимъ сторонамъ

престола, съ зажженными въ рукахъ свѣчами. Священнодѣйствующій освящаетъ два агнца, одинъ для собственнаго причащенія, другой же для преждеосвященной литургіи слѣдующаго дня, и сей второй агнецъ полагается въ драгоценный кристалльный потиръ; Кардиналамъ же и прелатамъ раздаются свѣчи и они облакаются въ свойственныя имъ священныя ризы. Тогда Папа, поддерживаемый двумя Кардиналами-діаконами, сходитъ съ своего трона и поднимаетъ священный потиръ съ алтаря, чтобы нести его изъ церкви Сикстовой, чрезъ царскую залу, въ другую церковь Павлову, гдѣ Св. тайны должны пребывать до литургіи великаго пятка, на великолѣпномъ алтарѣ, убранномъ тысячами свѣчь, и такой алтарь называется огненною капеллою или святымъ гробомъ.

Процессія эта весьма трогательна, хотя и здѣсь предшествуетъ стража Швейцарская и послѣдуютъ воинскіе и придворные чины, но они менѣе замѣтны въ толпѣ народной, и лице Епископа превозмогаетъ надъ царскимъ въ Первосвященникъ. Впе-

реди несутъ патриаршій крестъ его, осѣ-
 ненный покрываломъ, въ знаменіе печали:
 прелаты и Кардиналы идутъ попарно, со
 свѣчами и съ митрами въ рукахъ; за ними
 Папа, съ обнаженною головою, несетъ Св.
 тайны, подъ сѣнію, которую поддерживаютъ
 Епископы; самъ онъ столько былъ проникнутъ
 важностію сего дѣйствія и благоговѣніемъ къ
 несомой имъ святынь, отложивъ уже всякое
 мірское величіе, что невольно умилялось серд-
 це при видѣ дряхлаго Епископа старшей ка-
 еедры, съ тѣломъ Господа своего въ старче-
 скихъ рукахъ, какъ бы совершавшаго тайн-
 ственное его погребеніе; а между тѣмъ лики
 пѣли, предшествуя тайнамъ и объясняя ихъ:
 «изглаголи языкъ таинство пречестнаго тѣ-
 ла и драгоцѣнной крови, юже за цѣну міра,
 плодъ благородной утробы, излилъ Царь
 языковъ. Слово, еже плоть бысть, сло-
 вомъ творить свою плоть истинный хлѣбъ
 и претворяетъ вино въ кровь Христову;
 аще же чувства не досягаютъ сего, но къ
 утвержденію искренняго сердца довазетъ
 вѣры единой.»

По возвращеніи крестнаго хода, изъ

церкви Павловой въ Сикстову, тѣмъ же порядкомъ, немедленно слѣдовала вечерня, чтобы назнаменовать самое время вечера тайной; между тѣмъ всѣ устремились на площадь Св. Петра, или на одну изъ галлерей поверхъ ея колоннады, чтобы видѣть благословеніе Папы съ балкона Ватиканскаго. Дождливое время не благопріятствовало сему зрѣлищу; мало было народа на площади, больше войска; но совсѣмъ тѣмъ утѣшительно видѣть пастыря, благословлявшаго съ высоты храма Апостольскаго свою паству. Скажу однако объ индульгенціяхъ, которыя бросаютъ народу, въ двухъ свиткахъ, Латинскомъ и Италіянскомъ, что я никакъ не могъ распознать въ Римѣ истиннаго ихъ значенія. Эти двѣ были полныя (plena), и есть многіе храмы, посѣщеніе коихъ, при произнесеніи извѣстныхъ молитвъ, даетъ также полную индульгенцію. Есть также нѣкоторые привилегированные алтари, кресты и иконы, поклоненіе коимъ даетъ индульгенцію на нѣсколько лѣтъ или дней. Когда я спрашивалъ, что это значить?—мнѣ объясняли различнымъ обра-

зомъ: одни говорили, что это отпущеніе грѣховъ впередъ, и такое преданіе сильно въ простомъ народѣ и потворствуетъ преступленіямъ; оно было виною и первой искры Лютеранизма. Другіе объясняли мнѣ, что такого рода индульгенціи относятся къ чистилищу, и что Папа, властію своею, освобождаетъ отъ предстоящихъ тамъ изъязненій, на извѣстное число дней или лѣтъ; это объясненіе едвали не заключаетъ въ себѣ истиннаго смысла Римскаго ученія, потому что я видѣлъ много алтарей въ Римѣ, съ такою надписью: «кто помолится и принесетъ здѣсь безкровную жертву, тотъ освободитъ одну душу изъ чистилища.» Но что значитъ полная индульгенція, *plena*?— Нельзя же предполагать, чтобы за одно посѣщеніе храма отпускались впередъ все грѣхи! Нѣкоторые говорятъ, что здѣсь, при сокрушенной молитвѣ покаянія, отпускается върующему все содѣланное имъ въ жизни: но развѣ не достигаетъ того же самаго плода покаяніе искреннее на исповѣди, при законномъ разрѣшеніи пресвитера? Или быть можетъ индульгенція полная осво-

бождаетъ отъ эпитиміи, слѣдующей за смертныя грѣхи?—Я никакъ не могъ получить совершеннаго изъясненія по сему предмету и полагаю, что это происходитъ, или отъ собственнаго моего невѣжества въ тонкихъ богословскихъ вопросахъ Западной Церкви, или отъ того, что она сама старается теперь привести, въ опредѣленную и законную форму, тѣ злоупотребленія, которыя происходили въ среднихъ вѣкахъ, отъ слишкомъ расширенныхъ льготъ, даваемыхъ индульгенціями, и потому встрѣчается о нихъ такое разногласіе.

Отъ благословенія Папскаго всѣ поспѣшили опять, черезъ царскую залу и церковь Сикстову, въ базилику Св. Петра, на омовеніе ногъ, которое тамъ долженъ былъ совершать Папа тринадцати странникамъ. Прежде происходило оно у Св. Іоанна Латеранскаго и можетъ быть на ступеняхъ священнаго крыльца Господня, какъ и теперь въ Іерусалимѣ бываетъ на ступеняхъ крыльца Св. Елены, ведущаго на Голгоѳу. Число же тринадцати, превышающее ликъ Апостольскій, принято отъ то-

го, что Св. Папа Григорій великій, угощая ежедневно у себя въ обители двѣнадцать убогихъ, однажды сподобился угостить между ними Ангела, и всѣ сіи тринадцать въ Римѣ называются Апостолами. Мы вошли въ базилику, малымъ боковымъ входомъ въ правую вѣтвь ея креста, гдѣ находятся подъ алтаремъ мощи двухъ стражей Апостола Петра, имъ окрещенныхъ въ темницѣ. Алтарь сей былъ застановленъ великолѣпнымъ трономъ Папскимъ, позади коего на пышной ткани изображена аллегорическая картина: Провиднiе возсѣдающее на земномъ шарѣ, между Правосудiемъ и Любвию, а по сторонамъ ихъ два льва съ хоругвями церковными. Признаюсь что такого рода символы часто соблазнили меня въ церквахъ Римскихъ, и особенно на гробницахъ, какъ остатки язычества; но тамъ не обращаютъ на то вниманiя, и по нещаетiю вкусъ этотъ сталъ было переходить и на наши кладбища. Гораздо болѣе приличная ткань, великолѣпной работы, изображавшая тайную вечерю, висѣла надъ тѣмъ возвышенiемъ, гдѣ сидѣ-

ли, все въ рядъ, тринадцать странниковъ, въ бѣлыхъ хитонахъ и острокопечныхъ бѣлыхъ колпакахъ. Напротивъ ихъ были приготовлены мѣста для дипломатическаго корпуса, а по срединѣ по обыкновенію стояло войско. Когда Папа и Кардиналы заняли свои сѣдалища, одинъ изъ діаконовъ возгласилъ евангеліе отъ Іоанна, о умовеніи ногъ на вечера, и потомъ хоръ запѣлъ антифоны дня сего: «заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже и азъ возлюбихъ васъ, рече Господь,» и во все время умовенія продолжались антифоны, составленные изъ словъ евангельскихъ со стихами псалмовъ. Тогда Папа, снявъ съ себя багряную мантию (*pluviale*), и оставшись въ одномъ подризникѣ, съ эпитрахилью, и въ бѣлой митрѣ, опоясался лентіемъ, и предшествуемый двумя церемоній-мейстерами, съ булавами, и двумя Кардиналами - діаконами, подошелъ къ скамьѣ странниковъ. Онъ ставилъ обнаженную ногу каждаго изъ нихъ, въ серебряное блюдо, и самъ, преклонивъ колѣна, слегка омывалъ, отиралъ ее и потомъ цѣловалъ.

Четыре домашнихъ его прислужника шли за нимъ, съ нужною для сего утварью, и каждый изъ странниковъ получалъ, тотчасъ послѣ умовенія, изъ рукъ Кардинала - діакона, связку цвѣтовъ и двѣ медали, золотую и серебряную, на память оказанной ему чести Первосвященникомъ. Возвратившись на свой тронъ, Папа омылъ себѣ руки и, прочитавъ окончательную молитву, распустилъ собраніе.

Изъ храма все устремились опять, нестройною толпою, на верхъ базилики, въ такъ называемую ложу Ватиканскую, которая находится надъ главнымъ портикомъ. Добродушный Папа, желая всѣмъ доставить утѣшеніе видѣть трапезу странниковъ, съ нѣкотораго времени тамъ совершаетъ сіе угощеніе, бывшее прежде въ залахъ Ватиканскихъ. Но это благодѣяніе не для многихъ, потому что стѣсненіе на узкой лѣстницѣ и въ самой залѣ такъ велико, что нѣкоторые едва не задохлись. Предъ самымъ столомъ вечера начались вопли и драка; многіе иностранцы стали передъ

зять за рѣшетку, отдѣлявшую дипломатовъ и дамъ отъ народа; за ними послѣдовали даже аббаты, сдавленные движеніемъ толпы. Присутствіе Короля Неаполитанскаго, со всѣмъ его семействомъ, и Министровъ иностранныхъ, нисколько не удерживало толпы. Сами дипломаты и военные вступили въ борьбу съ порывающимся народомъ, чтобы оградить испуганныхъ дамъ; наконецъ ворвалась по лѣстницѣ стража Швейцарская и возстановила порядокъ. Тогда появились тринадцать странниковъ, каждый со связкою цвѣтовъ, и стали всѣ въ рядъ за длинный столъ, великолѣпно убранный позлащенными сосудами и цвѣтами. Пришелъ и Папа изъ церкви Павловой, которая примыкаетъ къ сей залѣ, въ обыкновенной бѣлой одеждѣ, съ эпитрахилью, багрянымъ воротникомъ и бѣлою скуфьею; съ нимъ были его придворные служители, въ короткихъ лиловыхъ эпанчахъ, которые на колѣнахъ подавали ему блюда. Онъ сталъ впереди стола, благословилъ трапезу, и когда съели странники, началъ подавать каждому изъ нихъ, черезъ узкій столъ, яства, принимае-

нья имъ изъ рукъ служителей; потомъ на-
 ливалъ каждому изъ своихъ гостей вино,
 и такъ безпрестанно переходилъ отъ одного
 конца стола къ другому. На лицѣ нѣкото-
 рыхъ изъ сихъ странниковъ написано бы-
 ло умиленіе и внутреннее сознаніе, что
 они чувствуютъ, кто имъ служитъ; но дру-
 гіе равнодушно улыбались царю, и это
 было тѣмъ непріятнѣе, что самъ держав-
 ный старецъ глубоко былъ проникнутъ
 смиреннымъ своимъ дѣйствіемъ, и совершалъ
 его, при всемъ своемъ утомленіи и дряхле-
 сти, съ усердіемъ и съ евангельскою про-
 стою: казалось, въ эту минуту, онъ совер-
 шенно забылъ высокій санъ свой и какъ
 бы возвратился къ прежнимъ днямъ ни-
 щеской своей убогой жизни, въ обители
 великаго Папы Григорія, который подалъ
 ему тамъ образецъ нищелюбія. Когда мы
 вышли изъ ложи въ царскую залу, чтобы
 спуститься на Петрову площадь, по вели-
 колѣннѣй лѣстницѣ Ватикана, внезапно от-
 крылась для выхода папскаго черковъ Па-
 пьова, и блеснули глазами нашимъ Са... тай-
 ны на алтарь, какъ бы въ пламени бѣа-

численныхъ огней, охватившихъ всю стѣну: зрѣлище это было великолѣпно.

Вечеромъ, въ четыре часа, была опять всенощная въ церкви Сикстовой; но утомленный Папа уже не присутствовалъ, берегая силы свои для будущаго великаго дня, и я предпочелъ идти въ храмъ Св. Петра, гдѣ также совершалось бдѣніе въ придѣлѣ хора, надъ мощами Св. Іоанна Златоуста: пѣніе Григоріанское коновниковъ базилики понравилось мнѣ болѣе папскаго хора, не исключая даже и знаменитаго мінегега, которое было болѣе величественно въ сумракѣ собора. Около пяти часовъ встрѣченъ былъ канониками, въ главныхъ вратахъ храма, Кардиналъ великій Пенитенціарій или духовникъ, который шелъ, съ длиннымъ жезломъ въ рукахъ, на свою деревянную кафедру. Около нее, со стороны ризницы, стоятъ въ этой части храма исповѣдныя кафедры, для всѣхъ почти главныхъ языковъ вселенной, гдѣ въ теченіи страстной недѣли исповѣдуются разнородныя богомольцы, соединшіеся въ Римъ, и эта черта вселенства

поражаетъ взоры, когда читаешь на верху каедръ: для языка Греческаго, Нѣмецкаго, Французскаго, Венгерскаго, Иллирійскаго и проч. Русскаго я не нашелъ. Но появленіе великаго духовника, съ отпустительнымъ жезломъ, который возлагаетъ онъ на главы кающихся, въ знакъ полнаго отпущенія грѣховъ, не произвело никакого впечатлѣнія въ народъ. — Не болѣе пятидесяти человекъ собралось около его каедръ; и онъ, отпустивъ грѣхи ихъ, прикосновеніемъ жезла, и посидѣвъ еще немного, всталъ съ своего мѣста и удалился изъ храма, не шибя въ виду другихъ исповѣдниковъ. Опять странное явленіе, которое встрѣчаешь только въ Римской Церкви! На основаніи какихъ правилъ Кардиналъ отпускаетъ грѣхи, безъ ихъ исповѣди, однимъ прикосновеніемъ жезла своего? Малое усердіе народа, къ сему неправильному дѣйствию есть лучшее противъ него свидѣтельство!

Немного спустя вступило въ базилику собраніе богомольцевъ, съ хоругвями и крестами, при пѣніи гимновъ. Они были одѣты въ странные наряды краснаго цвѣ-

та, съ покрываломъ на лицѣ, въ видѣ остроконечнаго колпака, гдѣ были прорѣзаны отверстія для глазъ, чтобы смиреніе Римскихъ вельможъ и дамъ не обнаружилось міру. — Это такъ называемыя братства (*confreries*); но хотя обычай сей сохранился еще отъ среднихъ вѣковъ, мнѣ кажется, отъ чего бы не придти просто, безъ всякихъ нарядовъ, помолиться въ храмъ?— Въ Римѣ все театрално, и какъ отъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, то собака, которыхъ такъ много гуляетъ по церкви, безъ всякаго соблазна для католиковъ, запутавшись между ногъ богомольцевъ, визгомъ и лаемъ нарушила стройность ихъ хода. Они останавливались противъ гроба Апостола, преклоняя колѣна, и около алтаря Св. тайнъ, великолѣпно украшеннаго, въ самомъ углу собора, и потомъ удалились тѣмъ же порядкомъ. По окончаніи всенощной и уже въ совершенномъ сумракѣ началась другая церемонія, весьма торжественная, которая достойно заключила собою величіе дня. Всѣ каноники и клирики базилики, въ черныхъ одеждахъ, съ

своимъ протопресвитеромъ Кардиналомъ, соборно приблизились къ главному алтарю надъ гробомъ Апостола, и снявъ съ него богатыя украшенія, стали омывать благовоннымъ виномъ обнаженную доску престола, при пѣніи антифона: «раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одеждѣ моеи меташа жребій.» Когда омытъ былъ алтарь постепенно всѣми канониками, все духовное собраніе стало на коленяхъ по ступенямъ его и около, возглашая тотъ же стихъ и послѣдующіе антифоны: «Христось же ради насъ послушавъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя.» После того всѣ опять преклонили колѣна, съ лѣвой стороны престола, ожидая себѣ благословенія святыню, съ балкона одного изъ четырехъ основныхъ столповъ храма. На недоступной высотѣ, куда не восходитъ никто, кромѣ канониковъ Св. Петра, показались внезапно во мракъ свѣтильники, и явившійся тамъ пресвитеръ осмыслъ предстоявшихъ, сперва животворящимъ крестомъ Господа, потомъ копіемъ, произившимъ его ребра, и дерзко твореннымъ его ликомъ, Иадади невозможно

было ничего распознать изъ этой святыни, но зрѣлище было величественно: вся огромная базилика во мракъ, ибо всѣ свѣчи и лампы надъ обнаженными алтарями были погашены, исключая сихъ горнихъ свѣтильниковъ; размеры храма росли отъ самаго сумрака и казались необъятными, какъ будто бы зданіе разступилось во всѣ стороны и сдѣлалось чѣмъ-то дивнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ человѣческихъ; а посреди его глубокое гробовое молчаніе и только легкой шопотъ молитвы.

Съ однимъ изъ моихъ соотечественниковъ Кн. Б* повѣдалъ я осматривать нѣкоторыя церкви, гдѣ были выставлены Св. дары на алтарѣ, съ особеннымъ великолѣпіемъ, какъ то у Св. Антонія Португальскаго, у Св. Апостоловъ, и въ обители Іезуитовъ.— Вездѣ съ глубокимъ благоговѣніемъ молился народъ предъ Св. дарами, ярко освѣщенными, на стражѣ коихъ стояли священники, читая молитвы, а иногда и воины для порядка. Въ роскошномъ храмѣ Іезуитовъ, замѣчательномъ по своимъ мраморамъ и лазури, украшающей гробъ ихъ

основателя, ректоръ пропаганды говорилъ съ большимъ жаромъ проповѣдь, о страстяхъ Господнихъ; такъ было и въ другихъ главныхъ храмахъ, или проповѣдь, или яркое освѣщеніе, привлекавшія толпу богомольцевъ. — Но на улицахъ кипѣлъ народъ, какъ бы во дни празднествъ; всѣ маленькія лавки были искусно убраны самыми предметами ихъ торговли, и освѣщены, какъ только Италіянскій вкусъ можетъ это придумать. Видя движеніе и веселость народную, невозможно было себѣ представить, что это дни плача и сокрушенія; но для Рима дни сіи весьма значительны, ибо деньгами иностранцевъ они питаютъ гражданъ его цѣлый годъ. Какая разница въ нашихъ столицахъ, гдѣ все такъ мертво на улицахъ до полуночнаго колокола Пасхи!

Мы посвѣтили также и страннопримную обитель Св. Троицы, недалеко отъ Тибрскаго моста, которую учредилъ въ XVI вѣкѣ, для приходящихъ странниковъ, блаженный Фидицъ Нери, много уважаемый въ Римѣ за свое ницелюбіе. До трехъ

соть безпріютныхъ нищихъ стекается туда, во дни страстной седмицы, и всѣ находятъ пищу и упокоеніе: а въ великую среду и четвергъ, собираются тамъ, въ двухъ различныхъ отдѣленіяхъ, Кардиналы, вельможи и дамы Римскіе, принадлежащія къ особенному братству, чтобы омывать ноги пришельцамъ. Большое множество благотворительныхъ заведеній въ Римъ дѣлаетъ честь его Христіанскому нищелюбію; одно только жалко, что и въ этомъ смиренномъ умовеніи ногъ и служеніи за трапезою, много театральности; потому что все совершается не просто, а въ странныхъ одеждахъ сего братства, и какъ я слышалъ, есть желаніе выказать себя предъ зрителями. — Самъ я не видалъ ни трапезы, ни умовенія, потому что надобно было долго ожидать прибытія Короля Неаполитанскаго и Королевы, которые также хотѣли омывать ноги странниковъ, а я былъ уже слишкомъ утомленъ многоразличными церемоніями, отъ утра и до вечера.

На слѣдующій день великаго пятка исполнилъ я опять въ церковь Сикстову, гдѣ

совершалось за литургією поклоненіе Св. кресту: но въ прежнія времена крестный умиленный ходъ, направлялся изъ Латерана, съ честнымъ дровомъ и преждеосвященнымъ агнецемъ, въ базилику Св. Елены, и начиная отъ Папы до послѣдняго мірянина, всѣ шли босыми ногами отъ храма и до храма, теперь же все заключено въ стѣнахъ Ватиканскихъ. — Церковь и ея представители въ глубокомъ траурѣ, Кардиналы въ шерстяныхъ лиловыхъ мантияхъ, Папа въ багряницѣ и въ бѣлой митрѣ, но тронъ его обнаженъ совершенно и безъ балдахина, и ему прислуживаетъ одинъ только изъ титулярныхъ Патріарховъ: едва ли приличное мѣсто для равнаго ему собрата? но превозношеніе Римское не смиряется и предъ крестомъ Господнимъ. — Началась литургія преждеосвященныхъ даровъ, единственная во всемъ году у Римлянъ, когда наша, совершаемая въ теченіи цѣлаго поста, носитъ имя великаго Папы Григорія и обязана ему окончательнымъ своимъ устройствомъ; и такъ едва ли не мы болѣе сохранили его преданіе! — Карди-

валъ, великій духовникъ служилъ сію обѣдню на алтарѣ безъ свѣтильниковъ, на которомъ простерта была плащаница, на память той, что обвивала тѣло Господне. Читали двѣ пареміи, раздѣленныя пѣніемъ антифоновъ: одну Пророка Осіи, другую изъ книги Исхода о пасхальномъ агнцѣ, и потомъ пѣли евангеліе страсти отъ Іоанна, такъ же какъ и въ вербное воскресеніе, три діакона съ возгласами хора; но хотя и весьма страненъ такой образъ чтенія евангельскаго, музыка хоральныхъ возгласовъ величественна, и если слѣдовать, съ книгою въ рукахъ за пѣніемъ, то есть и высокія минуты. Такъ напримѣръ, когда Господь спрашиваетъ: «кого ищете?» пѣвцы громко отвѣтствуютъ: «Исуса Назорея!» и опять слышится тихій голосъ его: «азъ есмь». Сильными аккордами изображенъ также вопль Іудеевъ на слова Пилата: «се человекъ!» — «распи, распи его!» или когда онъ говоритъ: «се Царь вашъ!» — опять страшный ихъ отзывъ: «возьми, возьми, распи его!» — Все сіе производитъ впечатлѣніе сильное, но, какъ я уже сказалъ, не духов-

ное, и не знаю, прилично ли хору брать на себя лице Иудеевъ распинателей, въ столь драматическомъ пѣніи! — Гораздо умильнѣе та минута, когда при послѣднихъ словахъ Господа «совершишася!» Папа, Кардиналы и вся церковь преклоняютъ колѣна и водворяется молчаніе, какъ бы въ ожиданіи землетрясенія и затмѣнія.

Латинская проповѣдь, о страданіи Господнемъ, слѣдовала за евангелиемъ страсти, и въ подражаніе Господу, молившемуся на крестѣ, произнесены были оснадцать колѣнопреклонныхъ молитвъ: о благостояніи Церкви, о верховномъ Понтифексѣ, о Епископахъ и всемъ чинѣ церковномъ, о Императорѣ Римскомъ, котораго уже нѣтъ, объ оглашенныхъ, о страждущихъ, плѣнныхъ, путешествующихъ, о еретикахъ и схизматикахъ, дабы обратились и присоединились, о коварныхъ Иудеяхъ, дабы снято было покрывало съ очей ихъ и познали они Господа Иисуса; но на эту молитву хоръ не отвѣчаетъ аминь, и не преклоняетъ церковь колѣна, дабы не подражать самимъ Иудеямъ, которые преклоняли съ

посмѣяніемъ колѣна предъ Господомъ, когда взывали ему: «радуйся Царю Іудейскій!» Последняя молитва о язычникахъ также съ колѣнопреклоненіемъ. Тогда началось поклоненіе честному кресту: священнодѣйствовавшій Кардиналь, снявъ съ себя верхнюю ризу, подошелъ къ правому углу алтаря и тамъ принялъ, изъ рукъ діаконовъ, животворящій крестъ въ черномъ покрывалѣ, который былъ присланъ, Патріархомъ Іерусалимскимъ Іувеналіемъ, Папѣ Льву великому. Обратясь къ народу, онъ сталъ по немногу открывать верхнюю часть креста съ сими словами: «се древо креста,» и хоръ возгласилъ ему въ отвѣтъ: «пріидите поклонимся.» Папа и вся церковь поклонились до земли. Кардиналь подвинулся нѣсколько къ срединѣ алтаря и, открывъ правую вѣтвь креста, произнесъ тѣже слова, и опять хоръ: «пріидите поклонимся» и опять общее поклоненіе. Въ третій разъ возгласилъ Кардиналь, уже на срединѣ алтаря, и открывъ совершенно крестъ: «се древо креста, на немъ же повѣшенъ живетъ міра» и снова всѣ простерлись долу,

при пѣніи ликовъ: «прійдите, поклонитесь ему.»

Священнодѣйствующій, сошедши со ступеней алтаря, положилъ крестъ на бархатной подушкѣ посреди церкви, и немедленно два придворные служителя Папы приступили къ трону, чтобы снять съ него мантию и туфли. Старецъ сошелъ босыми ногами съ своей каяедры, сопровождаемый двумя церемоніймейстерами, и сложивъ съ себя митру и скуфью, сталъ на колѣни сперва довольно далеко отъ креста, потомъ нѣсколько ближе къ нему; наконецъ простерся ницъ и облобызалъ честное древо, положивъ подлѣ на блюдо кошелекъ съ деньгами, не знаю уже для какой причины. Вслѣдъ за Папою, Кардиналы по два въ рядъ, и за ними Патріархи, Епископы и Прелаты, также босыми ногами и раснутивъ свои мантии, совершили поклоненіе кресту и положили деньги на блюдо; а въ это время лики пѣли высокимъ голосомъ: «Святый Боже,» на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ укорительными словами изъ пророчествъ, на одномъ

Латинскомъ: «людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чѣмъ оскорбихъ? зане извелъ вы изъ земли Египетскія, уготовасте крестъ Спасу своему и проч.» Музыка сія есть твореніе знаменитаго Палестрины, и хотя пронзительны были голоса двухъ клириковъ, возглашавшихъ укору Господни народу Израильскому, но общій хоръ, повторявшій непрестанно: «людіе мои, что сотворихъ вамъ?» равно какъ и пѣніе, «Святый Боже,» были весьма трогательны. За симъ слѣдовала наша обычная молитва: «кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе твое поемъ и славимъ; се бо прииде крестомъ радость всему міру,» и торжественный гимнъ или похвала честному кресту. Между тѣмъ, по окончаніи поклоненія, одинъ изъ діаконовъ, возжегши свѣтальники на алтарѣ, возложилъ на него честное древо, и съ такимъ же крестнымъ ходомъ, съ какимъ наканунѣ Папа относилъ Св. агнецъ, изъ церкви Сикстовой въ Павлову, пошелъ онъ опять туда въ сопровожденіи всего клира, чтобы принести обратно священный потиръ на алтарѣ Сикстовъ,

для совершенія преждеосвященной литургии. Ходъ сей былъ стольже умилителенъ, какъ и вчерашній, но лики воспѣвали уже иной гимнъ въ честь креста: «хоругви царскія предходятъ, просіяваетъ таинство креста, идѣ же жизнь пріяла смерть и смертію принесла жизнь.» Покадивъ оміамомъ святому потиру, Папа возвратился на свой тронъ: священнодѣйствующій молча вынулъ изъ потира преждеосвященный агнецъ, положилъ на дискось и влилъ въ чашу воду и вино. Обѣдня довершилась какъ бы втайнѣ, безъ обычныхъ молитвъ. При безмолвномъ возношеніи Св. даровъ, Папа сталъ опять на колѣна предъ престоломъ и, послѣ приобщенія одного лишь священнодѣйствовавшего Кардинала, все вышли изъ церкви: вслѣдъ за литургіей началась вечерня, которая заключилась тѣмъ же антифономъ, какъ и наканунѣ: «Христось же ради насъ послушливъ былъ даже до смерти.»

Изъ всѣхъ богослуженій Римскихъ страстной седмицы, по моему мнѣнію, это было самое умилительное, не немвогіе видятъ, даже изъ числа тѣхъ, которымъ

свободенъ доступъ въ церковь Сикстову: напротивъ того всѣ опять собираются туда, въ тотъ же день ко всеобщей, для слушанія послѣдняго миссегеге и для церемоніи, послѣ него бывающей. Папа, предшествуемый дворомъ своимъ и стражею и послѣдуемый Кардиналами, спустился по лѣстницѣ Ватиканской въ храмъ Св. Петра, гдѣ его встрѣтили всѣ каноники. Онъ сталъ на колѣни предъ рѣшеткою гроба Апостольскаго и ему подали хартію, гдѣ были написаны молитвы, относящіяся до святыни ему являемой; а между тѣмъ въ глубокомъ безмолвіи и сумракѣ, повторилось для него, съ вершины одного изъ столбовъ храма, то же явленіе нерукотвореннаго образа, честнаго креста и копія. Молча всталъ Папа и удалился въ Ватиканъ, уже безъ Кардиналовъ, молча разошлось и все ихъ собраніе. Бывало прежде, огромный крестъ, ярко освѣщенный и освѣщавшій собою всѣ концы храма, висѣлъ въ этотъ великій день предъ главнымъ престоломъ, память распятія Господня; но Папа Левъ XII уничтожилъ сей обрядъ, для

избѣжанія случавшихся въ храмъ соблазновъ. Въсто сего Григорій XVI учредилъ возлагать въ вечеръ пятка, на алтарь церкви Сикстовой, животворящій крестъ, присланный Іувеналіемъ Патріархомъ Іерусалимскимъ; но уже сей крестъ, трижды утраченный и опять обрѣтаемый, лишень древняго своего кивота и украсень новымъ готическимъ, во дни Климента VII; Господь Іисусъ, съ одиннадцатию Апостолами, изображень съ одной его стороны, а съ другой Божія Матерь, окруженная ликами Святыхъ, съ руническою надписью.— Подобное чествованіе Св. креста бываетъ и въ некоторыхъ другихъ церквахъ, въ предѣленіе вечера великаго пятка; въ обители же Іезуитовъ положена даже для сего особенная служба, а между тѣмъ продолжаютъ быть выставлены на алтаряхъ и Св. тайны, какъ наканунѣ, хотя уже совершилась преждеосвященная обѣдня, для которой приготовленъ былъ агнецъ.

Богослуженіе великой субботы видѣлъ я въ соборѣ Латеранскомъ, а не въ церкви Сикстовой, потому что мнѣ хотѣлось

присутствовать при крещеніи Евреевъ, въ крещальнѣ великаго Константина; но хотя я не видѣлъ нѣкоторыхъ исключительныхъ церемоній, совершаемыхъ въ присутствіи Папы, я старался распросить объ нихъ, чтобы составить себѣ полное понятіе о всѣхъ церемоніяхъ Римскихъ на страстной седмицѣ. Начало ихъ одинаково какъ въ Латеранѣ такъ и въ Ватиканѣ, ибо это есть благословеніе пасхальной свѣчи, знаменующей погребеніе и воскресеніе Господа. Кардиналъ Патрицій совершалъ службу въ Латеранѣ. — Въ храма изсвѣченъ былъ діаконами новый огонь изъ кремня и, съ молитвою священнодѣйствующаго, окроплено святою водою пять зеренъ омиама, предназначенныхъ для пасхальной свѣчи; между тѣмъ погасили всѣ свѣтильники, чтобы возжечь ихъ новымъ огнемъ. Діаконъ, держа въ рукахъ трикирій, засвѣтилъ сперва среднюю вѣтвь его во вратахъ, произнеся громко: «свѣтъ Христовъ!» всѣ преклонили колѣна и ликъ отвѣчалъ ему: «Богу благодареніе;» то же дѣйствіе и тѣ же слова повторились на срединѣ храма, при возже-

нѣи второй вѣтви трикирія, и въ третій разъ уже у самаго вѣстола. «Да ликовствуютъ небесныя силы!» возгласилъ діаконъ, и во время долгаго величанія, изображавшаго радость міра о воскресеніи Христовомъ, пять зеренъ омиама положены были на верхъ паскальной свѣчи, и возжены новымъ огнемъ самая свѣча и всѣ лампы, дабы тѣмъ выразить, что отъ Господа прорастаетъ просвѣщеніе его Церкви. Церемонія сія напомнила мнѣ возженіе св. огня надъ гробомъ Господнимъ, въ храмъ Іерусалимскомъ, и бытъ можетъ имѣть съ нею нѣкоторое сродство. Потомъ слѣдовало, какъ у насъ, чтеніе двѣнадцати паремій, которыя большею частію были сходны съ нашими, и первая изъ нихъ, изъ книги Бытія, читалась прежде на Греческомъ. Последняя о трехъ отрокахъ Вавилонскихъ и послѣ каждой преклоняла вся церковь колѣна.

По окончаніи паремій все духовенство попарно, съ хоругвями и крестами, двинулось изъ собора Латеранскаго въ крестильную Константинovu, которая была тамъ наполнена народомъ, что мнѣ не остава-

лось никакой надежды въ нее проникнуть; но случилось, что тотъ же аббатъ, который въ первый разъ встрѣтилъ меня въ Латеранъ, былъ воспріемникомъ отъ купели крещаемого Еврея и онъ, съ свойственною ему любезностію, открылъ мнѣ входъ не только въ зданіе крещальни, но даже въ самое мѣсто, гдѣ совершалось крещеніе, и я тамъ былъ одинъ только мірянинъ посреди клира. По преданіямъ Римскимъ, великому Константину приписываютъ сооруженіе сей крещальни и говорятъ даже, что онъ самъ тутъ крестился отъ руки Папы Сильвестра, въ слѣдствіе чего будто бы уступилъ ему Римъ. Посреди зданія находится осмиугольной водоемъ, обставленный порфировыми и бѣлыми столбами, въ два яруса, по осьми въ каждомъ, а на верху ихъ столько же картинъ, изображающихъ житіе Крестителя Іоанна: на стѣнахъ начертаны фресками обращеніе и крещеніе великаго Константина, и съ трехъ сторонъ крещальни примыкаютъ къ ней три древніе приделы, во имя Крестителя, Евангелиста и Мучениковъ, съ мученическими костя-

ми подъ ихъ алтарями. Посреди водоема, въ который спускаются нѣсколькими ступенями, стоитъ базальтовая купель, гдѣ освящаютъ воды. Самъ Кардиналъ совершалъ освященіе, почти совершенно съ тѣми же обрядами и молитвами, какъ и у насъ; но только онъ погружалъ въ воды и пасхальную свѣчу, и не только вливалъ въ нихъ обычный елей, но и самое муро крестообразно, которымъ въ нашей церкви помазывается только крещаемый, въ залогъ своего утвержденія въ вѣрѣ. Самое дѣйствіе крещенія надъ Евреями показалось мнѣ весьма неудовлетворительнымъ въ сравненіи съ нашимъ; ибо у насъ законность Иудейства искореняется предварительными сильными поученіями и подробнымъ изъясненіемъ догматовъ Христіанскихъ, предъ всею церковью у самой купели, и обычными заклинаніями противъ козней діавольскихъ. — Здѣсь же, хотя и были прежде предварительныя оглашенія, но не весьма доступныя, — Кардиналъ спрашивалъ только взрослыхъ Еврея и Евреянку, подводимыхъ къ купели: кто они? какимъ именемъ огла-

шены? и хотятъ ли принять Христіанство? и внявъ ихъ согласію, тотъчасъ же возливалъ на преклоненное чело ихъ спасительную воду крещенія. Еврей казался мнѣ проникнутымъ тѣмъ священнымъ дѣйствіемъ, какое надъ нимъ совершалось, но въ голосъ и глазахъ Еврейки было что-то дикое и непріязненное, какъ будто бы она не по убѣжденію воспринимала крещеніе. Впрочемъ, кто можетъ испытать помыслы человѣческіе и судьбы Божіи!

Послѣ крещенія, крестный ходъ возвратился тѣмъ же порядкомъ въ базилику, и предъ главнымъ престоломъ совершилось муропомазаніе новокрещенныхъ, если не ошибаюсь, потому что я не могъ туда проникнуть сквозь недоступную цѣпь стражи воинской. Долгія литаніи или молитвы къ Господу и пречистой его Матери и всѣмъ Святымъ, съ простертіемъ на землю, предшествовали литургіи, а между тѣмъ возже- ны были, новымъ огнемъ, всѣ свѣтильни- ки и, какъ у насъ, перемѣнили облаченія, ибо уже наступалъ день воскресенія. У Рим- ляниъ же даже и наступилъ, потому что для

избѣжанія безпорядковъ, случавшихся въ ночь Пасхи, Папы отмѣнили ночное богослуженіе и присоединили раннюю литургію Пасхи къ субботней, или, лучше сказать, замѣнили ее субботнею; посему праздникъ Рождества, сохранившій въ Римѣ свою ночную службу, гораздо торжественнѣе Пасхи. Покамѣстъ Кардиналъ совершалъ, еще до литургій, рукоположеніе многихъ церковнослужителей, какъ въ предшествовавшую субботу, раздался громъ пушекъ съ замка Св. Ангела и звукъ колоколовъ возвѣстилъ, что въ церкви Ватиканской уже празднуется воскресеніе Христово.

Тамъ, какъ я потомъ узналъ, послѣ чтенія паремій, на коихъ не присутствуетъ Папа, онъ входитъ, уже въ бѣлой одеждѣ, и измѣняются облаченія алтарей; Кардиналы же надѣваютъ на себя багряныя мантии вмѣсто лиловыхъ, и надъ престоломъ надетъ завѣса съ богатой ткани, изображающей воскресеніе Христово; все сіе во время пѣнія: «слава въ вышнихъ Богу,» которое нѣкогда возглашалось тамъ одними только Епископами. Въ эту минуту благородная

стража Римская и Швейцарская поднимают обнаженные мечи свои и съкиры, опущенныя накануне въ знакъ печали. Послѣ чтенія посланія къ Колоссеямъ: «братія, аще со Христомъ воскреснете, вышнихъ ищите» (гл. III.) иподіаконъ папскій, преклонивъ колѣна сперва предъ алтаремъ, а потомъ предъ трономъ, возгласилъ: «Отче святой, возвѣщаю тебѣ радость велию, еже есть аллилуія!» и громогласное аллилуія раздалось въ церкви, въ знакъ окончанія дней постныхъ и начала пасхальнаго торжества; гулъ пушекъ и колоколовъ возвѣстилъ оное Риму; затѣмъ слѣдовало Евангеліе то же, что и у насъ, и обычная обѣдня съ вечернею. — И вотъ вся праздничная служба, знаменующая самое великое мгновеніе для Христіанина, воскресеніе его Господа и искупителя! Можно ли сравнить это холодное торжество съ нашею отрадною утреннею Пасхи, гдѣ все такъ глубоко и роликнута духовною радостію воскресенія, что даже не принадлежащіе къ исповѣданію православному невольно увлекаются общимъ веселіемъ. — Одно братское цѣлованіе и въ храмъ и на

улицахъ, съ возгласомъ: «Христосъ воскресъ!» не есть ли радостное изліяніе върующей души! У насъ, въ ночь пасхальную и во всю недѣлю, точно чувствуешь что это праздникъ, соединяющій небо съ землею: въ Римъ же, послѣ службы великой субботы, не замѣтно никакого движенія; только слышны тамъ и здѣсь выстрѣлы изъ ружей или пистолетовъ, которыми тѣшится народъ, или хлопушки дѣтей по улицамъ, но духовнаго ничего. Не понимаю, какъ можно было, но человѣческимъ расчетамъ безпорядка гражданскаго, отмѣнить ночное духовное торжество! Можно ли отнять у нашего православнаго народа утренню Пасхи?—вотъ лучшее свидѣтельство набожнаго духа, отличающаго Востокъ отъ Запада! — это не какой либо внѣшній обрядъ, но нѣчто жизненное, которое срослось и слилось съ духовнымъ и домашнимъ бытомъ православнаго народа; а въ Римъ, гдѣ все больше для глазъ, нежели для сердца, потому что народъ не понимаетъ чуждаго языка богослужебнаго, такая существовавшая перемена не произвела никакого впечатлѣнія!

П И С Ь М О V.

Коллизей ночью, торжество Пасхи.

Наступилъ вечеръ великой субботы, не ознаменованный никакими высокими обрядами въ Римѣ, исключая пасхальной службы Армянскаго Епископа, подчиненнаго Папѣ, которую совершаетъ въ своей малой церкви, около Тибрскаго моста. Мнѣ не пришло на мысль спросить: бываетъ ли въ ночь Пасхи наша торжественная утренняя въ церкви Уніатовъ, что близъ площади Испанской? Я никогда не могъ туда проникнуть, потому что она всегда была заперта; но вѣроятно тамъ совершалась служба сія, не

преданію Восточной Церкви, хотя и безъ особаго торжества, потому что, исключая клира домової церкви Архіепископа, едва ли есть Уніаты въ Римѣ; мало по малу всѣ они перешли въ господствующую тамъ Церковь.—И такъ, въ сію воистинну священную и всепразднственную и спасительную ночь, свѣтозарную провозвѣстницу свѣтоноснаго дня воскресенія, по выраженію нашихъ церковныхъ гимновъ, въ которую никто у насъ не смѣетъ сомкнуть очей, никто въ Римѣ не провождалъ ее на божественной стражѣ, кромѣ отпадшихъ сыновъ Церкви Восточной, сохранившихъ хотя малую тѣнь преданія отческаго, и въ столицѣ Западной Церкви, исключая нѣкоторыхъ, быть можетъ, благоговѣйныхъ молитвенниковъ, примѣръ муроносицъ, рано пришедшихъ ко гробу, оставался безъ подражанія.

Между тѣмъ полная луна осіяла спящій городъ. Это было первое весеннее полнолуніе, по лѣтосчисленію Римскому, и потому, соображаясь съ правилами Никейскаго собора, Церковь Западная уже могла торжествовать свою Паску, на другой день

т. е. въ первое воскресеніе, слѣдующее за симъ полнолуніемъ. Но такъ какъ, по нашему запоздавшему расчету дней, полная луна сія еще не принадлежала къ весеннимъ, то когда они наступили, намъ еще надлежало ожидать, по тѣмъ же канонамъ Никейскимъ, опять полнолунія для празднованія Пасхи, въ первое послѣдующее воскресеніе. Отъ сего пасхальная разница между нами и Римлянами, на сей годъ, состояла въ пяти недѣляхъ, хотя началомъ разности служатъ только двѣнадцать дней такъ называемаго стараго стилия. Я воспользовался свободою великолѣпнаго вечера, чтобы посѣтить Колоссей, особенно привлекательный и чудный при лунномъ сіяніи, которое какъ мантией прикрываетъ его развалины, давая имъ видъ цѣлости. Отраднo было, наканунѣ празднуемаго въ Римѣ воскресенія Господа, видѣть тамъ и поприще славы совоскресшихъ съ нимъ, которые нѣкогда, въ то давнопрошедшее вчера, сраспинались и спогреблись ему, чтобы

нынѣ прославиться, вмѣстѣ съ своимъ Спасомъ, въ царствіи его.

Пустынно плавала луна по Римскому небу: лучи ея падали въ глубокой Колоссей, наполняя его серебристою пѣною и, какъ изъ разбитаго сосуда, струились вонъ изъ его развалинъ. Иногда чудный исполинъ сей казался стоглазымъ черепомъ, который еще страшно смотрѣлъ, сквозь пустыя отверстія своихъ оконъ и, мертвымъ свинцовымъ взоромъ, смирялъ вокругъ себя прочіе остовы державнаго Рима, на этомъ полѣ смерти! Мы вошли во внутренность зданія, сооруженнаго людьми на погибель людей: бѣлымъ полотномъ разостлалась предъ нами его обширная площадь, столько разъ обогрѣвшаяся кровію мучениковъ! Сквозь яркой свѣтъ луны, странно мелькали, на верхнихъ ярусахъ, восходившіе и нисходившіе огни, по ступенямъ полуобрушенныхъ лѣстницъ: это были факелы любопытныхъ, которые пришли, подобно намъ, осязать трупъ Колоссея, какъ нѣкоего чудовища, когда оно уже мертво. Отъ времени до вре-

мени наши погребальные свѣточн встрѣчались, посреди развалинъ, съ другими свѣточами, которые несли высоко предъ собою вожатые, въ черныхъ длинныхъ мантияхъ, много похожіе на похоронныхъ служителей. Торжественны были эти перекрестныя шествія, въ темныхъ переходахъ Римскаго исполина, еще величественнаго въ самомъ разрушеніи.

Съ одной стороны все огромное зданіе, черною тѣнію налегло на сосѣдній холмъ Эсквилинскій и какъ бы задавило собою остатки бань и чертоговъ своего основателя Тита. Однѣ только широкія впадины оконъ, серебристыми пятнами, обозначались на темномъ полѣ, какъ рядъ пригвожденныхъ къ нему щитовъ. Чудное зрѣлище открылось съ вершины одной изъ полуобрушенныхъ окраинъ Колоссея; весь древній Римъ, обращенный въ живописную грудю развалинъ и часть новаго, на высотахъ Квиринальскихъ, съ дворцемъ Первосвященника; ближе всего высокая тераса Адрианова храма, въ честь Венеры и Рима; за нею стольже огромная развалина вели-

чественной базилики Константиновой, а надъ
 ними, какъ стражъ минувшаго, одинокая
 колокольня Капитолія. Лѣвѣ холмъ Па-
 латинскій, бывшій дворецъ Кесарей, весь
 иззубренный обломками золотыхъ палатъ
 Нероновыхъ, перевитыхъ кипарисами. У
 подошвы царственнаго холма стояли, еще
 во всей древней красѣ своей, торжествен-
 ныя врата Тита и Константина. Но вмѣ-
 сто побѣдоносныхъ воителей, одна только
 ихъ пережившая современница луна, тор-
 жественно вступала подъ опустѣвшіе ихъ
 своды в, широкими лучами, проникая
 сквозь тройныя арки Константиновы, кос-
 венно ударяла въ блѣдное лице Титовыхъ
 вратъ, какъ бы въ мраморную скрижаль,
 на коей начертано было паденіе Іерусали-
 ма! Я посмотрѣлъ во внутренность Колос-
 сея, въ этотъ глубокій водоемъ мучениче-
 ской крови, еще обставленный разбитыми
 ступенями народа, нѣкогда ея алкавшаго и
 въ свою чреду стертаго съ лица земли: все
 въ немъ было тихо и светло, какъ на серд-
 цѣ тѣхъ, которые тысячами тамъ постра-
 дали: плетеницы дикихъ цвѣтовъ рос-

кошно пробивались изъ подъ разсѣвшихся камней: голубое ясное небо проглядывало изъ безчисленныхъ оконъ, и надъ его зубчатою вершиною, со стороны холма Целійскаго, подымались стройные кипарисы бывшаго звѣринца Домитіанова, какъ погребальный вѣнокъ, одинъ достойный украшать чело колосса, въ его вѣковой борьбѣ съ сокрушительнымъ временемъ!

Наконецъ возсіялъ и давно желанный день Пасхи. Толпы народа устремились къ Ватикану; всѣ улицы, туда ведущія, наполнились вереницами каретъ духовныхъ и мірскихъ сановниковъ Рима и всѣхъ иностранныхъ посланниковъ. Конныя и пѣшія войска Папскія стояли, отъ моста Св. Ангела до площади Ватиканской; день былъ солнечный и придавалъ много блеска пестротѣ оружія и одежды; ярко горѣли жѣдныя каски драгуновъ, и вообще кавалерія Римская, по стройности людей и лошадей, не заслуживаетъ того неблагопріятнаго мнѣнія, которое привыкли составлять себѣ о Папскихъ войскахъ; удвоена была стража при вратахъ замка Св. Ангела, ми-

мо коего протекало все народонаселение Рима, въ соборъ Св. Петра.— Тамъ готовилось взорамъ иное торжество, свѣтское вмѣстѣ и духовное, и уже вся площадь за-благовременно была покрыта народомъ и войсками: серебрястыя волны фонтановъ кипѣли Римскимъ солнцемъ и съ шумомъ падали въ свои мраморные водоемы; что-то необычайно праздничное одушевляло необъятную площадь. И вотъ, стоящимъ въ длинномъ портикѣ Ватикана, показалось еще въ большомъ отдаленіи, на верхнихъ ступеняхъ царственнаго крыльца его, которое бѣжитъ отъ взоровъ все выше и выше, подѣ безчисленныя аркады своихъ восходящихъ сводовъ, — нѣчто ярко движущееся и непрерывно идущее. Казалось, волны потока переливаются въ лучахъ солнца, но безчисленнымъ ступенямъ, ими поглощаемымъ, доколь не обратились все въ одну величественную рѣку, исходящую изъ горныхъ невидимыхъ истоковъ и плавно втекающую въ широкій притворъ базилики Петровой.

Это было шествіе Папское! — царственный выходъ Первосвященника и обла-

дателя Римскаго, въ свою придворную базилику, великолѣпнѣйшій изъ храмовъ вселенной! Величіе хода соответствовало величію мѣстъ, вполне удовлетворяя взоры пышностію зрѣлища. Сперва показалась стража Швейцарская, въ своихъ готическихъ одеждахъ, начертанныхъ рукою Микель-Анджело, съ высокими аллебардами, какъ-бы отрывокъ чего-то давно минувшаго и его предвозвѣстіе, Церемоній-мейстеръ, въ черной Венеціанской одеждѣ, открывалъ самый ходъ, въ которомъ столько же, если не болѣе, было придворнаго, сколько и духовнаго. За нимъ слѣдовали домашніе, по нашему крестовые, клирики и сановники Папскіе, какъ то: проповѣдникъ апостольскій, духовникъ двора его, тутъ же и бриліантщикъ придворный: прокураторы различныхъ монашескихъ орденовъ, каждый въ свойственной ему одеждѣ; капелланы придворные, въ красныхъ мантияхъ съ горностаевымъ воротникомъ: онѣ несли четыре митры патріаршія и папскую тиару; комнатные его адъютанты, иначе сникеллы, и почетные камергеры,

также въ багрянцахъ; адвокаты коненсторскіе, въ лиловыхъ мантияхъ съ горностаемъ, и пѣвчіе въ лиловыхъ рясахъ; потомъ еще иные духовные члены и совѣтники судебныхъ мѣстъ, магистръ священныхъ палатъ въ бѣлой доминиканской одеждѣ, и магистръ странноприимной больницы въ одеждѣ свѣтской; иподіаконъ крестовый, съ выходнымъ крестомъ, и семь аколѣтовъ, которые несли кадильницы и семь свѣщниковъ, въ память Апокалиптическихъ; потомъ другой иподіаконъ латинскій промежду двухъ діаконъ греческихъ, всѣ духовники базилики Петровой въ облаченіяхъ: ибо здѣсь уже начинался ходъ собственно церковный, а за ними аббаты или архимандриты въ бѣлыхъ митрахъ и ризахъ; потомъ Епископы, Архіепископы, Патріархи титулярные Восточныхъ престоловъ, иные въ облаченіяхъ своихъ стражи, какъ напримѣръ Армянскій и Уніатскій Епископы, всѣ же прочіе въ бѣлыхъ ризахъ или мантияхъ, отороченныхъ золотомъ (*plu- xiale*) и бѣлыхъ митрахъ; наконецъ Кардиналы-діаконъ, пресвитеры и епископы,

всѣ въ митрахъ, но по разности своихъ степеней, одни въ стихаряхъ или далматикахъ, другіе въ ризахъ священническихъ, третіе въ архіерейскихъ или мантияхъ.

Здѣсь, по чину церковному, казалось бы, надлежало ожидать самаго Папу, вслѣдъ за своимъ церковнымъ соборомъ и приснымъ совѣтомъ кардинальскимъ: но какъ однажды уже былъ нарушенъ порядокъ каноническій тѣмъ, что вопреки соборныхъ правилъ, діаконы и пресвитеры Рима и подгородные его Епископы, превознесенные въ средніе вѣка титуломъ и мнимыми правами кардинальскими, шли выше всѣхъ Епископовъ епархіальныхъ и даже Патріарховъ, которые равны по достоинству Римскому: такъ и опять нарушенъ былъ церковный чинъ, ибо одинъ безпорядокъ всегда влечетъ за собою и другой. Епископу Рима хотѣлось явиться и Государемъ, предъ глазами своего народа: и такъ вотъ, совершенно неумѣстно, вслѣдъ за Кардиналами явились, въ своихъ золотыхъ мантияхъ, три сенатора Римскіе, и губернаторъ столицы и одинъ изъ князей

Часть I.

8

мірской ассистентъ папскаго трона, въ черной свѣтской одеждѣ, и великіе конюшіи и маршалъ и два главные церемоніймейстера, а за ними ближайшіе духовные ассистенты Папы во время богослуженія: два Кардинала-діакона и деканъ ихъ или старшіи, сана епископскаго; а потомъ, еще странье, начальникъ Швейцарской гвардіи, въ стальныхъ позлащенныхъ латахъ, и весь военный штабъ благородной гвардіи Римской, въ красныхъ мундирахъ, и генералиссимусъ папскихъ войскъ съ своими адъютантами, а тамъ опять придворные съ серебряными булавами. Тогда только насытилось честолюбіе Римское, возносившее бровь свою, по словамъ Св. Василія великаго, уже и въ его время, и благородсудила явиться самая особа Папы, отдѣленная отъ церковной братіи своей, столькими степенями придворныхъ и воинскихъ чиновъ, и явилась не просто. Внезапно показалась, на верхнихъ ступеняхъ царскаго крыльца, великолѣпная съѣздовая подвижнаго трона, несомая двѣнадцатью конюшими въ красныхъ одеждахъ; восемь

клириковъ поддерживали балдахинъ, двое въяли по сторонамъ навлиными опакалами; семь стражей Швейцарскихъ несли около обнаженные мечи своихъ кантоновъ и курился еиміамъ. Первосвященникъ сидѣлъ подъ сънію, на пурпурномъ креслѣ, въ бѣлой широкой мантии и въ тиарѣ, тройнымъ вънцемъ коей, царственнымъ, святительскимъ и терновымъ, онъ думаетъ покорить себѣ вселенную въ качествѣ намѣстника Христова.

Зрѣлище сіе было чудно для глазъ, по мѣрѣ того, какъ спускалась группа папская, съ отлогихъ ступеней безконечнаго крыльца; фигура Первосвященника господствовала, на своемъ высреннемъ тронѣ, поверхъ всей мимотекущей пестрой толпы, военныхъ, придворныхъ и духовныхъ; но какъ я уже сказалъ, это было только для глазъ, а не для сердца. Остатокъ его свиты слѣдовалъ за нимъ: деканъ присутственныхъ палатъ, съ митрою святительскою въ рукахъ; его главный аудиторъ, казнохранитель, маіордомъ и протонотарій, все генералы духовныхъ орденовъ, въ своихъ

разнообразныхъ одеждахъ, и наконецъ, опять стража Швейцарская, начавшая и заключившая ходъ сей, которому не знаешь какое дать названіе, отъ чрезвычайной его пестроты и смѣшенія всѣхъ властей. Мимо конной статуи великаго Константина, представленнаго въ ту минуту, когда явился ему чудный крестъ, шествіе повернуло съ крыльца Ватиканскаго въ притворъ базилики, и вступило въ среднія изъ пяти ея вратъ. Весь капитулъ Св. Петра, съ своимъ Кардиналомъ-протопресвитеромъ, встрѣтилъ въ нихъ Первосвященника и внезапно раздался, съ внутренняго балкона, литавры благородной стражи Римской, а хоръ его пѣвчихъ возгласилъ ему въ ту минуту, какъ онъ переступалъ порогъ церковный, слова евангельскія: «ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь мою!» Мнѣ кажется, при такомъ суетномъ церемониаль, это былъ горькій укоръ: ибо есть ли тутъ хотя малѣйшее подобіе съ Апостоломъ?

Когда, такимъ образомъ, Нана внесена была въ соборъ, ему бы надлежало, по

существующему чиноположенію, облачаться около главнаго алтаря, на боковой каедрѣ, гдѣ онъ внимаеть и чтенію часовъ; но осмидесятилѣтній старецъ, по слабости своей, сократилъ торжественность обрядовъ; съ трудомъ согласился онъ совершить и самую литургію, ради присутствія Короля Неаполитанскаго, и потому былъ принесенъ уже совсѣмъ облаченный къ престолу. Разность, которую я могъ замѣтить въ его облаченіи противъ обыкновеннаго, состояла въ томъ, что вмѣсто широкой мантии (*pluviale*), на немъ была узкая священническая риза (*casula*), поверхъ стихаря, и омофоръ (*pallium*) съ наперстнымъ крестомъ; царственная тиара замѣнена была золотою парчевою митрою, когда онъ приблизился къ алтарю. Обычное поклоненіе всѣхъ Кардиналовъ, Патріарховъ, Епископовъ и Прелатовъ, съ цѣлованіемъ руки, колѣна и ноги, ознаменовало начало богослуженія.— Папа сошелъ съ своего трона, чтобы приступить къ священнодѣйствію; но прежде сего, въ знакъ мира Христіанскаго, облобызалъ трехъ младшихъ Кардиналовъ пре-

свитеровъ, которые, по толкованію Римскому, представляютъ въ сію минуту трехъ волхвовъ. Прочитавъ входныя молитвы и окадивъ алтарь, Папа поцѣловалъ его доску и возвратился на свой тронъ; все духовное и свѣтское собраніе приняло около него совершенно тотъ же видъ, какъ сіе было въ день Вербнаго воскресенія, когда онъ только присутствовалъ при литургіи, а не совершалъ ее. Но на алтарь стояла папская тиара, посреди четырехъ патриаршихъ митръ, въ знакъ его господства надъ всѣми, и семь свѣтильниковъ Апокалипсиса, съ двумя драгоценными изваяніями верховныхъ Апостоловъ.

Ничего особенно пасхальнаго не было замѣтно въ этой службѣ, исключая некоторыхъ антифоновъ и молитвъ, мало кому извѣстныхъ. Самъ Первосвященникъ возгласилъ: «слава въ вышнихъ Богу, и миръ всѣмъ;» два шодіакона читали, на Латинскомъ и Греческомъ, посланіе къ Коринѳянамъ: «братіе, очистите ветхій квасъ» (1. гл. V,) за коимъ слѣдовалъ антифонъ праздника, довольно стройно пропетый ко-

ромъ пѣвчихъ: «жертвъ пасхальной принесите хвалы, Христіане, агнецъ искупилъ овецъ, Христось безвинный Отцу примирилъ грѣшниковъ; смерть и жизнь единоборствомъ ратовали дивнымъ, и началевождь жизни умершій царствуетъ яко живъ.» — И тотъ и другой иподіаконъ подходили вмѣстѣ, съ книгою посланій въ рукахъ, цѣловать послѣ чтенія ногу Папы. Кардиналъ діаконъ, взявъ книгу евангелія на алтарь, пришелъ также просить благословенія Первосвященника, у подножія его трона, сопровождаемый семью аколиѳами со свѣтильниками, которые изображаютъ семь свѣщниковъ Апокалипсиса, и семь даровъ Св. Духа, и семь главныхъ базиликъ Римскихъ. Прочитавъ на распѣвъ евангеліе отъ Марка, о явленіи Ангеловъ мурноносцамъ, Кардиналъ уступилъ мѣсто свое у наоя Греческому діакону, съ двумя только аколиѳами, въ знакъ преимуществва Западной церкви надъ Восточною. Непріятно было видѣть, какъ діаконъ сей, облаченный въ наши церковныя одежды и съ книгою евангелія въ рукахъ, становился на колѣна у трона папскаго, совершенно

преклоняя къ ногамъ его божественный завѣтъ Господа Иисуса, чего однако не дѣлалъ Кардиналъ-діаконъ. Во время пѣнія символа вѣры, при сихъ словахъ: «насъ ради человекъ и нашего ради спасенія спшедшаго съ небесъ,» Папа и вся церковь благоговѣнно преклонили колѣна.

Тогда Кардиналъ-діаконъ, съ иподіаконномъ Латинскимъ, предшествуемые церемоніймейстерами съ булавами, приступили къ алтарю и разостлали на немъ роскошную пелену; иподіаконъ же съ ризничимъ привнесли, со стоявшаго въ сторонѣ налож, сосуды для священнодѣйствія, предварительно ими омытые, и антимивсъ, который былъ также положенъ на престолѣ. Послѣ окончанія символа, во время пѣнія предначинательныхъ псалмовъ, Папа омылъ себѣ руки на тронѣ, при служеніи ему одного изъ сенаторовъ Римскихъ, и подошелъ съ своими духовными ассистентами къ алтарю, у котораго между тѣмъ совершилось такъ называемое испытаніе агнца или остія, весьма неприличное; ибо какъ можно было, по одному несчастному случаю отравленія

въ среднихъ вѣкахъ, ввести столь странный обрядъ въ божественную литургію; должно бы напротивъ стереть изъ мысли Христіанъ возможность такого ужаснаго событія, и болѣе помнить слова Христовы Апостоламъ: «знаменія же вѣровавшимъ сія послѣдуютъ: аще и что смертное испіютъ не вредитъ ихъ.» (Марк. XVI. 17. 18). Здѣсь же, напротивъ того, является крайнее отсутствіе вѣры. Кардиналъ—діаконъ взялъ сперва одну изъ трехъ остій, положенныхъ рядомъ на произволъ, и прикоснувшись ими къ краямъ дискоса и чаши, изнутри и снаружи, далъ ризничему съѣсть ихъ въ ту же минуту, обративъ лице къ Папѣ, въ доказательство, что нѣтъ отравы въ предлагаемомъ хлѣбѣ, и когда двѣ остіи послужили такимъ образомъ для испытанія яда, третія предназначена была для тѣла Христова! — Можно ли изобрѣсти что либо ужаснѣе, и на томъ же дискосѣ соединять, хлѣбъ испытанія смертнаго, съ будущимъ хлѣбомъ жизни?—Вслѣдъ за тѣмъ Кардиналъ далъ ризничему вкушать подносимыя имъ воду и вино, прежде нежели влить ихъ въ чашу. Будучи пораженъ такимъ свято-

татнымъ обрядомъ (простите мнѣ сіе выраженіе), я говорилъ нѣсколько разъ о томъ съ Римлянами, изъ числа мірянъ и духовныхъ; первые совершенно сего не вѣдали и убѣждались въ истинѣ словъ моихъ только тогда, когда я показывалъ имъ служебникъ; другіе же зищшали обрядъ, говоря, что точно нѣкоторые его поясняютъ отравою, но что это ничто иное какъ испытаніе: хороши ли хлѣбъ и вино? — Но: зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, Кардиналъ беретъ на произволъ двѣ остіи изъ числа трехъ, а не одну, прикасается ими краевъ сосуда и заставляеть ризничаго бѣсть ихъ взирая на Папу? странно в то что въ послѣдствіи Папа, приобщаясь, не касается устами краевъ чаши, но всасываетъ кровь Христову, посредствомъ золотой трубочки? Откуда могъ произойти сей послѣдній обычай, который, хотя быть можетъ и несправедливо, также объясняютъ предостереженіемъ отъ яда. Въ церковной исторіи Флери написано, что такимъ образомъ приобщались, изъ рукъ Папы, одни сенаторы Римскіе, во времена Григорія великаго, но что самъ Па-

па пилъ изъ чаши, какъ и всѣ прочіе. Почему же перешелъ сей обычай, отъ почетныхъ мірянъ Римскихъ, къ главѣ Римской церкви? Чего не изобрѣло своеволіе Папъ, когда они поставили себя выше канонѡвъ, и отнявъ самую чашу у всѣхъ мірянъ, вопреки ясныхъ словъ Господа: «пійте отъ нея вси», (Матѡ. XXVI. 27) вымыслили для себя даже особый способъ приобщенія! Но этотъ всенародно являемый ими страхъ отравы, при испытаніи остии, и даже самая молва, вымышленная отъ странности обычая, не есть ли таинственное наказаніе, за ихъ всенародное похищеніе драгоценнѣйшаго сокровища, крови Христовой, у всей Церкви!

Все прочее въ литургіи слѣдовало обыкновенному порядку службы епископской; только, по обѣимъ сторонамъ Папы, стояли со служившіе ему Кардиналь-діаконъ и иподіаконъ, на ступеняхъ алтаря, а у его подножія два младшіе Кардинала-діаконы, представлявшіе собою лице Ангеловъ, благоговѣющихъ предъ Св. дарами. Освятить дары, Первосвященникъ поднялъ, въ рукахъ своихъ, освященный агнецъ, показавъ его на три стороны народу, а

потомъ благословенную имъ чашу, и въ эту торжественную минуту раздались трубы, изъ глубины храма, всѣ войска пали на колѣна, воздавъ оружіемъ честь таинству, и весь народъ простерся на землю. Минута сія была повстиннѣ высока, хотя желательно было бы, чтобы воинское не примѣшивалось къ церковному.

Послѣ молитвы Господней и трогательнаго пѣнія: «Агяче Божій вземляй грѣхи міра,» Папа далъ цѣлованіе мира старшему изъ Кардиналовъ, положивъ руки на рамена его, а онъ передалъ сіе лобзаніе братіи своей Епископамъ, равно какъ и Кардиналы пресвитеръ и діаконъ, каждый свойственному по себѣ чину, и такъ, отъ одного къ другому, перешло оно по всѣмъ степенямъ церковнымъ до послѣдняго клирика. Между тѣмъ Папа возвратился опять на свой тронъ, а Кардиналъ діаконъ остался у престола, какъ при началѣ литургіи, которая такимъ образомъ совершалась на весьма большомъ разстояніи священнодѣйствующаго отъ мѣста приношенія жертвы. Но вотъ гдѣ наипаче обнаружилось превозношеніе Римское: — Па-

на приобщеніе не у престола, гдѣ имъ совершены были тайны, но на своемъ выпрениемъ тронъ, такъ что Господь шелъ къ нему въ образъ жертвы, а не онъ къ Господу, какъ одинъ изъ рабовъ его. Римляне, чувствуя сами все неприличіе такого обряда, объясняютъ, въ своихъ церковныхъ книгахъ: «что какъ Господь Іисусъ Христосъ, освятивъ хлѣбъ и вино на вечери тайной, дополнилъ и довершилъ жертву свою, всенароднымъ принесеніемъ всего существа своего Богу Отцу, на Голгоѣ: такъ и заступающій его мѣсто Первосвященникъ, освящаетъ дары на алтарѣ, подобіи горницы Сіонской, приобщается же на тронъ, обративъ лице къ народу, въ подражаніе всенародному распятію Господа на Голгоѣ, предъ лицомъ Израиля.» (Акт. савон. Sanc. Pii V. pag. 235). Не совершенно ли натянуто это толкованіе, чтобы только оправдать обычай, укоренившійся для большей пышности? Какъ можетъ тронъ представлять Голгоѣ, когда жертва приносится на алтарѣ? и можно ли сравнивать, съ распятіемъ Господа, приобщеніе

его тайнамъ, которыя самъ Папа долженъ принимать, какъ и всь Святители; уже не въ качествѣ представителя Христова, но какъ послѣдній изъ его служителей и первый изъ грѣшниковъ, не выраженію Апостола Павла! По истиннѣ, взвѣря на обряды Римскіе и читая ихъ истолкованіе, вспомнишь слова одного опытнаго мужа, который говорилъ, что это какъ будтобы кто-то видѣлъ на востокъ, таинственное богослуженіе Св. Отцевъ церкви и хотѣлъ перенести его на западъ; но посреди дальняго пути, стерлось изъ его памяти премудрое ихъ чиноположеніе, и онъ, изъ уцѣлѣвшихъ только частію воспоминаній, старался воссоздать видѣнное имъ; оттого и проявляется такой безотчетный и сокращенный чинъ богослуженія Римскаго.

Когда Папа, послѣ освященія даровъ, удалился отъ алтаря и взошелъ на свой тронъ, Кардиналь-діаконъ, поднявъ высоко дискось съ освященнымъ агнцемъ, послалъ его къ Первосвященнику чрезъ иподiakона, и самъ, вознеся такимъ же образомъ чашу, понесъ ее къ трону; во время

сего шествія благородная гвардія Римская, стоявшаяъ по сторонамъ, и всѣ Кардиналы и прелаты, преклонили колѣна, равно какъ и самъ Папа на высоту своего трона. — Не смѣю утверждать, потому что глаза разбѣгались отъ умноженнаго церемоніала, но мнѣ говорили другіе очевидцы, будто подносившіе Св. дары Первосвященнику, преклонили передъ нимъ колѣна, и если это истина, то какое имя дать такому униженію, святыни предъ человекомъ? Самъ онъ, съ свойственнымъ ему благоговѣніемъ, приступилъ къ приобщенію, раздѣливъ агнца между Кардиналомъ-діакономъ и вподіакономъ, и вкусивъ отъ чаши, чрезъ посредство золотой трубочки, приобщилъ просто сослужителей и отпустилъ Св. дары къ престолу, для ихъ довершенія: опять вся церковь пала на колѣна предъ мимоносимыми. Тогда Кардиналъ-діакономъ принесъ къ трону папскому другія запасныя части Св. агнца, и Папа приобщилъ ими, изъ своихъ рукъ, Кардиналовъ, неизмѣвшихъ степени пресвитерской, а также и нѣкоторыхъ почетныхъ мірянъ: началъ Римскаго,

прислуживавшаго у трона, и трехъ охранителей Римскихъ. — Какое смѣть нарушение древняго чина церковнаго для сокращенія службы! посреди столь полнаго собранія первыи Римской, около ея главы, кто же приобщается въ день Пасхи? одни почетные миряне и не имѣющіе священства Кардиналы, потому что пресвитеры и Епископы могли сами приобщить себя, на тайныхъ обѣдяхъ, и только присутствуютъ въ храмъ, какъ на зрѣлищѣ, не участвуя въ жертвѣ пасхальной! — О какъ, чинче и глубже Запада православный Востокъ! Потомъ Папа, омывъ себѣ руки, возвратился опять къ алтарю, отъ коего не долженъ бы отходить по настоящему чину церковному; оттолкъ трижды сънлъ онъ народъ и тамъ прочтено было начало евангелія Іоаннова, коимъ заключается всегда дѣтургія у Римлянъ.

Когда же сошелъ онъ со ступеней алтаря и помолился у приготовленнаго для него налоя, опять надѣвъ на него царственную тиару и онъ сѣлъ на свое подвижное кресло: тогда капитулъ базилики, во все-

ма странному, хотя и давнему обычаю, поднесъ ему кошелекъ съ деньгами, за совершенную имъ литургію, а съ вершины балкона, одного изъ четырехъ столповъ поддерживающихъ куполъ, показали ему, какъ и въ великую пятницу, святыню креста Господня, ковье и нерукотворенный образъ. Потомъ понесли его въ такъ называемую ложу Ватиканскую, на высокій балконъ главнаго входа, для торжественнаго благословенія, и все устремились на площадь или на боковую колоннаду.

На сей разъ благословеніе было весьма торжественно, потому что толпы народа наполняли площадь и яркое солнце ее освѣщало, какъ бы участвуя въ празднествѣ. Около самаго балкона тѣснились поселяне, пришедшіе изъ сосѣднихъ горъ для полученія индульгенцій; войска папскія, пѣшія и конныя, расположены были на самой срединѣ площади, близь обелиска, и до пяти сотъ экипажей стояли промежду народа, около плещущихъ фонтановъ. Обширный наметъ раскинуть былъ наверху колоннады Ватиканской, для дипломатическаго корпу-

са, а на срединѣ балкона, гдѣ долженъ былъ явиться Папа, выдавалась роскошная сѣнь, чтобы защитить его отъ лучей солнца, и богатая ткань висѣла во всю ширину перилъ. — И вотъ, мало по малу, стало предзнаменовываться ожидаемое явленіе Первосвященника: сперва показался выходной крестъ его, потомъ тіара и митры разставлены были на перилахъ, и начали мелькать попарно другія митры на главѣ Кардиналовъ, которые одинъ за другимъ подходили къ периламъ, чтобы только явиться народу и опять исчезнуть. Внезапно показалась, изъ глубины портика, вся особа царственнаго старца, въ облаченіи бѣломъ, таинственно движущаяся на своемъ тронѣ невидимыми руками носителей, и остановилась на самомъ краю балкона. Явленіе это поразительно: водворилось глубокое молчаніе, послѣ шумнаго звона колоколовъ, и ясно послышался голосъ старца, который прочелъ твердо и громко молитву благословенія: «Святые Апостолы Петръ и Павелъ, конѣ власти и могуществу вашему довѣряемъ, сами да предстательствуютъ за

насъ предъ Господомъ, аминь. Молитвами и заслугами блаженной приснодѣвы Маріи, блаженныхъ Архангела Михаила и Крестителя Іоанна и святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, и всѣхъ Святыхъ, да помилуеъ васъ всемогущій Богъ, и простиъ вамъ всѣ грѣхи ваши, да приведетъ васъ Іисусъ Христосъ къ жизни вѣчной. — Прощеніе и разрѣшеніе и отпушеніе всѣхъ грѣховъ вашихъ, время истиннаго и многоплоднаго покаянія, сердце всегда сокрушенное и жизни исправленіе, благодать и утѣшеніе Св. Духа и конечное преспяніе въ дѣлахъ благихъ, да дастъ вамъ Всемогущій и милосердый Господь, аминь.» — Въ сію минуту вдругъ поднялся съ своего кресла Первосвященникъ, будтобы парящій въ воздухъ, и распростерши крестообразно руки, для благословенія, произнесъ еще громче послѣднія слова: «и благословеніе Бога всемогущаго, Отца, Сына и Св. Духа, да снидеть на васъ и пребудеть вѣчно: аминь.» При сихъ торжественныхъ словахъ, троекратно осѣнилъ онъ знаменіемъ креста, и раздался громъ пушекъ и звонъ колоко-

ловъ; весь народъ и все войско пали на колѣна, зрѣлище было точно удивительно. Вслѣдъ за тѣмъ два Кардинала-діакона, прочли, на Латинскомъ и Италіанскомъ языкъ, полныя индульгенціи, даруемыя предстоящимъ, и бросили хартии сіи народу; но не весьма многіе за ними устремились. Опять поднялся Первосвященникъ, на своемъ выпрѣннемъ креслѣ, чтобы еще разъ освятить благословеніемъ свою паству, а не градъ и міръ, какъ это привыкли объяснять; ибо словъ сихъ не находится, ни въ самомъ благословеніи, ни въ бросаемыхъ индульгенціяхъ; всѣ молитвы относятся только къ предстоящимъ, и вездѣ употреблено второе лице. Особа Первосвященника скрылась во глубинѣ портика, столь же таинственно, какъ и явилась тамъ, посреди гула и грома.

Нельзя не сказать, что зрѣлище сіе, исключая падающихъ индульгенцій, величественно и трогательно, и можетъ быть единственное въ Римскомъ мірѣ, и я описалъ его, какъ и вообще все богослуженіе страстной и святой седмицы, такъ какъ

оно представлялось моему глазу и сердцу. Но не должно ли искать чего либо подобного и не такъ далеко, въ сердцѣ нашей родины, подъ свию златоглаваго Кремля? — Тѣ, которые громко взываютъ, о панскомъ благословеніи града и міра, и такъ далеко стремятся его увидѣть, видѣлиль или по крайней мѣрѣ слышалиль, что и у насъ, въ нервопрестольной столицѣ, есть всенародное благословеніе, не уступающее Римскому? Но оно бываетъ, не съ высоты недоступнаго портика, а съ лобнаго мѣста, на Красной площади, и даже нѣсколько разъ въ годъ, при каждомъ почти крестномъ ходѣ, которыхъ такъ много бываетъ въ Москвѣ! — А всѣ сіи крестные ходы гораздо торжественнѣе Римскихъ, какъ потому, что въ нихъ господствуетъ одно чисто духовное начало, безъ всякой примѣси свѣтской, такъ и во внѣшнемъ отношеніи, по множеству златокованныхъ хоругвей и предносимыхъ иконъ и по облаченію всего клира, когда напротивъ того у Римлянъ только нѣсколько священнослужителей идутъ въ ризахъ, прочіе же всѣ

въ обыкновенныхъ своихъ одеждахъ. Я упоминаю здѣсь только объ одномъ Московскомъ ходѣ, наименьшемъ изъ всѣхъ, по числу духовенства, который совершается на память взятія Казани, въ день Покрова пресвятыя Богородицы, отъ Успенскаго собора къ Василию блаженному. Если кто его видѣлъ въ ясную погоду, тотъ не пожалѣетъ о Римскомъ. — Вся обширная красная площадь покрыта народомъ, съ обнаженною головою, чего невидно въ Римѣ; всѣ крыльца и галлерей, полувизантийской, полуиндійской архитектуры, Василя блаженнаго, унизаны молящимися. По мѣрѣ того, какъ идетъ Митрополитъ, предшествуемый духовнымъ соборомъ, при гулъ всѣхъ колоколовъ Кремля и Китая, ему постепенно подносятъ для благоговѣйнаго цѣлованія, съ пѣніемъ и кажденіемъ, иконы проходимыхъ имъ мимо церквей, и всѣ инокини срѣтаютъ его у Спасскихъ воротъ, на порогъ своей обители. И вотъ, исходящему изъ сихъ вратъ, уже виднѣтъ златокованный рядъ хоругвей, какъ бы небесныхъ щитовъ, освящающихъ по обѣ стороны

путь его къ лобному мѣсту; уже вся предносимая святыня крестовъ и иконъ, златымъ полукругомъ, вѣнчаетъ лобное мѣсто, трогательное названіе коего напоминаетъ Голгоѳу, и слышится только въ Іерусалимѣ и Москвѣ, какъ-бы по нѣкоему таинственному ихъ созвучію. Въ самомъ дѣлѣ можно ли было назвать приличнѣе то мѣсто, отколь дается благословеніе и возглашается евангеліе, со всенароднаго амвона красной площади, которая будучи вся ограждена церквами, сама обращается въ одну необъятную церковь, подъ небеснымъ куполомъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, ибо здѣсь собраніе вѣрныхъ! Митрополитъ восходитъ на крутыя ступени сего лобнаго мѣста, и умолкаетъ мѣднѣй гласъ колоколовъ, чтобы тихій гласъ святительскій могъ возвѣстять глаголы Божіи въ словахъ евангелія. И вотъ онъ подымается еще выше, на малый амвонъ, вѣнчающій лобное мѣсто, какъ бы къ самому корню, гдѣ водружено было крестное древо, въ Іерусалимѣ, и оттолъ, держа въ рукахъ своихъ животворящій крестъ, освящаетъ

нимъ трижды богоспасаемый градъ, на всѣ четыре страны, которыя знаменуютъ собою и четыре страны міра, востокъ, западъ, пол-ночь и югъ, по духу пасхальной нѣсни: «сво-веди очи твои, Сионе, и виждь: се бо придонна къ тебѣ яко богосвѣтлыя свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока, чада твоя, въ тебѣ славящія Христа во вѣки!»—Это лице святительское, въ пурпурномъ облаченіи, увѣнчанное золотою митрой, съ животворящимъ крестомъ въ рукахъ, высоко и одиноко господствующее надъ свѣтовидною группою окрестъ стоящаго клира и надъ всею массою народа, ближе говорить сердцу, нежели являющаяся, въ недоступной дали, особа Первосвященника Римскаго и исчезающая какъ призракъ. — Разница въ томъ, что многіе изъ православныхъ стремятся, за тысячи верстъ, уловить хотя на одну минуту сей Ватиканскій призракъ, и не хотятъ потрудиться выдти на Красную площадь, утѣшить взоры свои и сердце, священнымъ дѣйствіемъ, столь близко отъ нихъ совершающимся.

Мнѣ кажется, не здѣсь ли место унема-

нуть о тѣхъ, которые, точно съ такимъ же невѣденіемъ собственныхъ догматовъ и обрядовъ, измѣнили вѣръ православной, переданной имъ отъ праотцевъ, чтобы безответно перейти въ Церковь Римскую! Не хочу строго осуждать ихъ, потому что я не питаю къ нимъ непріязненнаго чувства; но мнѣ они жалки, по своему невѣжеству, и часто были досадительны, по неразлучной съ нимъ самонадѣянности, когда начинали съ презрѣніемъ осуждать преданія отеческія, легко оставленныя ими, по совершенному ихъ незнанію и по кривому толку ихъ со-вратителей. — Нельзя осуждать первоначальнаго движенія, увлекшаго ихъ на новое ихъ поприще: это по большей части развитіе религіознаго чувства, посреди соблазновъ и суеты міра, которое рано или поздно пробуждается въ сердце всякаго чело-вѣка. Но вотъ въ чемъ они виновны: вмѣсто того, чтобы обратиться къ коренному православному ученію отцевъ своихъ, вмѣсто того, чтобы искать книгъ и людей, могущихъ прояснить имъ темное состояніе ихъ сердца, и дать себѣ прежде отчетъ въ

оставляемой ими вѣрѣ, они, по искаженному воспитанію, которое отъ самой колыбели сдѣлало для нихъ чуждымъ все отечественное, бросаются съ отверстыми объятіями къ тому, что кажется доступнѣе ихъ понятію, по духу общества, въ которомъ они живутъ. Правда, что на западѣ есть много свободныхъ людей духовнаго званія, подѣ рясюю аббатовъ, разсыпанныхъ въ свѣтъ, или живущихъ по домамъ въ качествѣ частныхъ наставниковъ, и переметчики наши наиболѣе упрекаютъ свою Церковь въ недостаткѣ такого рода лицъ. Но какимъ же образомъ, отцы наши могли находить себѣ назиданіе Христіанское, въ бесѣдѣ православныхъ служителей Церкви, которыхъ надобно искать, не въ блестящихъ собраніяхъ мірекаго круга, но въ простотѣ ихъ быта церковнаго и въ тишинѣ ихъ келліи, не сродной съ свѣтскими привычками любителей западнаго блеска! — Кого же тутъ должно винить: тѣхъ ли, которые остались въ предѣлахъ заповѣданной имъ простоты отеческой, или тѣхъ, которые, по воспитанію или долговому навыку,

сдѣлались чуждыми всѣмъ стихіямъ отечественнымъ? И они же еще осмѣливаются осуждать то, чего сами не хотѣли узнать: являются ли какія-либо новыя творенія иностранныя, враждебныя православной Церкви, укорительныя нашему отечеству, онъ сей-часъ въ рукахъ и даже въ сердцахъ отступниковъ или еще колеблющихся въ истинѣ, утверждая ихъ въ предпринимаемомъ ими самонадѣянномъ шагѣ. — Но скажите имъ о какихъ либо новыхъ и даже старыхъ книгахъ, написанныхъ въ защиту оставляемой ими Церкви, или въ объясненіе ея догматовъ, или вообще въ пастырское назиданіе вѣрующимъ, — они съ изумленіемъ откроютъ глаза, какъ бы обещая вниманіе, и потомъ закроютъ уши, потому что такого рода книги ихъ мало занимаютъ; предупрежденные противъ нихъ, они ихъ читаютъ съ недоувѣрчивостію. Такимъ расположеніемъ ума и сердца ловко пользуются свѣтскіе аббаты, встрѣчающіе ихъ въ обществахъ, гдѣ едва ли назначено имъ мѣсто Церковно, и какъ они уже благовременно сроднились между собою, по

духу свѣтской общительности, такъ легко родятся и по мнѣніямъ, сообщая другъ другу свое невѣжество о Церкви православной. Можно сказать вообще и безъ исключенія, что духовенство западное, будучи глубоко наставлено во всемъ, что касается до собственной своей Церкви, совершенно невѣжественно касательно Востока; и чловѣку, нѣсколько свѣдущему, совѣстно слушать, что они говорятъ о нашей Церкви и родинѣ. — Но обращаемые ими охотно сему внимаютъ, потому что они по своему иностранному образованію, находятся на одной съ ними степени и даже утверждаютъ самихъ совратителей, какъ бы очевидные свидѣтели, въ ихъ невѣжественныхъ понятіяхъ о православіи Востока. На такомъ прочномъ основаніи строится, въ сердцахъ отступниковъ, надмѣнное зданіе Римскаго вселенства, съ глубокимъ презрѣніемъ къ оставленному ими православію!

Есть и еще причины, облегчающія имъ переходъ, столь тяжкій для сердца истинно вѣрующаго! — Называя себя православны-

ми, они не исполняли никакихъ обрядовъ и заповѣдей церковныхъ, исключая дней своего гольбія и воскреснаго слушанія литургіи; потому и нетрудно имъ было привыкнуть къ богослуженію чуждому, когда и свое имъ было столь же чуждо. Къ тому же все такъ облегчено въ Римской Церкви и приспособлено къ свѣтскому духу ея исповѣдниковъ: — есть индульгенціи на всѣ посты и даже на великій, даруемая не только лицамъ, но даже цѣлымъ домамъ, какъ ихъ хозяевамъ такъ и наемщикамъ: есть домовыя капеллы почти у каждаго изъ именитыхъ, кто только пожелаетъ, и готовые для богослуженія домашняго аббаты; утреннія и вечернія службы сокращены до возможности и частію оставлены, исключая большихъ праздниковъ; самыя литургіи, такъ называемыя тайныя, продолжаются не болѣе десяти минутъ, одна за другою, отъ утра и до полдня, такъ что ревностные могутъ отслушать ихъ нѣсколько разомъ, сидя и читая для себя молитвы въ книжкѣ, ибо ничего не слышно кромѣ колокольчика. Говорятъ, что въ цер-

кви Римской больше благочестія, потому что почти во всякое время храмы отверсты и въ нихъ есть молящіеся: — это весьма естественно. Народу, не понимающему Латинской службы, или тайной обѣдни, все равно, молиться ли во время богослуженія или когда церковь пуста; потому вы видите часто, и во время службы, людей обращенныхъ совсѣмъ къ иному алтарю, нежели на которомъ служатъ, и читающихъ свой молитвенникъ. А у насъ, не только во время обѣдни, но даже и за всенощной, вы слышите православныхъ, болѣе изъ простаго нежели высокаго званія, повторяющихъ всю службу, вслѣдъ за священнослужителями, и замѣчающихъ малѣйшую ошибку. Очень понятно, что такіе люди ходятъ въ храмъ внимать богослуженію, а не молиться про себя въ пустотѣ его, ибо на это есть у каждаго или образная, или часовни на перекресткахъ со святыми иконами, или открытыя паперти нѣкоторыхъ храмовъ; такимъ образомъ все въ должномъ церковномъ порядкѣ. — Я бы посмотрѣлъ, еслибы ревностные Римляне или

новообращенные выстояли на ногахъ, а не сидя, трехчасовую и двухчасовую обѣдню, пошли ли бы они еще про себя молиться въ пустомъ храмѣ? — И вотъ, напротивъ того, легкое ихъ богослуженіе ставится имъ въ добродѣтель и доказательство благочестія!

Много дѣйствуетъ на неопытныхъ и увѣренность, съ какою имъ проповѣдуютъ ученіе Римское. Церковь Западная, сосредоточившись въ средніе вѣка около Рима и расширяясь, по мѣрѣ умаленія Греческой, совершенно потеряла изъ виду Восточную сестру свою и едва слышала о разсадникъ Православія на сѣверѣ. Въ эту эпоху образовались окончательно всѣ ея іерархическія формы, имѣющія основнымъ узломъ кафедрѣ Римскую. Самъ Епископъ древней столицы, будучи законнымъ Патріархомъ всего Запада и покоривъ себѣ, оружіемъ крестоносцевъ, прочіе четыре патріаршіе престола, совершенно позабылъ о прежнихъ своихъ отношеніяхъ равенства къ патріаршимъ Церквамъ Востока. Мало по малу возмечталъ и самъ убѣдился Папа, что

онъ есть единственный Патріархъ в главѣ вселенской Церкви. Мнѣніе сіе сдѣлалось теперь догматомъ Римской Церкви, безъ котораго она существовать едва ли можетъ, потому что къ сему узлу протавуты вся ея жизненные вѣтви, и дакъ постепенно устроились вся ея іерархія и церковное право, что съ главою Римскою сроднилось все западное тѣло.

Точно также, какъ форма монархическая сдѣлалась основаніемъ іерархія Римской, такъ и правленіе соборное, олицетворенное равными между собою Патріархами, самобытными Католикосами и Синодами, вскопи было достояніемъ Востока, дѣторый не ищетъ, днѣ Христа, вѣдественнаго единства, въ лицѣ одного Іерарха, во въ духовномъ соборѣ всѣхъ, полѣ единичнѣ главою Христомъ, какъ и въ первобытныя времена Христіанства; нбо православная Церковь, вмѣстѣ съ великимъ Папою Григоріемъ, рассуждаетъ «что, если одинъ, именующій себя вселюцскимъ владѣть, азъ заблужденіе, то уже и вся Церковь не встаетъ въ истинѣ,» (Пис. 36.) и сдѣлалась соборна

ромъ Кароагенскимъ не хочетъ думать, «что бы Духъ Святой отступилъ отъ собранія всѣхъ Епископовъ, дабы просвѣщать одного Святителя» (кн. пр. ст. 172) хотя и уступала ему узаконенное соборами первенство его кафедръ: однако первенство не есть главенство или исключительное намѣстничество Христово; но этого соборнаго порядка не хочетъ понять Первосвященникъ Римскій, окруженный своими титулярными подручными Патріархами Восточныхъ престоловъ. Посему его первое слово есть соединеніе, равно желанное для Востока, какъ и для Запада, но вторымъ словомъ уже покорность, и здѣсь невольно долженъ остановиться православный, чувствуя свое право и достоинство Церкви. Такимъ образомъ напрасно Западъ упрекаетъ насъ, будто мы не хотимъ единства; самъ онъ виною разрыва, предлагая условія неудобопріемлемыя, потому что они противны древнимъ уставамъ вселенскимъ, и никогда не можетъ возстановиться желанное согласіе, если не смиритя прежде превозношеніе Римское, и неправильное главенство не обратится въ одно пер-

вобытное первенство кафедры древней столицы.

Но Римляне никакъ не могутъ этому повѣрить, потому что сами, взирая на Церковь православную изъ своего центра, составляютъ себѣ весьма неудовлетворительное понятіе о ея таинствахъ и іерархіи, забывая, что 70,000,000 Христіанъ принадлежатъ къ сей Церкви. Такъ они представляютъ ее и глазамъ тѣхъ, которыхъ совращаютъ; а послушники ихъ, по невѣжеству своему, соглашаются на все клеветы, какими очерняютъ ихъ бывшую мать; они даже начинаютъ думать, что сами сдѣлались Христіанами и узнали все добродѣтели, съ тѣхъ только поръ, какъ взошли въ общеніе Римское. «Бѣдные, у васъ нѣтъ отца!» говорятъ имъ съ состраданіемъ, и эти произвольныя сироты, мимо отеческихъ объятій своихъ законныхъ Пастырей, стремятся цѣловать ноги Епископа и обладателя Римскаго, у подножія его трона, обставленнаго воинскою стражею. Имъ скажутъ нѣсколько словъ на текстъ евангелія: «ты еси Петръ, и наси овцы

моя,» не прояснивъ оныя дѣянiями и посланiями Апостольскими и писанiями Отческими, какъ чистымъ зеркаломъ перво-бытной Церкви. Потомъ ихъ увѣрятъ, что Петръ Апостолъ 25 лѣтъ былъ Епископомъ Рима, вопреки современнымъ лѣтописямъ, которыя свидѣтельствуютъ, что оба верховные Апостола, еще при жизни своей, рукоположили, одного за другимъ, трехъ первыхъ Епископовъ Римскихъ; скажутъ также нѣсколько укорительныхъ словъ о Патриархѣ Фотiи, хотя и послѣ него около двухъ столѣтiй, еще продолжался миръ церковный, и наконецъ изобразивъ своими красками соборъ Флорентинскiй, запятнаютъ Церковь православную именемъ схизматической, и при этомъ страшномъ нареканiи падаютъ ницъ новообращенные, которые никогда не учились исторiи церковной, и вовсе не вѣдаютъ фактовъ соборныхъ. Но вотъ что весьма замѣчательно: сами Римляне мало ихъ знаютъ, потому что духовное ихъ образованiе такъ направлено къ непоколебимой вѣрѣ въ намѣстничество папское, что они только знаютъ то

что въ пользу его, и даже не подозреваютъ возможности противурчія, правилами соборовъ и фактами историческими; потому, избегая такого рода пренія, гдѣ противъ нихъ свидѣтельствуеъ истина самыхъ событій, охотнѣе обращаются къ общимъ понятіямъ о единствѣ Церкви, и стараются положить въ основаніе и во главу угла одинъ только свой камень Апостольскій, какъ будто бы и мы не утверждены также «на основаніи Апостоловъ и Пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ самаго Иисуса Христа» (Еф. 11. 20). Мысль о единствѣ такъ олицетворена у нихъ Папою, и можно сказать такъ матеріальна, что они не постигаютъ даже, внѣ его, соборнаго Апостольскаго единства, во Христъ Іисусъ, засвидѣтельствованнаго вѣками, и называютъ такое ученіе протестантскимъ, сами не примѣчая, что нигдѣ столько какъ въ Римѣ, не бросается въ глаза это напряженное олицетвореніе единства, дошедшее почти до идолослуженія: такъ какъ свыше силъ человѣческихъ возложено бремя соборное на одно лице, то по необходимости хотятъ

возвысить лице сіе надъ человечествомъ, вопреки здраваго ученія Церкви, облакая Папу и въ неподобающее ему могущество царское и сажая его даже на престолъ Божій, т. е. на самый алтарь, гдѣ приносится Голгоуская жертва, чтобы ознаменовать его мнимое намѣстничество. — Нѣтъ, цѣною такихъ противозаконныхъ соблазновъ, никогда не продастъ своего достоинства Православная Католическая Церковь и не приметъ, вмѣсто желаемаго ею единства, покорности Риму! Если я, съ возможною подробностію и безпристрастіемъ, описалъ богослуженіе папское, строго отдѣляя личность отъ обряда, воздавая каждому подобающую честь, и съ должнымъ уваженіемъ къ Епископу первенствовавшей на оедры, то это для того, чтобы поражаемые внѣшнимъ блесномъ, вникали во внутренній смыслъ; а если они, оставляя свое, хотятъ поклоняться чуждому, то пусть крайней мѣрѣ вспомнятъ слова Господа женѣ Самарянской: «вы не знаете чему поклоняетесь, мы же знаемъ то, чему поклоняемся». (Іоан. IV. 22.)

Теперь слышу несколько окончательных слов о торжестве пасхальномъ: Но не присутствует на вечерю, хотя она совершается довольно торжественно въ базиликѣ Св. Петра, съ крестнымъ ходомъ, возмущающими пришествіе иудеи къ иудейскому гробу. Но Кардиналы собираются на вечерю въ базилику Св. Маріи, потому что прежде тамъ совершалось богослуженіе пасхальное. Первосвященники и епископы ходятъ они на поклоненіе частныхъ главъ Апостольскихъ, въ соборъ Латеранскій. Вечеромъ величавое освященіе колоды Петра, привлекая свѣтлыя народныя на площадь. Ветерокъ свежъ: Ночь была лунная; погода ясная; картина очаровательная; будто бы стрелы въ воздухъ; слава въ востокъ; — олицетворялись на западъ. Въ чудномъ величавомъ остатке изъ суфрака-исполнскій храмъ, и восторженный въ темной синевѣ неба, огненного свѣтла, которая ярко обозначила все ея конические формы, какъ бы веруясь, и восторженный иудейскому; когда она епископы ко блеснула его изображеніе; и восторженный

исобьятною. Особенно издали, въ чрезвычайной красѣ, обрисовались стройныя линіи необъятнаго купола, и тогда только можно было оценить ихъ строгую величественность. Это точно было исполненіе отважной мысли Микель-Анджело: Пантеонъ поднятъ съ Римской земли въ Римское небо и парящій на воздухѣ! — И вотъ когда насытились взоры, чуднымъ очеркомъ храма; въ одно мгновеніе измѣнились огненные краски и стали голубыми, какъ будто бы смѣлыя тѣни брошены были, тою же невидимого кистию, на это волшебное созданіе, чтобы легче обозначить всю тайны его неподражаемаго зодчества: пламенною броню облекла весь шедевръ. — Долго любовался я очаровательнымъ зрѣлищемъ, съ площади Петровой, и не замѣлъ, когда уже начинали тамъ рѣдѣть толпы народныя, съ лавровой террасы Мадричсовъ, на гора Пинчю. Оттуда не было видно храма, но только одинъ куполъ и его расклевенная полусфера, безпощаднымъ огнемъ сияющъ, еще выше горѣла въ чистомъ небѣ, на которомъ краско и мирно

сѣла иная звѣковая лампада, возожженная отъ начала міра, какъ бы въ облаченіе сущихъ дѣлъ человеческихъ.

Въ понедѣльникъ Пасхи, Папа присутствовалъ опять при божественной литургіи, которую совершалъ въ церкви Сикстовой Кардиналь-пресвитеръ, божь особеннаго церемоніала, а вечеромъ сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ на терасѣ замка Св. Ангела. Сколько ни были изысканы потѣшныя огни сѣи, еще примѣчательнѣе мѣсто, съ котораго ихъ пускали, созданное для царственной могилы и обращенное въ нашу кровь. Думалъ ли Кесарь Адрианъ, когда подражалъ Царямъ Египетскимъ, пышностію своей гробницы, что она со временемъ послужитъ бойницею, изъ которой выйдутъ, которыя ее вѣчали, будутъ метасмы вместо камней въ осаждавшіе и пограбнутъ въ Табръ? Могъ ли онъ представить это другимъ великімъ Понтификамъ, украшенные чѣмъ же шлемъ наизъ и оны котѣ чашѣ въ Христіанскомъ его значеніи, сами станутъ укрываться въ томъ же мѣстѣ, отъволь выдѣлнута царственной прахѣ

его и, заключая своихъ государственныхъ преступниковъ внутри его гробницы, съ вершины ея, станутъ гнать доставшійся имъ въ наследство Римъ, какъ некогда Кесари потышали его игрищами! — Впрочемъ Адрианъ можетъ не оскорбляться столь страннымъ назначеніемъ своего мавзолея; напротивъ его, чрезъ Тибръ, мавзоль великаго Августа послужилъ къ менше почетному употребленію: искусники конныхъ игрищъ воспользовались его круглою формою, чтобы устроить на верху ристалище и стойла для лошадей своихъ въ его гробовыхъ покояхъ. — Только въ Римѣ можно это встрѣтить! Вся малая площадь, предъ мостомъ и замкомъ Св. Ангела, покрыта была народомъ, который съ жадностію ждетъ фейерверка, и правительство духовное не можетъ ему въ томъ отказать дважды въ годъ, на Пасху и въ Петровъ день; берега Тибра унизаны были зрителями и вся рѣка, по обѣимъ сторонамъ моста, заставлена лодкамъ; изъ всѣхъ оконъ, противолежавшихъ замку, спущены были праздничные ковры и выглядывали стѣс-

женныя головы; на всѣхъ балконахъ устроили богатые сѣни для царственныхъ посетителей, вельможъ Римскихъ и иностранныхъ министровъ. Не продолжителенъ былъ самый фейерверкъ, но расположенъ съ чрезвычайнымъ вкусомъ, и странно было видѣть, на такой высотѣ, пламенныя картины, начертанныя въ воздухѣ разноцвѣтными огнями: то великолѣпный готическій храмъ, со всѣми своими затѣйливыми украшеніями, то рядъ обелисковъ и движущихся межъ ними колесъ; то вдругъ свѣтовидныя водонады, льющіяся съ неба и рассыпающіяся раскаленными фонтанами, такъ что огненная пыль ихъ искрилась по воздуху, какъ бы пѣна отъ настоящихъ водъ. Внезапно загорѣлась въ воздухѣ раскаленная крѣпость и съ трескомъ лопались около нее безчисленные бураки, будто бы жерла ея орудій, а изъ нихъ вылетали, голубыми звѣздами, ясныя свѣчи Римскія въ свое родное небо, умножая собою число его звѣздъ; и вотъ наконецъ, одною огненною бурею, прорвался къ небу весь потрясенный замокъ, какъ будто бы открыл-

ся въ немъ новый Везувій, и нѣсколько тысячъ ракетъ, блестящимъ снопомъ, взлетѣли на воздухъ, исполненный ихъ трескомъ и гуломъ; тогда опять водворились сумракъ и тишина около волшебнаго замка, облитого сіяніемъ мѣсяца, и онъ пересталъ тѣшить изумленный народъ своею чудною сказкою, перенесенною съ востока на западъ.

П И С Ь М О . VI.

Базилка Св. Петра. Ватиканъ.

Упомянувъ столько разъ о храмахъ и палатахъ Ватиканскихъ, въ которыхъ совершалось богослуженіе, на страстной и святой седмицъ; я какъ бы невольно вынужденъ и ихъ коснуться въ моемъ описаніи, хотя уже выразилъ, при самомъ началѣ, первое впечатлѣніе базилики Св. Петра въ мое сердце. Не стану повторять сказаннаго; не буду также описывать въ подробнѣе.

сти всѣхъ ея роскошныхъ украшеній и необъятныхъ размѣровъ, потому что это завлекло бы меня слишкомъ далеко и есть уже по сему предмету цѣлая книга. Упомяну только о томъ, что наиболѣе меня поразило, или что обыкновенно ускользаетъ отъ вниманія моихъ соотечественниковъ, которые восхищаются красотой зданія и не вникаютъ въ его внутреннія сокровища. — Я уже говорилъ о чудной площади Ватиканской, съ четырьмя стами ея колоннъ и пиластръ, которую, по волѣ Папы Александра VII, создалъ зодчій Бернини и увѣнчалъ сто двадцатью изваяніями священныхъ лицъ; говорилъ и о ея солнечномъ отблескѣ и кипящихъ солнцемъ фонтаняхъ; скажу теперь нѣсколько словъ, о постепенномъ созиданіи самой базилики, которая отозвалась Риму, отпадешіемъ цѣлой Германіи отъ его церковнаго союза,

Первоначальная базилика, великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ Римскихъ, сооружена была, по просьбѣ Св. Папы Сильвестра, новопросвѣщеннымъ Императоромъ Константиномъ, въ садахъ Нероновыхъ, на попри-

ща его ристаній, гдѣ пострадало столько мучениковъ, обмазанныхъ смолою и возженныхъ имъ вмѣсто факеловъ, для освѣщенія его неистовыхъ игрищъ. — Тамъ, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ древнихъ писателей, а не на холмѣ Яникула, пострадалъ Апостолъ Петръ, и тамъ же былъ погребенъ, въ близъ лежавшихъ катакомбахъ, гдѣ схоронены въ послѣдствіи многія тысячи мучениковъ. Папъ Анаклиту приписываютъ сооруженіе пераго надгробнаго памятника надъ мощами Апостола; но едва ли это вѣроятно, потому что, по свидѣтельству Евсевія, Епифанія и другихъ писателей, извѣстно, что первые два Епископа Римскіе, Линъ и Анаклитъ, поставлены верховными Апостолами, и слѣдственно не могли быть ихъ преемниками; уже третій Епископъ, ими же рукоположенный, Св. Климентъ, погребаетъ обонъ Апостоловъ. Изъ сего ясно видно, что Петръ, не былъ Епископомъ Рима, имѣя болѣе вѣдущей, самъ Апостолъ и вселенскаго учителя, и дозволу, еще при своей жизни, уже поставилъ, въ папѣ, Павломъ, преемникомъ

го за другимъ, Епископовъ для бывшей столицы. — Когда безумный Кесарь Илюгаваль хотѣлъ расширить поприще ристаний Нероновыхъ, Христіане изъ предосторожности перенесли мощи Апостола въ катакомбы Каллистовы, что нынѣ Севастіановы, и тамъ долго таили ихъ въ сухомъ кладезѣ, доколѣ блаженный Папа Корнилій, по моленію одной благочестивой жены Римской, не возвратилъ ихъ въ святилище Ватиканское. Въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранилось и то, что восточные Христіане требовали себѣ святыни мощей Апостольскихъ, какъ мужей имъ единоплеменныхъ, и оттого утаили ихъ западные въ кладезѣ катакомбъ; а великій Папа Григорій, въ посланіи своемъ къ Императрицѣ Греческой, говоритъ, что необычайные громы и молніи воспретили восточнымъ Христіанамъ исполнить свое намѣреніе. Известно также что Папа Сильвестръ, при сооруженіи новой базилики, отдѣлилъ честныя главы обонхъ Апостоловъ, для собора Латеранскаго, и малую часть Павловыхъ мощей приложилъ къ тѣлу Петрову подъ алтарь

его базилики, равно какъ и отъ него удерживалъ частицу въ базилику Павлову. По сказанію древнихъ, тѣло Апостола Павла превосходило длиною тѣло Петрово, и долго показывали въ Ватиканѣ самый камень, на коемъ Папа Сильвестръ совершилъ раздѣленіе св. мощей.

Если кто хочетъ узнать внутреннее великолѣпное устройство древней базилики Петровой, какъ она создалась щедрою рукою Константина, тотъ можетъ увидѣть образъ ея, на стѣнахъ церкви Св. Мартина Горнаго, что на холмѣ Эсквилинскомъ, или пусть заглянетъ въ подземелье самой базилики, въ такъ называемыя гроты Ватиканскіе, гдѣ кистию знаменитаго отца живописи, Жіотто, начертаны многія ея части, внутреннія и наружныя. — Базилика Павлова, до ея бѣдственнаго пожара, живо ее напоминала, но Петрова была гораздо великолѣпнѣе; четыре ряда роскошныхъ колоннъ, ея раздѣлявшихъ, какъ и Павлову, стояли на мраморныхъ ступеняхъ, такъ что средній помостъ былъ ниже, дабы не заграждать зрѣнія стоявшихъ подъ боковы-

ни аркадами, а впереди зданія выдавался четверосторонній притворъ, называвшійся раемъ въ старинныхъ святилищахъ, вѣроятно какъ вводящій въ духовное блаженство. Отчего священная базилика сія, меньше другихъ, могла перенести напоръ столбтій? — неизвѣстно; быть можетъ оттого, что основана была на остаткахъ цирка Неронова; но въ XV вѣкъ стали опасаться за ея прочность. Признаюсь, мнѣ кажется: не входило ли тутъ, на мысль Первосвященникамъ, создать нѣчто болѣе достойное ихъ возраставшаго могущества; но дрогнуло сердце Рима, когда коснулись священной его базилики. Это была эпоха возрожденія искусствъ; однако Папа Николай V осмѣлился только начать новое зданіе, позади горняго мѣста старой базилики; болѣе рѣшительный Юлій II, который привыкъ входить побѣдителемъ, въ шлемъ и латахъ, сквозь разбитыя имъ твердыни городовъ, дерзнулъ опрокинуть часть многовѣковой святыни, чтобы положить первый камень новаго храма въ 1506 году. Какую ужасную пустоту долженъ былъ по-

чувствовать Римъ, когда на томъ мѣстѣ, куда въ теченіи XV вѣковъ стекались богомольцы, внезапно увидѣлъ дымящіяся прахомъ развалины!

Славный Браманте былъ первымъ здѣльчимъ новаго храма и составилъ чертежъ его, по образцу Греческаго равноконечнаго креста, но чрезъ семь лѣтъ скончались и Папа и здѣльчій. Левъ X Медицисъ, давшій имя свое современному вѣку, и вѣнецъ живописцевъ, Рафаиль, продолжали начатый трудъ и предположили продлить нижнюю вѣтвь креста, но со смертію Льва прекратилась работа, наступила страшная эпоха разоренія Римскаго, оружіемъ Карла V, въ бѣдственные дни другаго Медициса, Климента VII. Папа, трепещущій въ замкѣ Св. Ангела, уже не могъ думать о базиликѣ; слишкомъ много другихъ развалинъ осталось послѣ неистоваго военачальника Кесарева Бурбона. Между тѣмъ вся Германія пылала новою сектою Лютера, которая возникла отъ святотатной продажи индульгенцій, еще при Левѣ X, для строенія новой базилики. Наконецъ Павелъ III, Фарнезь, при-

звалъ изъ Флоренціи величайшаго изъ зодчихъ своего времени, Микель-Анджело, и поручилъ ему составить новый планъ храма. Ужаснулся гениальный художникъ, увидя, какъ много истреблено было древностей базилики, рукою его предмѣстниковъ и безъ всякой нужды, какъ много истрачено было денегъ и какъ мало сдѣлано. Онъ удержалъ первобытный чертежъ креста Греческаго, давъ ему портикъ Пантеонскій, ибо одинъ только Пантеонъ почелъ быть, достойнымъ куполомъ, для гениальной базилики. Но чтобы поддержать такой куполь, какъ бы на воздухъ, онъ укрѣпилъ четыре основные столба храма и строго запретилъ ихъ касаться; забыли однако преданіе опытнаго генія, новѣйшіе мелкіе строители, и продѣлали внутри ихъ лѣстницы, отчего и треснулъ теперь куполь. Онъ же, для большей прочности, предположилъ замѣнить прежнюю роскошную колоннаду, безъ которой не могла существовать никакая базилика, тяжелыми пиластрами, и хотя онъ въ совершенной гармоніи съ цѣлымъ

зданіемъ, но взоръ невольно ищетъ древняго мраморнаго лѣса колоннъ.

Осьмнадцать лѣтъ трудился, какъ юноша, почти столѣтній Микель-Анджело, пережившій всѣхъ своихъ современниковъ, и напрягалъ старческія свои силы для окончанія исполинскаго подвига, но и ему измѣнилось время. Онъ угасъ, съ послѣднею мыслию, съ послѣднимъ вздохомъ о любимой своей базиликѣ, и великая тѣнь его еще нѣсколько лѣтъ носилась надъ растущимъ зданіемъ, ограждая его отъ новыхъ изобрѣтеній и одушевляя зодчихъ, его послѣдователей, Виніолю и Фонтану. Уже протекло сто лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Юлій II положилъ первый камень предпринятаго имъ храма, и вотъ пришло на мысль Павлу V, изъ дома Боргезе, включить въ новую базилику все пространство древней, и для сего протянуть нижнюю вѣтвь креста. Зодчій Мадерна былъ исполнителемъ этой благочестивой, но неблагопріятной мысли для красоты зданія, ибо протянутая вѣтвь креста и тяжелый портикъ исказили лицевую сторону храма и закрыли Пантеонскій

куполъ, отъ взоровъ стоящаго на площади Ватиканской. Очаровательная ея колоннада не могла исправить сего недостатка, и вкусъ Беринни не вознаградила безвкусія Мадерна. Последнимъ строителемъ храма былъ Папа Пій VI, который присоединилъ къ нему особенное великолѣпное зданіе ризницы: такимъ образомъ строеніе его продолжалось около 300 лѣтъ и стоило 300 милліоновъ рублей, а внутреннія украшенія мозаиковъ, замѣняющихъ постепенно гениальныя картины, надъ безчисленными алтарями, продолжаются и донынь. — Когда, съ такими необычайными средствами и художниками, въ теченіи трехъ вѣковъ, строится одно священное зданіе, что дивнаго, если оно достигнетъ до высшей степени совершенства? но и тутъ я остаюсь при прежней мысли, что оно не примѣнно къ церковному богослуженію, ибо, для его совершенія, нужно всякой разъ строить, внутри сего великолѣпнѣйшаго изъ храмовъ, лубочное такъ сказать зданіе, безъ чего нельзя священнодѣйствовать Папѣ.

Не буду останавливаться въ роскошномъ

преддверіи храма, которае стерегутъ съ обѣихъ сторонъ два царственные всадника, на разстояніи пяти сотъ лѣтъ правившіе Римскимъ міромъ: оба великіе, Константинъ и Карлъ I. Два верховные Апостола сръгають также, на великолѣпной паверти, идущихъ въ нихъ базилику. На среднихъ вратахъ ея, изваянныхъ изъ бронзы, по волю Папы Евгенія IV, изображены, вмѣстѣ съ ликами Господа и Пречистой его Матери, и мученическою кончиною обоихъ Апостоловъ, подвиги самаго Евгенія, вѣнчаніе имъ Императора Сигизмунда и приѣмъ посланниковъ Восточныхъ, послѣ Флорентинскаго собора; а напротивъ сихъ великолѣпныхъ вратъ, въ арку вставленъ знаменитый мозаикъ, представляющій Церковь вселенскую въ образъ ладьи Петровой. Пятая, крайняя дверь базилики, со стороны Ватикана, закладена и открывается только всякія 25 лѣтъ, въ годъ юбилея, самимъ Папою, съ большимъ торжествомъ, наканунѣ Рождества Христова.

Признаюсь, мнѣ всегда не нравилось смѣшеніе личности Папской со святынею, и

особенно надписи на портикахъ, совершенно по образцу древнихъ языческихъ, гдѣ самое титуло Понтифекса ихъ напоминаетъ и стоитъ рядомъ съ Господнимъ или Апостольскими именами. Такъ напримѣръ, на входѣ базилики Петровой начертано, что Понтифексъ Римскій Павелъ V соорудилъ ее въ честь верховнаго Апостола: имя Папы слишкомъ ничтожно подлѣ столь священнаго имени. Не гораздо ли смиреннѣе у насъ, на портикѣ храмовъ, пишутъ какой либо стихъ псалма или церковной молитвы, относящихся къ Господу или тому изъ его угодниковъ, которому они посвящены?

При входѣ во внутренность чудной базилики, представляется взорамъ безконечная вѣтвь креста ея, почти во сто сажень длины, пересѣкаемая иконоливскою стѣною главнаго алтаря и потоками свѣта, которые льются на него изъ купола, и Духъ Святой, парящій въ видѣ голубинѣ, въ самомъ концѣ храма, какъ бы изъ глубины неба. Восемь громадныхъ столбовъ, съ обѣихъ сторонъ, поддерживаютъ среднюю

раку свода, иснеищенную золотыми розами до того мѣста, гдѣ прорывается въ небо необъятное жерло купола. Мраморныя пиластры прислонены къ столбамъ, которые всѣ украшены медаціонами, съ лѣками Папъ и символами ихъ власти. Статуи знаменитѣйшихъ начальниковъ орденовъ ииоческихъ, которыхъ такъ много въ Римской Церкви, стоятъ въ углубленіи снхъ пиластръ, какъ изваянія Апостоловъ въ Латеранѣ. Въ числѣ ихъ, много поминаемый, добромъ и зломъ, глава Іезуитовъ, Игнатій Лоіола, и нищелюбивый Филиппъ Нери, и Тереза Испанская, и освободитель узниковъ Францискъ Павловъ, напротивъ бронзовой черной статуи Апостола Петра, возседающаго на бѣлой каедрѣ; которая всегда производила на меня неприятное впечатлѣніе, по своимъ воспоминаніямъ историческимъ, хотя и стараются оправдать все Римляне. Размѣры величайшихъ храмовъ Европы означены на мраморномъ панно, чтобы показать, какъ ихъ всѣхъ поглотила собою необъятная базилика: Нареградской Соціа и интроналіа Флоренція, соборъ

Медиоланскій, церковь Св. Петронія въ Болоніи, и базилика Павлова, и наконецъ всѣхъ ихъ обширнѣйшій храмъ Св. Павла въ Лондонѣ. У первыхъ двухъ столбовъ двѣ мраморныя раковины, со святою водою: ихъ поддерживаютъ колоссальные Ангелы, которыхъ размѣры поражаютъ взоры тогда только, когда къ нимъ приблизишься. Этотъ обычай окроплять себя святою водою, при входѣ въ каждую церковь, всегда нравился мнѣ на западѣ, напоминая Христіанину, какъ должно быть чистымъ, когда вступаешь въ домъ Божій.

Если же подвигаться къ главному алтарю, не по средней вѣтви креста, а по двумъ боковымъ галлереймъ, постепенно обзрѣвая ихъ многочисленныя придѣлы или капеллы, то первыя двѣ, которыя представляются по обѣимъ сторонамъ, будутъ: на лѣвой крещальня, сдѣланная изъ саркофага Императора Оттона; на правой же такъ называемая капелла жалости, ибо на алтарь ея, гениальнымъ рѣзцемъ Микель-Анджело, изображенъ Спаситель, по снятіи со креста, на лонѣ плачущей матери. Тамъ же показы-

ваютъ и колонну Соломонова храма, къ которой прислонялся Господь, когда проповѣдывалъ въ святилищѣ ветхозавѣтномъ. Далѣе слѣдуютъ царственные памятники развѣчанныхъ, искавшихъ себѣ послѣдняго пріюта въ державномъ нѣкогда Римѣ, который утѣшаетъ падшее величіе своимъ славнымъ минувшимъ. Съ лѣвой стороны это надгробный памятникъ послѣднихъ Стуртовъ, титулярнаго Короля Англіи Іакова III, его супруги изъ рода Собіесскихъ, и двухъ сыновей, также причтенныхъ къ лику державныхъ. По правую же сторону памятникъ бывшей Королевы Шведской Христины, добровольно отрекшейся отъ царства, чтобы вступить въ церковь Римскую, и подвигъ ея изображенъ въ изящномъ барельефѣ. — Рядомъ съ нею гробъ державной Графини Матильды, союзницы Григорія VII, и также изваяно на мраморѣ торжественное смиреніе Императора Генриха IV, предъ надмѣннымъ Папою; а напротивъ ихъ, въ придѣлѣ Св. Севастіана, великолѣпная мозаика сего святаго снята съ оригинала Доминикинова. Гроб-

ицы Папскія прислонены повсюду къ пиластрамъ и промежду алтарей; но я назову только тѣ изъ нихъ, которыя болѣе замѣчательны, или по своему изяществу, или по славѣ усопшихъ: не могу также изчислить и всѣ алтари, чтобы не утруждать напрасно вниманія.

Вотъ два придела, самые замѣчательные и совершенно отдѣльные, одинъ противъ другаго: приделъ хора съ лѣвой стороны, гдѣ собираются ежедневно каноники для утреннихъ и вечернихъ молитвъ, а напротивъ его приделъ Св. тайнъ. Въ обыкновенныхъ церквахъ клирики совершаютъ свои молитвословія, позади главнаго алтаря, такъ что никто ихъ тамъ не видитъ и не можетъ слѣдовать за ходомъ краткой ихъ службы, да и никто не бываетъ, хотя утрення весьма поздно; но въ нѣкоторыхъ базиликахъ и въ Петровой предѣлъ хора въ сторонѣ, и кто бы могъ подумать, что здѣсь подъ алтаремъ, мало посѣщаемымъ мірянами, хранится святыня мощей Златоуста! Она заключена въ порфировой ракъ, и отверстіе алтаря заста-

вляется всегда шитомъ , такъ что нельзя замѣтить сего сокровища , которое никому не показываютъ , не оттого , чтобы хотѣли утаить , но по равнодушію . Что , если бы святыня сія находилась въ рукахъ православныхъ ? Не подвиглись ли бы цѣлый городъ , и даже вся Россія , къ тому счастливому мѣсту и храму , гдѣ бы они хранились , чтобы прикоснуться къ золотымъ устамъ вселенскаго учителя и къ священной десницѣ , написавшей столько душе-спасительныхъ книгъ ? а въ Римѣ , куда онъ звалъ вселенную поклониться мощамъ Павловымъ , и куда перенесли его , вѣроятно , враждебныя рѣки крестonosцевъ , отъ любимой имъ паствы , — въ Римѣ никто не знаетъ и не думаетъ о томъ , что Златоустъ покоится подъ сѣнію Св. Петра ! Онъ какъ бы чуждъ Риму , хотя и вселенскій учитель , и я не могъ сперва совершенно дознаться , какъ и когда именно онъ перенесенъ туда ; говорили только , что изъ прежней базилики , и этимъ должно удовлетвориться благочестивое любопытство !

Наконецъ , послѣ многихъ распросовъ ,

мнѣ сказали, будто бы мощи Св. Златоуста перенесены были въ Римъ, вмѣстѣ съ мощами Св. Игнатія Богоносца, въ 540 году, во время гоненія Императоровъ Греческихъ, и положены сперва въ церкви Св. Климента, потомъ, неизвѣстно когда, въ древнюю базилику Ватиканскую, а наконецъ, послѣ ея разрушенія, Папа Урванъ VIII, съ большимъ торжествомъ, перенесъ ихъ въ нынѣшній придѣлъ хора; но если повѣрить это сказаніе исторіею, то оно окажется сомнительнымъ. Въ 540 году былъ Папою Вигилій, едва не осужденный на пятомъ вселенскомъ соборѣ, котораго опредѣленій не хотѣлъ сперва принимать, но наконецъ принялъ; это ли называютъ Римляне гоненіемъ? и можетъ ли быть, чтобы во время славнаго царствованія Императора Юстиніана, Царьградъ уступилъ бы Риму такую святыню? Быть можетъ, Папа Вигилій, возвращаясь изъ Константинополя, принесъ съ собою часть мощей Златоустовыхъ, данную ему въ даръ отъ Императора, или получилъ ее при своемъ воставленіи, ибо по его прѣискамъ и влія-

нiю Императрицы Теодоры, низвергнуть былъ Папа Сильверiй. Гораздо вѣроятнѣе то, что крестоносцы похитили изъ Царьграда мощи Златоуста и присоединили ихъ къ той части, которая хранилась уже въ Римѣ.

Болѣе утѣшительно для сердца видѣть, въ противулежащемъ придѣлѣ Св. тайнъ, гдѣ всегда онѣ хранятся на великолѣпномъ престолѣ, торжественное изъясненiе благоговѣнiя къ нимъ, встрѣчаемое на западѣ; потому что во всякой церкви есть непременно алтарь, исключительно имъ посвященный, мимо коего никто не смѣетъ пройти безъ коленнопреклоненiя. Имѣ весьма нравились еще одинъ благочестивый обычай въ Римѣ, называемый сорокочасiемъ (quarant'ora). Въ продолженiи круглаго года, по узаконенной очереди, выставляются на сорокъ часовъ Св. тайны, въ одной изъ многочисленныхъ церквей, коихъ считается до 260 въ Римѣ, какъ и въ нашей первопрестольной столицѣ; туда стекаются благочестивые для ихъ поклоненiя, при непреодоленномъ блѣзвн клириковъ той церкви.

которая удостоена присутствіемъ святыни. Ярko бьцаетъ освѣщенъ алтарь, убранный плетеницами цвѣтовъ, и глубокая тишина царствуетъ въ храмъ, невольно располагая къ молитвѣ. Ересь, отвергающая таинственное пресуществленіе хлѣба и вина, въ тѣло и кровь Христовы, побудила Первосвященниковъ Римскихъ къ учрежденію такого обряда, который, съ предостереженіемъ противъ невѣрія, утѣшителенъ и для вѣрующихъ. Всѣ живописныя украшенія сего придѣла относятся къ божественнымъ тайнамъ, предназнаменованнымъ въ ветхомъ заветѣ и проявляемымъ въ Апокалипсисѣ. Тутъ и прекрасная мозаическая картина, погребенія Христова, по образцу Караваджія, а на помостъ великолѣпный бронзовый памятникъ Сикста IV, сооруженный ему вторымъ Юліемъ; изъ сего придѣла есть малый выходъ въ палаты Ватиканскія, гдѣ обыкновенно ходятъ Первосвященники въ базилику, въ случаяхъ неторжественныхъ.

Далѣе опять два придѣла, одинъ противъ другаго, оба знаменитые по святынь мошеѣ, сохраняемыхъ подъ ихъ алтарями,

двухъ Григоріевъ: великаго Святителя Римскаго и Богослова Цареградскаго. Подъ роскошными сводами базилики, гдѣ такъ часто забывается примѣръ и слово святаго Папы, о смиреніи подобающемъ Епископамъ, утѣшительно молиться при гробѣ сего ревностнаго обличителя истинны и имѣть его на своей сторонѣ, какъ бы живою опорою и утвержденіемъ правилъ соборныхъ, нарушаемыхъ высокоуміемъ. Подъ Григорія гробовой памятникъ одного изъ лучшихъ его преемниковъ, который заслужилъ въ наши дни славу иновѣдника, много пострадавъ отъ грознаго завоевателя Европы, и возвращенъ былъ на свою кафедру изъ долгаго плѣна, оружіемъ православнаго Императора. Великольпная картина Рафаеля, Преображеніе, повторена мозаикомъ, на противулежащемъ основномъ столпѣ храма, съ такимъ совершенствомъ, что нельзя было ожидать ничего лучшаго и отъ вдохновенной кисти самаго художника. Сему чудесному мозаику соответствуетъ, на другомъ столпѣ съ правой стороны, столь же изящная картина До-

мникинна, приобщеніе блаженнаго Іеронима, вѣрно переданная мусією. Приблизимся съ благоговѣніемъ къ тому алтарю, гдѣ подъ чудотворною иконою Богоматери, радости всѣхъ скорбящихъ, покоится глубочайшій изъ Богослововъ послѣ Апостола, который раздѣлилъ съ нимъ сіе почетное титло. Святыя мощи его вставлены, въ порфировой ракъ, во внутренность престола и болѣе другихъ извѣстны, потому что соименный ему Папа Григорій XIII, съ большимъ торжествомъ перенесъ ихъ сюда, въ 1580 году, изъ женскаго монастыря Греческихъ инокинь, что былъ на Марсовомъ полѣ, и утредилъ праздновать ежегодно, 11 Іюня, память сего событія. Греческія же инокини, по преданію Римскому, перенесли мощи Богослова, изъ Царьграда въ свою обитель, во время завоеванія его крестоносцами.

Если Великій Григорій обличаетъ своихъ преемниковъ, въ неподобающемъ превозношеніи, которое по его собственнымъ словамъ: «возмущаетъ миръ всея Церкви» то другое обличеніе истекаетъ имъ, отъ мо-

щей Богослова, который составил символъ второго Собора вселенскаго, о происхожденіи Духа Святаго отъ Отца только, сходно съ словами евангельскими самаго Господа, и такъ ясно изложилъ, въ своихъ богословскихъ бесѣдахъ, чистое ученіе о Духѣ Святомъ. Какъ хорошо объяснялъ въ послѣдствіи, великій поборникъ православія, Маркъ Бессскій, причину, по которой Отцы соборные и съ ними Григорій, такъ а не иначе, наложили къ символу относящееся до Духа Святаго :

«Духъ Святой, отцами оными, считается Отцу и Сыну, яко отъ Отца происходящій, съ Отцемъ и съ Сыномъ спокланяемый и славимый, т. е. равночестный и единосущный. Если бы Соборъ признавалъ его происхожденіе отъ обоихъ, то почему не сказалъ: «Отъ Отца и Сына исходящаго и съ ними спокланяема и славима?» такъ следовало бы сказать, если бы таково было мнѣніе Собора. Поелику же, въ первомъ случаѣ, отцы не упомянули о Сынѣ, когда хотѣли опредѣлитьчину происхожденія, а во второмъ случаѣ упомянули, ко-

гда хотѣли показать равночестіе и единство, то очевидно, что они не признавали искожденія Духа Святаго, и отъ Сына; ибо иначе не опустили бы сего, и особенно тогда, когда составляли изложеніе догмата. И что сіе изложеніе есть совершеннѣйшее, а не недосовершенное, какъ говорятъ Римляне, сіе видно изъ того, что ни одинъ изъ послѣдующихъ Соборовъ, не сдѣлалъ на сіе изъясненіе новаго изъясненія, и не прибавилъ искожденія и отъ Сына; напротивъ того, всѣ Соборы, своими опредѣленіями, возбранили сіе и запретили, какъ бы пророчески провидя то, что у Римлянъ вѣло случиться.» (Соепс. Flagem. sess. XXIII.)

Я искалъ, въ базиликѣ Петровой, и нетлѣнныхъ останковъ великаго Василія, полагая, что Римляне перенесли туда также сего третьяго вселенскаго учителя, къ Златоусту и Богослову; но ожиданіе мое не исполнилось, хотя есть алтарь Василіевъ подле Григоріева, и не только въ Римѣ, но и во всей Италиі не могъ я обрести сіе неоцѣненное сокровище. Можетъ быть оно таится въ какомъ-либо изъ ея городовъ, или

даже въ самомъ Римѣ, и только случай его открестъ, потому что на западъ весьма равнодушны къ святымъ мощей; рука Святителя Кесарійскаго въ Венеціи, глава его въ Амальфи. Я просилъ нѣкоторыхъ изъ Французскихъ аббатовъ, живущихъ въ Римѣ, составить хотя краткой указатель для поклонниковъ, въ которомъ каждый могъ бы видѣть, въ какихъ церквахъ хранятся угодники, Божіи, большею частію перенесенные съ востока, и какъ бы утраченные для благочестиваго чествованія на западѣ.

Надгробный богатый памятникъ того Папы, который перенесъ Св. Григорія въ базилику, находится недалеко отъ его алтаря, и на барельефѣ изображенъ другой его подвигъ, исправленіе календаря, данное сему лѣтосчисленію названіе Григоріанскаго. Не менѣе великолѣпныя намятники Венедикта XIV, по другую сторону алтаря; Папа сей, одинъ только изъ числа всѣхъ почюющихъ въ соборѣ, изображенъ стоящимъ, а не сѣдящимъ на своемъ саркофагѣ, въ минуту благословенія, добродѣльствіемъ выразить свое имя. — Но на

мый великолѣпный изъ всѣхъ памятниковъ Папскихъ, Климента XIII, изваявъ рѣзцемъ гениальнаго Кановы, который напомнилъ Италіи времена Микель-Анджело. Папа на колѣняхъ благоговѣнно сложилъ руки для молитвы; съ одной стороны стоитъ Религія съ крестомъ въ рукахъ, съ другой Геній смерти, очаровательный своею красотою, и какъ бы примиряющій жизнь со смертію, и вотъ два чудные льва, какихъ еще никогда не создавалъ рѣзецъ художника, въ грозномъ спокойствіи стерегутъ царственнаго Святителя, какъ бы готовые воспрянуть при первомъ зовѣ того, чью душевную крѣпость они изображаютъ.

Между памятниками Венедикта и Климента, протянулась поперечная вѣтвь крестообразнаго храма, въ которой до 70 сажень, и на сѣверной ея оконечности стоитъ алтарь двухъ мучениковъ Римскихъ, Процесса и Мартиніяна, бывшихъ стражами Апостола Петра, въ темницѣ Мамертинской, и тамъ обращенныхъ имъ къ познанію истины. Подъ алтаремъ хранятся ихъ останки, а надъ нимъ изображено ихъ

страданіе въ мозаической картинѣ. Еще двѣ великолѣпныя мозаики замѣчательны въ сѣверозападномъ углу собора, снятыя съ знаменитыхъ оригиналовъ: это Архангелъ Михаилъ, поражающій діавола, писанный Гвидомъ-Рени, картина коего находится въ Капуцинской обители, и обрѣтеніе мощей блаженной Петронииллы, дивной кисти Гверчино; самая картина хранится въ музей Капитолійскомъ; но мусія умѣла передать и яркій колоритъ Гвида-Рени, и рѣзкія тѣни Гверчино, увѣковѣчивъ только тлѣнный холстъ невредимымъ камнемъ. Мощи блаженной дѣвы находятся подъ алтаремъ ея.

Вотъ наконецъ, на западномъ концѣ базилики, а не на восточномъ какъ у насъ, горнее мѣсто, возвышенное двумя ступенями надъ прочею частію храма; тамъ поверхъ алтаря, на недоступной высотѣ вознесена низкая кафедра Петрова, хотя и древняя; она деревянная, съ изваяніями изъ слоновой кости, и приспособлена для пошеенія; не думаю однако, чтобы когда либо носили смиреннаго Апостола и даже

первыхъ Епископовъ Римскихъ, какъ ихъ новѣйшихъ преемниковъ; хотя Римляне утверждаютъ, что это могло быть курульное почетное кресло того консульскаго мужа, въ домъ коего останавливался въ Римѣ Апостоль, уступленное ему ради почести, но преданіе сіе сомнительно. Говорять, что во время пребыванія Французовъ въ Римѣ, нѣкоторые любопытствовали видѣть сію каеэдру и нашли на ней Арабскую надпись: не смѣю утверждать того, чего самъ не видѣлъ, но и никто не можетъ видѣть каеэдры. По мѣстному преданію, она тогда только послужитъ сѣдалищемъ для Папы, когда онъ исполнитъ годы мнимаго святительства Петрова въ Римѣ, но еще никто изъ Епископовъ Римскихъ, отъ самаго ихъ начала, не правилъ столько времени своею Церковію, что довольно странно; два послѣдовавшихъ другъ другу Пія, VI и VII, едва однако не достигли узаконеннаго срока 25 лѣтъ, чтобы возсѣсть на выспренную каеэдру.

Весьма великолѣпно бронзовое ея убранство, которое по волю Папы Урвана VIII,

Бернини искусно вылил изъ Пантеонской мѣди. Ангелы окружаютъ на облакахъ кафедру, а на землѣ поддерживаютъ ее четыре Святителя, два Греческихъ и два Латинскихъ: впереди святой Амвросій и блаженный Августинъ, а позади ихъ Аѳанасій великій и Златоустъ. — Странно, почему Аѳанасій имѣлъ предпочтеніе надъ Богословомъ, моши коего почиваютъ въ соборѣ; вѣроятно оттого, что онъ былъ лично въ Римѣ, куда укрывался отъ гоненій Императора Константія, равно какъ и Златоустъ обращался писменно къ затупленію св. Папы Иннокентія; посланія же богословскія Григорія слишкомъ обличительны для новаго ученія Римскаго. Великолѣпно убранный алтарь надъ каедрою посвященъ памяти всѣхъ Святителей Римскихъ. По сторонамъ его два надгробные памятника, и такое сближеніе мнѣ всегда казалось неприличнымъ, ибо алтарь, гдѣ приносится безкровная жертва Христова, долженъ быть совершенно отдѣленъ отъ суетныхъ чловѣческихъ воспоминаній. Здѣсь же особенно бросается въ глаза неприличіе, ибо памятни-

ки сіи украшены аллегорическими фигурами, какъ бы языческими божествами. Направо возсѣдаетъ Папа Павелъ III, изъ роскошнаго дома Фарнезовъ, вылитый изъ бронзы, и у ногъ его двѣ мраморныя статуи, Справедливости и Осторожности; а на лѣво такая же фигура Урвана VIII, Барберини, украсившаго кафедрю Петрову, и также двѣ статуи, Справедливости и Любви; но Любовь сія была до такой степени обнажена и соблазнительна, что принуждены были накинуть на нее бронзовую сѣтку, и гдѣ же это? близъ самой кафедры Апостола, подлѣ алтаря, на который ставятъ Св. тайны въ день праздника тѣла Господня! — И никто не обращаетъ на это вниманія въ Римѣ; все извинительно искусству, которое возблудило надъ святынею; называющій себя намѣстникомъ Христовымъ терпитъ это въ своемъ кафедральномъ храмѣ, и тутъ же усердно молятся измѣнившіе чистой и строгой святынь отеческой, смиренно закрывая здѣсь взоры свои, чтобы не примѣчать ничего, могущаго возмутить ихъ совѣсть, которая была такъ раздражитель-

на ко всему, въ недрахъ оставленной или Церкви.

Статуи главныхъ начальниковъ монашескихъ орденовъ Римскихъ, Франциска, Доминика и Св. Венедикта, общаго отца всѣхъ иночествующихъ на западѣ, стоятъ около пилластръ, отъ горняго мѣста по направленію къ главному престолу; въ числѣ ихъ четвертымъ помѣщенъ, весьма странно, Пророкъ Илія, главою Кармелитовъ, потому только, что иноки Латинскіе поселились на бывшей горѣ его. Больше 80 мраморныхъ статуй и до 50 бронзовыхъ, украшаютъ базилику и ея величественныя гробницы, конкъ шитають 19; а чтобы дать нѣкоторое понятіе, о роскоши украшеній храма, должно сказать, что одна кафедра Петрова стоила болѣе полумилліона, и ни одна изъ мозаическихъ картинъ, замѣняющихъ оригиналы на тридцати алтаряхъ, не можетъ цѣниться менѣе 150,000 рублей; самыя куполы украшены мозаикою, и все было строено для вѣчности, сколько она доступна во временномъ бытѣ человечества. Однако непрочность.

дѣлъ нашихъ, даже и въ вѣковомъ зданіи, показалъ недавно треснувшій куполь, который стараются теперь укрѣпить желѣзными обручами.

Но вотъ одно, изъ болѣе прочныхъ основаній храма, въ сѣверозападномъ углу его: мощи великаго Льва, нѣкогда бодрствовавшего, какъ левъ отъ Іуды, о цѣлости догматовъ церковныхъ и о соблюденіи патріаршихъ правъ Восточныхъ своихъ собратій. И онъ, подобно великому сопредстольнику своему Григорію, изумился бы и не ушаль, что дѣлается нынѣ близъ его гробницы, если бы возсталъ внезапно, посреди богослуженія своихъ преемниковъ. — Надъ алтаремъ великаго Льва изображенъ, въ мраморномъ изваяніи, его славный подвигъ, когда безоружный, силою слова, оставилъ грознаго волчища Аттилы и спасъ Римъ; но онъ не могъ спасти его отъ разоренія Вандальскаго! Въ томъ же углу собора, чудотворная икона Богоматери, Столповой, такъ названная потому, что находилась на верху одной изъ колоннъ въ древней базиликѣ; алтарь ея величественно

украшенъ мраморамъ и на немъ поставляютъ Св. тайны въ великій четвергъ. Пана Левъ XII, скончавшійся въ 1830 году, и возбудившій неудовольствіе Римлянъ, строгимъ наблюденіемъ за ихъ нравственностію, избралъ себѣ мѣсто упокоенія у ногъ великаго Льва, и самъ начерталъ себѣ скромную эпитафію, запретивъ ставить какой либо памятникъ.

Въ виду смиренной могилы благочестиваго Льва, возвышается, совсѣмъ въ иномъ духѣ, великолѣпный памятникъ Александра VII, изъ дома Чиги, сооруженный художникомъ Бернини, но безъ большаго вкуса. Какъ обыкновенно аллегорическія фигуры изображаютъ добродѣтели усопшаго, а безобразный бронзовый оставъ, олицетворяющій смерть, подымаетъ черное мраморное покрывало, подъ каедрою сѣдшаго Первосвященника, и показываетъ несочными часами, что уже время. Между сею гробницею и входомъ въ отдаленное зданіе ризницы, простирается южная вѣтвь крестообразной базилики, и на самомъ концѣ ея, подъ мозаическою картиною распятія

Петрова, которая списана съ дивнаго образа Гвида - Рени, стоитъ престоль двухъ Апостоловъ, Симона и Иуды, и есть мощи ихъ внутри алтаря, неизвѣстно, какъ и когда перенесенныя въ Римъ; а подъ боковыми алтарями останки непризнаваемыхъ нами въ ликъ Святыхъ, Епископовъ Римскихъ: трехъ Вонифатіевъ и двухъ другихъ Львовъ III и IX. Послѣдній замѣчательнъ для насъ тѣмъ, что черезъ его легатовъ, хотя и безъ его вѣдома, ибо самъ онъ прежде скончался, сдѣлался разрывъ между ними и Патріархомъ Цареградскимъ Михаиломъ Керуларіемъ, что называютъ Римляне окончательнымъ разрывомъ; но истинный послѣдовалъ тогда, когда крестоносцы согнали съ патріаршихъ кафедръ законныхъ Святителей Греческихъ, дружески пріившихъ ихъ на Востокъ, и дополнили мѣру вражды, раззореніемъ Царьграда и святотатнымъ оскверненіемъ всѣхъ его святилищъ. И такъ Левъ IX, послѣдній изъ Папъ, сохранялъ общеніе съ Церковію православною и поминался съ прочими Патріархами въ ея диптихахъ. Еще драгоценнѣе для православной

Церкви память мудраго Льва III, поборника Цареградскаго символа, который рѣшительно отказалъ посламъ Императора Карла великаго прибавить слово «и отъ Сына» въ символъ вѣры. «Не знаю, сказалъ онъ, лучше ли сдѣлали древніе отцы, что опустили сіе слово; я не могу утверждать, чтобы они не также хорошо разумѣли оное, какъ и мы, потому что я не только не смѣю предпочитать себя имъ, но даже и равняться съ ними. Какъ бы ни хорошо было намѣреніе наше, должно опасаться испортить то, что уже хорошо само по себѣ, самонадѣянно отступивъ отъ древняго образа ученія: ибо отцы, запретивъ что либо прилагать къ символу, не различали доброе или дурное намѣреніе, а запретили просто, не дозволивъ даже и разсуждать, почему они такъ поступили.» (Ист. Флери. кн. XLV. гл. 48.)

Онъ велѣлъ даже вырѣзать, для будущихъ временъ, весь символъ, на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ, на двухъ серебряныхъ доскахъ, которыя повѣсилъ надъ гробомъ Апостола, чтобы всякій могъ, читая его,

утвердиться въ преданіи отеческомъ на этомъ камнѣ вѣры. Однако Римляне утаили доски сія, такъ что никто даже не знаетъ, гдѣ онѣ находятся, а кажется, людямъ увѣреннымъ въ правоту своей, зачѣмъ бы дѣйствовать съ такою осторожностію?

И такъ вотъ посреди какого облака свѣтлей, имъ противорѣчащихъ и обличающихъ нововведенія, держатъ превозносятся Римляне, въ священной оградѣ ихъ гробовъ и мощей! Не мудрено впрочемъ, что забыты и пренебрегаемы ими обличительныя слова Святителей, равно западныхъ и восточныхъ, Львовъ и Григоріевъ, потому что и самыя ихъ нетлѣнныя останки оставлены безъ вниманія, посреди ослѣпительной роскоши храма, и никто не воздастъ имъ того благоговѣйнаго поклоненія, какое заслуживаетъ подобная святыня. Сколько разъ видѣлъ я самыхъ ревностныхъ изъ числа Римлянъ, равнодушно проходящихъ мимо алтарей, гдѣ почіютъ мощи сихъ свѣтильниковъ Церкви! О великіе Левъ и Григорій! во крайней мѣрѣ вы у себя на родинѣ, въ кафедральномъ своемъ

соборъ, и никто не потревожилъ вашихъ священныхъ останковъ: но ты, божественный Златоустъ! и ты, вѣнецъ Богослововъ! какъ горько видѣть васъ забытыми на чужбинѣ, и до того тамъ чуждыхъ, что даже православныя чада ваши не знаютъ мѣста вашего покоя и оттого по неволѣ, съ западнымъ равнодушіемъ, проходятъ мимо васъ!

Что сказать также о мощахъ Апостольскихъ, которыхъ такъ много въ Римѣ и которыя такъ мало извѣстны, исключая гробницъ Павловой и Петровой! Честныя главы ихъ въ Латеранѣ; части каждаго изъ двѣнадцати собраны въ великолѣпной церкви всѣхъ Апостоловъ; Матѳѳій въ базиликѣ Св. Маріи, Вареоломей на островѣ Тибрскомъ, Симонъ и Іуда въ храмѣ Св. Петра, и тамъ же хранится, на недоступной высотѣ одного изъ столповъ, глава Апостола Андрея, которую съ большимъ торжествомъ принесъ Деспотъ Морейскій Юма, братъ послѣдняго Константина; о другихъ же Апостолахъ вотъ что мнѣ извѣстно: Первозванный обрѣтается въ Амальфон

и Матеей въ Салернѣ, а Евангелисты Маркъ и Лука въ соборахъ Венеціи и Падуи. — И такъ въ одномъ Римѣ шесть Апостоловъ, начиная съ верховныхъ.

Если, отъ алтаря Апостоловъ, Симона и Иуды, смотрѣть ко гробу верховнаго, на Пантеонскій куполъ базилики, тогда только разгадаешь гениальную мысль Браманта и Микель Анджело, которой вредитъ протяженіе нижней вѣтви креста; ибо отсель куполъ представляется, въ полной гармоніи со всѣмъ зданіемъ, и не укрытъ отъ взоровъ дальнимъ разстояніемъ, какъ со входа. Колоссальны всѣ его размѣры, какъ самый гений его строителя: 22 сажени діаметра, высота отъ помоста 54 сажени, а внѣшняя со крестомъ до 70-ти; это мѣра большой пирамиды Египетской, которой не уступаетъ огромностію своею базилика, съ тою разницею, что тамъ одна лишь гора складенныхъ камней, а здѣсь изящнѣйшій изъ храмовъ вселенной, гдѣ всякая часть соотвѣтствуетъ цѣлому. Тогда только, когда стоишь, подъ самую громадою необъятнаго купола, чувствуешь всю его легкость,

и не воображаешь, какихъ усилій стоило поднять его на такую высоту; точно одна только рука генія могла его бросить на воздухъ, потому и кажется легкимъ исполинское дѣло. Промежду мраморныхъ его пиластръ и оконъ изображены мусією Спаситель и его пречистая Матерь, Предтеча и Апостолы, Евангелисты на четырехъ аркахъ и Господь Саваоѣ въ глубинѣ свода, а вокругъ нижняго вѣнца, исполинскими буквами начертана надпись: «ты еси Петръ и на семь каменъ созижду церковь мою.»

Въ необъятной пустотѣ купола и храма, какъ бы подѣ открытымъ небомъ, стоитъ исполинская сѣнь главнаго престола, вся составленная изъ Пантеонской бронзы, въ 14 сажень высоты, но которая во все не кажется огромною: такъ легко соединились, перекрестными арками, высокіе столбы ея, подѣ одинъ, будто бы парящій въ воздухъ, крестъ. Четыре колоссальные Ангела поддерживаютъ колонны: это также твореніе безсмертнаго Бернини и роскошнаго Папы Урвана; одна позоло-

га и работа стоили болѣе полумилліона. На семи ступеняхъ поднять главный алтарь подъ свѣцію, испещренный драгоцѣнными мраморами и камнями; священнодѣйствующій на немъ имѣеть лице обращенное къ востоку и главному входу, какъ и въ прочихъ древнихъ базиликахъ, ибо приступаютъ къ нему съ запада, отъ горняго мѣста; но одинъ только Папа имѣеть право приносить здѣсь безкровную жертву, что совершаетъ онъ трижды въ годъ, на Пасху, въ Рождество Христово и въ Петровъ день; если же и даетъ иногда позволеніе Кардиналу, служить на алтарѣ Петровомъ литургію въ своемъ присутствіи, то не иначе, какъ письменнымъ актомъ, особымъ для каждаго раза.

Четыре колоссальныя мраморныя статуи стоятъ у четырехъ основныхъ столбовъ базилики, вокругъ главнаго алтаря, знаменуя собою ту святыню, которая хранится на верху столбовъ, и подземныя церкви у ихъ подножія: это Апостоль Андрей Первозванцый, Логгинъ сотникъ, Царица Елена и блаженная Вероника, по преданію

Римскому а не евангельскому, подавшая убрूसъ Спасителю, когда изнемогалъ онъ подъ бременемъ креста; образъ божественный напечатлѣлся на семъ убрूसѣ, какъ на томъ, который, по свидѣтельству Евсевія, Господь послалъ Царю Эдескому Аварю. Предполагають, что изъ двухъ словъ, Латинскаго и Греческаго, *vera icon*, т. е. истинный образъ, составилось мнимое лице Вероники; но такъ какъ убрूसъ ея, съ животворящимъ крестомъ, обрѣтеннымъ Еленою, и съ копьемъ, которымъ сотникъ пронзилъ ребра Господа, и съ главою Первозваннаго, хранятся въ горней сокровищницѣ храма, то и ихъ изображенія стоятъ какъ бы на стражѣ своей святыни.

Извѣстно, что Царица Елена принесла въ Римъ часть обрѣтеннаго ею животворящаго древа, но она хранится въ ея базиликѣ: здѣсь же тотъ крестъ, который послалъ Патріархъ Иерусалимскій Иувеналій Папѣ Льву великому; главу Первозваннаго Апостола принесъ изъ Греціи послѣдній Палеологъ; копье же сотника прислалъ въ даръ Папѣ Иннокентію VIII, Турецкій Султанъ

Баязидъ, когда братъ его, домогавшійся престола, искалъ покровительства Первосвященниковъ и скоро скончался въ Римъ. Что же касается до убруса, то я не могъ дознаться настоящій ли это убрусъ Авгаря, т. е. нерукотворенный образъ, перенесенный изъ Эдессы въ Царьградъ, и можетъ быть оттолъ въ Римъ Крестоносцами? ибо показываемый въ Генуѣ весьма сомнителенъ; или быть можетъ собственно тотъ, который по преданію Римскому, слыветъ убрусомъ Вероники? Никто не можетъ его видѣть вблизи; надобно быть для сего каноникомъ Св. Петра; даже Императоры западные, не иначе были допускаемы до цѣлованія убруса, какъ получивъ прежде санъ каноника: такъ мало доступна сія и всякая свитыня въ Римъ.

Тоже самое и въ отношеніи гроба верховнаго Апостола: какъ я и прежде говорилъ, никто не сходить, по мраморной драгоцѣнной лѣстницѣ къ мѣсту погребенія Петрова, кромѣ Папы и царственныхъ особъ. Многіе довольствуются дальнимъ поклоненіемъ у великолѣпной рѣшетки,

вокруг которой горитъ всегда 112 лам-
 надъ бронзовыхъ; серебряныя были по-
 хищены Французами. Павелъ V, изъ до-
 ма Боргезе, отдѣлалъ съ такою роскошью
 сіе мѣсто, называемое исповѣданіемъ или
 свидѣтельствомъ Апостольскимъ, ибо здѣсь
 исповѣдалъ и засвидѣствовалъ онъ,
 мученическою кончиною, Бога истинна-
 го; а потому изящная статуя Папы Пія
 VI, на коленяхъ, предъ заключенными
 дверьми подземнаго святилища, не со-
 всѣмъ у мѣста, хотя она и рѣзца Ка-
 новы. Соидя по ступенямъ, можно только
 приблизиться къ внешней сторонѣ гробоваго
 алтаря, надъ мощами Апостола, гдѣ освя-
 щаются омофоры, посылаемые Папою од-
 нимъ только Архіепископамъ, въ знакъ
 ихъ достоинства. Омофоры сіи прядутся
 въ Римъ изъ волны овецъ, особенно на
 то определенныхъ и какъ бы освящен-
 ныхъ. Но какъ омофоръ есть собственно
 отличительный знакъ всякаго Епископа и
 знаменуетъ заблудшую овцу, которую бла-
 гой Пастырѣ Христосъ взялъ на рамена
 свои, то не понятно, почему прочіе Еписко-

пы западные лишены сего свойственнаго ихъ сану облаченія, и по какому праву Папа присвоилъ себѣ раздавать ихъ? Есть древній образъ Спасителя и верховныхъ Апостоловъ, во глубинѣ арки надъ гробомъ. Съ низменнаго помоста сего священнаго мѣста, отраднo поднять взоры въ глубокій куполь, и отсель еще изумительнѣе его легкость.

Если же кто хочетъ облобызать самый престолъ, надъ гробомъ Апостола, онъ долженъ спуститься въ подземелье прежней базилики, чрезъ малую церковь Вероники, одну изъ четырехъ исподнихъ; тамъ, вмѣстѣ съ желанною святынею, представятя ему, и любопытное основаніе бывшаго храма Константина, съ тѣми остатками древности, какіе уцѣлѣли отъ времени и людей, и нѣкоторыя гробницы Святителей и Царей, оставившихъ по себѣ громкое имя.— Три раза спускался я въ подземелья Ватиканскія и не могъ составить себѣ совершенно яснаго о нихъ понятія, при тускломъ свѣтѣ факела, только частію освѣщавшаго предметы, безъ цѣлаго ихъ

объема, какъ это бываетъ въ дневномъ сіяніи. Знаю только, что круглая галлерей идетъ съ трехъ сторонъ, около подземной церкви, гдѣ стоитъ гробовой алтарь Апостоловъ и соединяетъ между собою четыре придыла: Вероники, Елены, Сотника и Первозваннаго; а съ четвертой стороны, къ двумъ послѣднимъ придыламъ, примыкаетъ древняя базилика, раздѣленная на три части, основаніями столбовъ новой, и въ ней обрѣтаются гробы тѣхъ, коихъ памятники на верху.

Надгробный мавзолей, весь въ изваяніяхъ, Юлія Басса, Префекта Римскаго IV вѣка, находится въ круглой галлерей, и тамъ же мраморныя изваянія двѣнадцати Апостоловъ, украшавшія первоначально главный алтарь, и надгробныя барельефы, прежнихъ гробницъ святительскихъ, и лики нѣкоторыхъ Папъ, начертанные на стѣнахъ, съ отрывками ихъ буллъ и указовъ царскихъ, которые вырѣзаны на мраморъ. Между придылами Вероники и Апостола Первозваннаго есть еще три боковыя подземныя церкви; первая во имя Спасителя, другія двѣ во имя Богоматери, съ священ-

ными ея иконами, которыя были еще въ первобытномъ храмѣ, и съ изображеніемъ различныхъ частей его, какъ то горняго мѣста, портника, колокольни и самыхъ палатъ Ватиканскихъ, писанныхъ славнымъ художникомъ Жіотто. Тутъ хранятся также многіе обломки и остатки бывшей базилики, о истребленіи коихъ столько сожалѣлъ Микель-Анджело. Во второй церкви, гдѣ показываютъ мозаическій образъ Спаса и верховныхъ Апостоловъ, весьма древній, вмѣстѣ съ мраморною статуею Папы Венедикта XII, обновителя прежней базилики, еще сохранилось первоначальное изваяніе сѣдящаго Апостола Петра, которое сами Римляне признаютъ за древній кумиръ Юпитера, хотя и защищаютъ отъ сего нареканія бронзовое изваяніе въ верхнемъ храмѣ, слитое будто бы Львомъ великимъ. Но какъ они теперь облачаютъ новое бронзовое въ ризы святительскія, въ день Св. Петра, такъ облачали прежде и бывшего Юпитера; и здѣсь невольно оцѣнишь другую осторожность Православной Церкви, которая не одобряетъ изваяній, дабы не

обновить идолослуженія, но чествуетъ иконы, только напоминающія образы Господа и его Святыхъ.

При самомъ входѣ въ подземную часть древней базилики, изъ придела Апостола, представляются, близъ алтаря Спасова, царственныя гробницы развѣчныхъ: Карлотты, бывшей Королевы Кипра, Арменіи и Іерусалима, послѣдней изъ рода Лузиньяновъ, которая передала свои громкія титулы дому Сардинскому, и трехъ послѣднихъ Стуртовъ, Іакова III, Карла III и Кардинала Генриха IX, которые утѣшали себя въ изгнаніи титуломъ королевскимъ, какъ бы продолжая собою законный рядъ влстителей Англіи. Тутъ же и одинъ, дѣйствительно бывший Императоромъ, Оттонъ II, сынъ Великаго, изъ дома Саксонскаго, имѣвшій большое участіе въ дѣлахъ Римскихъ, и подлѣ него Папа Григорій V, изъ того же дома. Вотъ надгробный камень надмѣннаго соперника Фотіева, Папы Николая I, котораго весьма вѣрно, хотя и обличительно для Рима, описалъ Іезуитъ Маймбургъ, думая похвалить его, въ кни-

гь своей о раздѣленіи Церкви, ибо сказалъ о немъ: «что сей Папа возьметъ власть Первосвященниковъ гораздо выше, нежели когда либо она была, особенно въ отношеніи Императоровъ, Королей, Князей, Патриарховъ и Епископовъ.» (стр. 23.) Въ среднемъ отдѣленіи подземелья неприятно поражаетъ взоры мраморное изваяніе Папы Александра VI, поверхъ его увражденной могилы, которому время или люди, ругавшіеся надъ его позорною для церкви памятью, отбили носъ. Здѣсь можно употребить страшный стихъ Данта, о безславныхъ, хотя и не въ собственномъ его смыслѣ, но какъ о чловѣкѣ, обезславившемъ себя и свою кафедру:

«Non ragioniam di lor, ma guarda e passa.»
(Canto III)

«Не разсуждай о нихъ, взгляни и мимо!»

Далѣе Папа Піій VI, совлеченный съ своего престола и добровольно его оставившая Королева Шведская Христина, другъ подлѣ друга. — Въ послѣднемъ отдѣленіи сохранилось всего болѣе гробовъ папскихъ и между ними самые именитые: Вонифатій VIII, мужественный Гаetanъ, столь горько

поруганный посломъ Короля Французскаго Филиппа, и Николай V, покровитель возраждавшихся наукъ, послѣ паденія Царьграда, замыслившій выстроить сію чудную базилику, которой удивляемся нынѣ.

Изъ глубины сего подземелья еще ли вести утомленнаго, на самую вершину исполинскаго зданія, которое сооружали не люди, но племена и поколѣнія людей, непрерывнымъ исполненіемъ одной мысли и воли, какъ бы сросшіяся въ одно колоссальное лице какого либо древняго Титана, громоздившаго горы на горы, чтобы достигнуть Олимпа! Его необъятная крыша, с ма, какъ цѣлая площадь, населенная своими жителями, которые стерегутъ храмъ; можно взѣхать даже до верха на лошакахъ, по отлого вьющейся терасѣ; въ двухъ малыхъ куполахъ, стоящихъ по сторонамъ главнаго, показываютъ образцы базилики Брамантовой и снимокъ съ каеэдры Петровой.— Только, стоя на крышѣ, можно видѣть, до какой степени огромны статуи Апостоловъ, вѣнчающія фронтоны храма, которыя кажутся столь малыми снизу, и

какъ хорошо было бы, еслибы исполнилась мысль Наполеонова, протянуть площадь Ватиканскую вплоть до Тибра, очистивъ ее отъ длиннаго безобразнаго треугольника зданій, заграждающихъ собою открытый къ ней доступъ.

Гораздо труднѣе взойти съ крыши на верхъ купола, который поднимается еще почти на 30 сажень поверхъ ея плоскости; страшно взглянуть съ его внутренняго балкона на дно базилики, ко гробу Апостола, особенно же изъ горняго фонаря, которымъ кончается куполь. Взоръ нашъ не привыкъ измѣрять такую глубину подъ собою, и ничтожество собственнаго существа изобличается самымъ величїемъ дѣлъ человѣческихъ; но за то какой очаровательный и необъятный видъ открывается, изъ подъ высвреннаго креста базилики, на Римъ и его окрестность, на горы и море; легче однако смотреть отсюда на этотъ просторъ горизонта, чѣмъ во внутренность храма, ибо здѣсь можно вообразить себя на какой либо естественной высотѣ. Это вся карта, такъ называемаго наследія Петро-

ва, или первобытной области порочней, уступленной Папамъ Королями Франковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, та пустынная рама, въ которую искони вставленъ былъ вѣчный городъ, какъ бы для того, чтобы болѣе дѣйствовать на воображеніе людей и прииритъ ихъ, предварительными образами запустѣнія, съ внутреннимъ величіемъ его всемірныхъ развалинъ!

Что сказать мнѣ о палатахъ Ватиканскихъ? объ этомъ царственномъ жилищѣ Первосвященниковъ, шестюномъ одиннадцатъ тысячъ комнатъ, въ которомъ, хотя и занимають они довольно скромный участокъ однако все зданіе есть собственно ихъ дворець? — Это уже не смиренная патриархія Латеранская, гдѣ обитали Лвы и Григоріи, не рынныя чертоги, гдѣ водворились Понтифексы, послѣ семидесятилѣтняго Вавилонскаго своего переселенія въ Авиньонъ, и которые украсили они по царски, когда сами сдѣлались державными Государями, не одной пожертвованной имъ области церковной, но и цѣлыхъ княжествъ, частію ими завоеванныхъ, частію присвоенныхъ насильственно.

Востель Юлій II, домогавшійся славы Кесаревою, въ ту страшную эпоху, когда настоящій Кесарь Макенмиліамъ желалъ быть Паного, а Король Франціи, добрый Людовикъ XII, созывалъ противъ него соборы, первый положилъ начало величію Ватиканскому, и Левъ X Медичисъ, давній ния свое этой эпохѣ, украсилъ палаты безсмертною кистию Рафаэля. Павелъ III Фарнезъ, воспользовался геніемъ Микель-Анджело, для двухъ своихъ придворныхъ церквей и расширилъ зданіе. Сикстъ V, петинный Царь между Первосвященниками, присоединилъ къ нему восточное крыло, и два другіе роскошные Папы, Климентъ VIII, и Павелъ V, изъ дома Боргезе, довершили обширные его замыслы. Пій VI, который также имѣлъ все приемы свѣтскаго Государя, соорудилъ новое зданіе для музея, собраннаго Климентомъ XIV, и даже смиренный Пій VII увлекся примѣромъ своего предшественника, ради любви къ изящному, какъ бы наследственною въ каждомъ почти Первосвященникѣ Римскомъ. Такъ составилось постепенно это чудное и

своенравное зданіе, неповѣтное въ цѣломъ, но роскошное въ частяхъ своихъ и единственное въ мірѣ. — А между тѣмъ странно смотреть на столь необъятныя палаты, охраняемыя, въ великолѣпномъ притворѣ своего царскаго крыльца, готическою стражею, и думать, что тутъ обитаетъ рабъ рабовъ Божіихъ, преемникъ рыбака Галлейскаго, исключительно величающій себя титломъ намѣстника Іисуса Христа, который, какъ сынъ человѣческій, не имѣлъ, во все теченіе земной своей жизни, куда преклонить главу. Но духъ превозношенія искони уже замѣтенъ былъ въ Римѣ, и еще въ V столѣтіи языческой префектъ его насмѣшливо говорилъ Папѣ Дамазу: «сдѣлай меня Епископомъ Римскимъ и я сей-часъ сдѣлаюсь Христіаниномъ!» Что же сказалъ бы онъ теперь, въ лице заступившимъ мѣсто его Кесарей?

Я уже говорилъ о великолѣпнн крыльце Ватиканскаго и двухъ церквей, Сикстовой и Павловой, которыя разделяетъ зала царская; она такъ названа отъ того, что въ ней изображены все Цари, благодѣтели

стоватшіе и до сего Петровой. Къ ней при-
 мыкаетъ другая приемная зала герцогская,
 не знаю отъ чего получившая сіе имя, по-
 тому что въ ней торжественно принимаютъ
 Папы въичанныхъ Государей и досель
 тамъ бываетъ избраніе Кардиналовъ. Она
 сообщается съ трехъяруснымъ портикомъ
 Рафаэля, уже много поврежденнымъ отъ
 времени; тамъ однако еще сохранились, въ
 среднемъ ярусѣ легкихъ аркадъ, чудныя
 его фрески ветхозавѣтныхъ событій, кото-
 рыя перешли потомъ во всѣ рисунки свя-
 щенныхъ исторій. Изъ галлерей Рафаэло-
 вой войдите въ его залы, бывшія неко-
 гда жилищемъ Папъ, а теперь празныя;
 тамъ найдете стѣнную живопись, начатую
 великимъ художникомъ и довершенную, по
 большей части, его любимымъ ученикомъ
 Юліемъ Романо, который тамъ хорошо по-
 слигъ своего бессмертнаго учителя. Подви-
 ги великаго Константина въ первой залѣ:
 чудное явленіе креста, которымъ побѣдилъ
 онъ вселенную, и самая побѣда надъ тира-
 номъ Максентиємъ, утопшимъ въ Тибрѣ,
 его крещеніе въ Св. Спасаехотрѣ, а вмѣстѣ да-

якіе Рима сему блаженному Папѣ. Но его новѣйшимъ времемъ, вѣрно было безпрестанно напоминать о правахъ своихъ, основанныхъ на такомъ преданіи, и они благоразумно избрали, вмѣстѣ проповѣди, геніальную кисть своихъ художниковъ, которая такъ сильно говоритъ любителямъ изящнаго. Другую и третію залу Раффина мы съ утѣшеніемъ можемъ видѣть у себя въ академіи, въ изящныхъ копіяхъ нашихъ знаменитыхъ художниковъ, и отрадно для сердца, что теперь школа Русская занимаетъ первое мѣсто даже въ родинѣ искусства; между всеми прочими, ибо наши художники особенно прославились въ Римѣ.

Вотъ царедворецъ Сирійскій: Илюдоръ повергнутъ въ томъ крамѣ; который хотѣлъ расхитить, а напротивъ его великій Левъ удерживаетъ варвара Атталу, тою же небесною силою. Чудо произошедшаго кровнаго свидѣательства тайны еucharистіи, и чудное избавленіе Петрова, Ангеломъ изъ чрева матери, другъ противъ друга: пріятельство и оубѣдѣ, написаннаго есадыма: икона Божіею картиною. Кто же слышалъ о есадыма: фаворъ

скби, где воскресил Рафаила сонъ давно отжившихъ мудрецовъ? Кто не видалъ также, въ безчисленныхъ копяхъ, его Христіанское небо, разверзшееся надъ бесѣдующими о Св. тайнахъ, около самаго алтаря? Онъ хотѣлъ изобразить мудрость чело-вѣческую, напротивъ премудрости Божіей, и побѣдилъ земную словомъ о крестѣ: — но зачѣмъ въ той же залѣ языческой Парнасъ? Въ последней залѣ вѣщаніе Карла великаго, Паною Львомъ III, и оправданіе его предъ сѣмъ Государемъ, и побѣда Льва IV надъ Сарацинами у поморія, и наконецъ чудное прекращеніе пожара, его молитвою: одно изъ лучшихъ произведеній кисти Рафаила, который, какъ говорятъ, одушевилъ съ пѣсню Вергилія, о разореніи Трои, что бы изобразить свое зарево.

Къ сѣмъ заламъ примыкаетъ картинная галлерей Фатининская, весьма малая, ибо она помѣщается въ трехъ небольшихъ комнатахъ, но вся составленная изъ гениальнѣйшихъ произведеній итальянскихъ художниковъ. Мы установимся въ первой, и не пойдемъ далее, ибо пѣтъ церемоннаго приращенія,

кисти Доминикина, и двухъ Мадоннъ Рафаэля, съ его преображеніемъ, можно ли еще чего желать? однако тамъ есть и Магдалина, Гверчино, и расвятіе Петрово, Гвидо Рени, и Ромуальдово бѣлое видѣніе, Андрей Сакки, вмѣстѣ съ образами самаго учителя Раваилова, Перуджина. Можно сказать, что Ватиканская галлея предпочтительно посвящена славъ одного Рафаэля; ереспамъ ириготовляетъ онъ къ своимъ картинамъ къ небесному явленію Пречистой Дѣвы, надъ гробомъ коей еще сѣтуютъ Аностама, ибо Рафаэль любилъ всегда противополлагать горнее земному, и къ другому торжеству Богоматери въ соборѣ Святыхъ, которое известно подъ именемъ Мадонны въ Foligno, и наконецъ къ бессмертному, идо преобразенію, которое довршилъ онъ, доди ко за нѣсколько дней до смерти, и которое несли за его гробомъ. Страшно раздумать, отакой картинѣ, ибо она вѣчителна, величаво и въиномъ живописи; но можно ли убои что и въ виду ея, ганистиваго, приобичи старца Деронина, умирающаго ли, Дивагои невольно оклемаютъ, всеръ, съ Раваилова.

Доминиканцу; и конечно ему воздали подобающую честь, если не боялись оставить его создателем протавъ лучшей картины князя живописи, какъ наименовала Рафаилъ въ Италіа. Не стану описывать безчисленныхъ галлерей Ватиканскихъ; неолонныхъ мраморныхъ, куда собрался цѣлый міръ языческихъ боговъ и мудрецовъ, Кесарей и героевъ, иль бы о каменныхъ по волшебному манію Медузиной главы, и даже дикихъ звѣрей, выглядывающихъ съ изумленіемъ, изъ этого роскошнаго лѣса человѣческихъ изваяній. Мимо каменной толпы народа Ватиканскаго; и заглянулъ однако въ его несбѣлтаную библіотеку; основанную Сикстомъ V, гдѣ такіе взоры и мысли развлекаются въ безконечныхъ залахъ, убѣгающихъ одна за другую, какъ бы для того, чтобы привести въ сокрушеніе всякаго любителя наукъ, чувствомъ своего ничтожества, посреди неисчерпаемаго сокровища мудрости. Путьъ человѣческихъ силъ изслѣдовать весь пути познанія, сосредоточенныя здѣсь отъ начала Христіанства, и допросить пыльное молчаніе вѣковыхъ хартій о тайныхъ ми-

нужнаго: не и здесь, по обыкновенію Папскому, предложено много, а желанное утасно отъ взорозъ, потому что ничего не сдѣлаю безъ особенной щани.

Спросите какую либо древнюю рукопись въ библіотекъ Ватиканской, — вамъ непременно начнутъ съ языческихъ, съ Энеиды современной Варгилію, съ описаніемъ Цицерона и тому подобнос. Но вамъ болѣе желательно видѣть палеографію Христіанскую, и вотъ предъ вами разогнуть Александрійскую библію, шестаго вѣка, не всегда однако свободную, отъ частыхъ по ней изысканій; потомъ постепенно покажутъ Греческія богослужебныя книги, которыми особенно богата библіотека, потому что во время завоеванія Царяграда крестоносцами и послѣ его конечнаго паденія, всѣ сіи сокровища перешли въ Римъ, частию руками Палеологовъ. Особенно замѣчательны прологъ пергаментный, съ изящною живописью по золотому полю, Константина Багрянороднаго, и нѣкоторые служебники времени Алексія Комнина; какъ видно, это была самая роскошная эпоха въ Царьгра-

ла, для библиографіи такого вѣвса. Но спросите, чтобы вамъ показали какія нибудь дѣлнія соборныя, или хартии до сихъ относящіяся, и вамъ скажутъ, что они хранятся въ особенномъ архивѣ, мало кому доступномъ. Затѣмъ же скрывать сіи свидетельства каноническаго управленія Церкви, если Римляне такъ увѣрены въ законности вселенской власти Папы? — Кажется это было бы лучшее средство утвердить полюбившихся въ истинѣ. По крайней мѣрѣ мы такъ поступаемъ, съ людьми сомнѣвающимися, но ихъ невѣденію, въ правотѣ нашей Церкви, когда хотимъ убѣдить ихъ; мы указываемъ имъ, въ какой ризницѣ или библіотекѣ, хранится та подлинная рукопись, на которую ссылаемся, и такое искреннее средство часто имѣло желанный успѣхъ; Римляне же напротивъ хотятъ, чтобы мы вѣрили на слово, ихъ пристрастнымъ изданіямъ, съ пропусками и сокращеніями и не допрашивали подлинниковъ.

Соборы вселенскіе и помѣстные написаны, въ духъ преданія Римскаго, о преобладаніи Папы и его легатовъ, по всемъ стѣ-

намъ длинной залы Сикста V, въ которой болѣе тридцати сажень, и самъ онъ изображенъ у входа, приемиющимъ чертежъ новаго зданія библіотеки, изъ рукъ знаменитаго зодчаго своего Фонтаны. Вдоль по стѣнамъ безконечный рядъ шкафовъ, гдѣ собрано все, что только могли собрать, средства и силы человѣческія, рукописей и книгъ. На одной изъ пыластръ, вещь для насъ драгоценная, створчатая святцы Русскія, съ именами всехъ Святыхъ; но одно обстоятельство замѣчательно, что между ними нѣтъ ни одного отечественнаго угодника Божія, даже изъ самыхъ главныхъ и древнихъ, и это возбуждаетъ недоумѣніе: въ какое время и гдѣ были они писаны? хотя простонародныя имена самихъ иконописцевъ начертаны на святцахъ. Нѣкоторые полагаютъ ихъ Сербскими, но и это несправедливо, потому что поднеси Русскія, и нѣтъ другихъ Святыхъ, кромѣ собственно Греческихъ. Быть можетъ, они писаны въ Греціи, какимъ либо изъ соотечественниковъ нашихъ, или при началѣ Христіанства у насъ, когда еще не смѣли

вписывать Русскихъ угодниковъ, въ ликъ признанныхъ вселенскою Церковію. Впрочемъ это все одна только догадка, ничѣмъ не утвержденная, ибо я не довольно знаю археологію, чтобы судить о такомъ предметѣ.

Поперечная галлерей, въ которую упирается первая зала, составлена сама изъ нѣсколькихъ проходныхъ комнатъ, простирающихся въ длину почти на семьдесятъ сажень, такъ что теряется взоръ во глубинѣ галлерей, и все это необъятное пространство наполнено также книгами. Должно отдать справедливость Риму, что колоссальность въ предпріятіяхъ перешла и къ новѣйшему отъ древняго. Лѣвое крыло сей галлерей гораздо занимательнѣе праваго, по тѣмъ сокровищамъ, которыя въ себѣ заключаетъ отъ первыхъ вѣковъ Христіанства. Тамъ, въ одной изъ среднихъ залъ, хранятся всѣхъ видовъ орудія, которыми терзали мучениковъ, и не знаешь, чему болѣе дивиться: ухищренной ли жестокости неистовыхъ мучителей, или подкрѣпляемому свыше терпѣнію ихъ жертвъ? Двѣ древнія сѣдаци, статуи, Аристида и Св. мученика Ипполита

съ пасхальнымъ кругомъ, начертаннымъ на его мраморной каедрѣ, прилично стерегутъ входъ въ сію мученическую сокровищницу. Въ той же комнатѣ хранятся многіе старинные сосуды церковные, формы Византійской, весьма драгоценныя, и древній ликъ Спасителя мозаическій, втораго звѣка, какъ предполагають, обрѣтенный въ катакомбахъ; черты его сходны съ образомъ того лица, какое мы привыкли видѣть на иконахъ Господа. Тамъ же и близкая сердцу Русскому святыня церковная и отечественная: старинныя иконы Византійскія, высокаго письма, какъ напримѣръ трехъ Святителей вселенскихъ и съ ними великаго Аванасія, перенесенныя изъ Царьграда, и между ними собственно Русскія иконы, съ нашею подписью, Богоматери, Предтечи, Святителя Николая, съ его чудесами, особенно замѣчательная, и еще много другихъ. Любопытно было бы дознаться, какъ могли онѣ придти въ Римъ: не изъ домовой ли молитвенницы Императоровъ Греческихъ, за которыми были наши Княжны, или быть можетъ изъ Сербіи и Иерусалима? Но для

того чтобы изслѣдовать весь сіи сокровища, надобно жить въ Римѣ и посвятить себя единственно одному предмету, а я только намекаю о немъ, дабы другіе путешественники наши могли имъ воспользоваться.

Не стану распространяться болѣе о прочихъ драгоценностяхъ сей галлерей, папирусахъ, монетахъ, остаткахъ древней живописи, столь мало уцѣлѣвшей, потому что это повлекло бы меня слишкомъ далеко; я не чувствую себя въ силахъ описать необъятныя палаты Ватиканскія и безчисленныя сокровища всякаго рода, которыя бы въ себя заключаютъ, и хотѣлъ представить только, хотя нѣкоторое слабое понятіе, о великолѣпномъ дворцѣ Первосвященниковъ Римскихъ, единственномъ въ мірѣ. Но вотъ что весьма непріятно меня поразило: съ одной стороны роскошныя палаты примыкаютъ, царскимъ крыльцомъ своимъ, къ великолѣпной, кафедральной базиликѣ Св. Петра, а съ другой, узкій каменный переходъ, на довольно большемъ разстояніи, соединяетъ жилище Папъ съ замкомъ Св. Ангела! Многіе изъ нихъ, принуждены

были пользоваться симъ переходомъ, что бы снастися, отъ своихъ подданныхъ въ гробницу Адриановой! Нигдѣ въ Баронъ, мнѣ не случалось видѣть, въ такой тѣсной связи, царскихъ чертоговъ съ крѣпостию, и я невольно подумалъ: что же это за странное управленіе, свѣтское и духовное, гдѣ Государь, который вмѣстѣ и пастырь душъ, долженъ у себя имѣть, всегда подъ рукою, укрыльщенное убѣжище отъ своей паствы?— Не есть ли это ясное свидѣтельство неестественности такого рода правленія, которое будто бы основано на евангельскомъ преданіи и держится бойницами? И такого рода зыбкое владычество педагагуютъ Римляне, во главу угла церковнаго, называющаго свое и тѣмъ, которые держатся болѣе прочнаго основанія поставленій соборныхъ! Замокъ Св. Ангела объ руку съ Ватиканомъ, суть лучшіе отличители Римскаго вселенства, одними своею свѣтскою властью, не подобающе Епископу, другой же указаніемъ предъа, куда невольно влететь такого рода правленію, несогласное духу Хри-

сиделки. Но въ Римѣ, ислореннаго его гани
 тели и послытели, такъ же всему прива-
 нн. что разсматривая со:ново: возможном
 отъездности, все красенъ базиллики и Ва-
 тикана, и самой замостъ: Св. Антона, ни-
 кто не обращаетъ вниманія на нѣк:право-
 ственное значеніе и противурѣчіе, какъ
 будто бы дворцовой замостъ Епископа Рим-
 скаго, прилегающей къ его двору и собо-
 ру, есть вещь весьма обыкновенная и при-
 личная его духовному сану.

Когда окончались дни пасхальныя, уде-
 стовалъ я попомъ видѣть дворцоваго Свя-
 тителя, въ собственныя его палаты, и
 быть ему представителемъ, чрезъ посред-
 ство нашего посланника, тому обыкновен-
 но представляются Государя, не не такъ
 какъ послытели Святителя, Епископа или
 Патриарха. Оного вечера, въ назначенной
 день, мы уже были на площади Св. Пёт-
 ра, и на площади въ палаты въ кресту
 Ватиканскому, какъ въ:есто: ожидала: по-
 обѣдали кругомъ всей: базиллики, которая
 показалась мнѣ еще: современно, и казалась
 не: отъ: молодой: парсы, къ: собственному: месту:

воду палимому, на вершину холма Ватиканскаго; равнито висетого съ колоннадою площади. Тутъ можно видѣть до какой степени обширенъ дворецъ Персеполитимской; раздѣленной на многія части, внутренни-ны дворами и садами. Ступика Швейцарская стояла въ сѣнѣхъ; мы взойши во второй ярусъ, гдѣ обитаетъ Папа, и тамъ, въ первой залѣ, встрѣтила насъ благородная гвардія Римская. Пройдя еще нѣсколь-ко покоевъ, довольно обширныхъ, не-мно велнвалъцнмнъ, взойши мы въ ту комна-ту, гдѣ находилась дежурница великого князя, тамъ то вошли мы, придворные и духовные чиновники, и дожилиа призоу-ра Папы. Намъ ввели наконецъ въ прием-ную утомую свѣтлугу, предъ славной кабин-етъ его, окнами на дворъ Ватиканскій, очень простую по своему убранству, и всѣ бывшіе оттуда вышли, кромѣ одного при-дворнаго, въ черномъ венеціанскомъ платьѣ, который тамъ оставался до появленія Папы. Онъ вышелъ къ намъ просто, весь въ бѣ-ломъ, отъ головы до ногъ, какъ облака-лись прежде Патріархи Іерусалимскіе, пред-

и дѣлать пресею на его туалы; нѣтъ
взданы ему почести святительскую, нѣтъ
подобало его духовному высокому сану, и
какъ вздаемъ се обыкновенно нашимъ Ар-
хіереямъ. Проста и радужна была бесе-
да Первосвященника и въ ней выразилась
доброта его характера, которая приобрѣла
ему общую любовь. Онъ разговаривалъ по
Италіански, болѣе объ искусствахъ и древ-
ностяхъ, для конхъ много сдѣлалъ въ Ри-
мѣ, о базиликѣ Павловой, столь близкой
его сердцу и которую пламенно желаетъ еще
при себѣ окончить; съ благодарностію упо-
миналъ о драгоценныхъ яшмахъ и малаки-
тахъ, присланныхъ Государемъ Императо-
ромъ для обновляемаго святилища; гово-
рилъ и о великолѣпныхъ колоннахъ жел-
таго алебастра, которыя получилъ изъ Егип-
та. Пріятно было намъ слышать, изъ устъ
Святителя Римскаго, похвалу безкорыстію
Русскихъ и уваженію нашему къ святынь:
услышавъ отъ посланника, что одинъ изъ
представляемыхъ ему былъ правнукъ Су-
ворова, онъ съ большею любезностію раз-
сказалъ какъ, во время славнаго Италіан-

скаго походу" были лично "сделаны" "вышныи" "наказывающыи". Не садясь до прихода Русскихъ, Французскыи взяли насъ съ собою колокола изъ его Болонской обители, и онъ послалъ выкупать ихъ въ стани Русской, послѣ одержанной нами победы надъ неприятелемъ; но Суворовъ возвратилъ ему безмездно отнятые колокола, говоря, что Русскіе не торгуютъ святынею. Разсказ сей дѣлалъ столько же чести тому, кто такъ благородно поступилъ, сколько и тому, кто на разстояніи почти полуверста, съ благодарностію вспоминалъ о томъ его соотечественникамъ.

Когда кончилось представленіе, Папа позвонилъ въ колокольчикъ, чтобы позвать опять придворнаго, и пріятливо подавъ намъ знакъ рукою, самъ удалился въ свой кабинетъ. Мы вышли тѣмъ же порядкомъ, какъ и вошли, и въ сосѣдней залѣ нашли другое почетное общество Англійское, которое ожидало также представленія Папы; я невольно подумалъ, какъ трудно должно быть державному старцу, принимать безпрестанно такого рода посѣщенія, и всту-

ПИСЬМО VII.

Капитолій, Форумъ и Палативъ.

Изобразивъ зрѣчно, глазами, иными, столько сколько я могъ, церковные обряды двора Римскаго, въ великіе дни страстной и святой седмицы, скажу также нѣсколькимъ словъ и о языческихъ древностяхъ, Рима, не о всѣхъ однако же, потому, что это была бы слишкомъ утомительно; но о тѣхъ только, которыя составляли собственно его сердце и сердце покорнаго ему міра, о Капитоліи и Форумѣ! Я привелъ, одного изъ самыхъ обычныхъ антикваріевъ Римскаго,

руководить меня по сямъ древностямъ, зная, что никакая книга не можетъ замѣнить живое слово, съ мѣстнымъ указаніемъ того, о чемъ идетъ рѣчь, и Г. Гриффи, который особенно расположенъ ко всемъ Русскимъ, съ большимъ знаніемъ и усердіемъ, исполнилъ мое желаніе. Мы начали съ Капитолія, бывшаго Палладіумомъ вселенной, и подошли къ нему со стороны новаго Рима, потому что къ нему обратилъ онъ теперь обновленное лице свое, которое дотолѣ смотрѣло на древній Римъ, и какъ бы не хотѣлъ болѣе видѣть печальнаго зрѣлища его развалинъ. — Капитолій, иначе лобное мѣсто, такъ названный отъ найденной въ немъ главы человеческой, какъ непостоянное счастье, измыслилъ великому народу!

Мы поднялись на утѣленную вершину Капитолія, по широкой террасѣ, которую проложила рука Микелл-Анджело, чтобы открыть новыя гражданамъ Рима недоступныя нѣкогда окресты восходъ, къ нѣмъ древней, вѣщанной святынѣ. — Павелъ III, изъ дома Фарнесовъ, былъ обо-

виглядомъ Капитолія, но и генийъ величайшаго изъ зодчихъ Римскихъ не могъ стать въ уровень съ громадностію воспоминаемой державнаго холма, и молнии представляются всѣ новыя его украшенія. Краснорѣчивые были бы груда разваливъ и прежній готическій замокъ среднихъ вѣковъ Капитолія, нежели три нынѣшнихъ дворца, во вкусѣ возрожденія, съ одинокою колокольнею. Два черныхъ Египетскихъ льва извергають воду изъ пасти, у подножія терась, гдѣ некогда, какъ воду, проливали кровь человѣческую. Еще одна отлогая тераса извивается въ право, для въѣзда экипажей, а тутъ же кругое крыльцо ведетъ на лѣво, въ высокую церковь Ага Сосіі, замѣнившую храмъ Капитолійскаго Юпитера. На верху терасы стоятъ двѣ древнія колоссальныя статуи Кастора и Поллукса, съ подручными имъ конями, перевезенныя изъ Аѳинъ, и два трофея по сторонамъ ихъ, громкіе именемъ Марія, хотя и не его время; на тѣхъ же перилахъ терасы еще двѣ статуи Константиновъ Кесаря и Августа, отца и сына, обрѣтен-

ныя въ термахъ, и два столба по крайнъ, изъ коихъ правый водлинно служилъ первою верстою, или милляріемъ, на пути Аппіевомъ къ Неаполю и еще сохранилъ число свое.

На серединѣ квадратной площади новаго Капитолія, промежъ двухъ отраслей холма, гдѣ было мѣсто убѣжища во дни Ромула, стоитъ величаво конная статуя Марка-Аврелія, бронзовая, помащенная и единственная въ своемъ родѣ въ Римѣ. Сходство языческаго Императора-философа съ покровителемъ Христіанства, великимъ Константиномъ, спасло сіе изящное произведение, въ средніе невѣжественные вѣка, и тотъ же Папа Павелъ III перенесъ его, отъ собора Латеранскаго, въ обновленный имъ Капитолій. Позади шумитъ еще фонтанъ, прислоненный къ самой стѣнѣ дворца сенаторскаго, украшенный тремя колоссальными статуями Рима, Тибра и Нила, и здѣсь открываются, на обѣ стороны, двѣ величественныя широкія лѣстницы, съ аркадами: одна на лѣво, въ обитель Францисканскую Aга Соелі, гдѣ нѣкогда стоялъ храмъ Юпи-

тера, другая же къ сѣвалъ Турнейской, гдѣ также былъ храмъ другого Юпитера, куда съѣхались дослѣхи побѣжденных Царей. Мы вошли въ пространную залу дворца сооруженнаго еверра въ видѣ замка Венифатиемъ IX, поверху древникъ палаты табуларія, или архива республики Римской, котораго весь нижній ярусъ еще виднѣтъ съ вѣнцовой стороны Фэрума. Въ пустой залѣ сидицъ, на мамевныхъ сѣдалищахъ три статуи, Первосвященниковъ, Павла III и Григорія XIII, какъ обновителей Капитолія, и одного изъ царственныхъ Сенаторовъ Рима, Король Неаполитанскій Карла, жестокаго суди юнаго Конрадина.

Прямо изъ залы поднялись мы на высокую колокольню Капитолія, увѣнчанную статуею Христіанскаго Рима, съ крестомъ въ рукахъ, которая высоко парить надъ новымъ городомъ. — Оттолъ открылась взорамъ вся живописная панорама Рима, древняго и новаго, и облегающей его пустыни, и вѣнчающихъ ее горъ, и скромная лента Тибра и дальняя пучина моря. «Пе-

редъ вамъ лучшая карта Рима его окрестностей, сказала мнѣ опытный мой путешественникъ, раскинутая, во все стороны, съ самой центральной точки. Всмотритесь пристально въ городъ и пустыню, чтобы потомъ умѣть направлять шаги свои, въ лабиринтъ улицъ и пустырей. — Обратившись сперва къ новому городу, который былъ полемъ Марсовымъ, во дни республики, и сталъ застраиваться только при Императорахъ; теперь онъ разросся, съ другой стороны завѣтнаго холма, который опять сдвинулся его гранью, какъ будто бы судьба Рима съ нимъ связана нераздельно, а тамъ гдѣ была жизнь всемирной столицы, теперь одна пустыня! Взгляните, вотъ гдѣ нынѣ протекаетъ вся жизнь народная, по этому длинному и узкому руслу Корсо, надъ которымъ господствуетъ позаніе Авестала Павла, на колоннѣ Антониновой; вотъ и другой Авестоль, какъ бы на воздухѣ, выносятся собою столпъ Траяновъ. — Не стану называть вамъ все храмы и дворцы, чтобы не утомить вашего вниманія; но заманьте поидиговымъ духъ Воспоминанской республики.

которая почитала себя дочерью Римской, и, соорудивъ здѣсь свой мрачный замокъ, соединила его, верхними переходами, съ Капитоліемъ, чтобы онъ приросъ къ нему и, хотя краемъ своимъ, ступилъ на заветную скалу. Надо всѣмъ однако видимо господствуетъ новый Затибрскій городъ Первосвященниковъ, Пантеонскимъ куполомъ Св. Петра, съ высренними палатами Ватикана и замкомъ Св. Ангела: ясно, что тутъ глава и держава! Но не принимайте садовыхъ высотъ Пинчіо и Яникула, которыя тянутся по обѣимъ сторонамъ новаго города, въ число семи державныхъ холмовъ стараго Рима; надобно намъ обойти на другую сторону балкона, чтобы раздѣлить между ними запустѣвшіе участки бывшей всемірной столицы. — Одинъ изъ нихъ только достоинъ древней славы, потому что украшенъ великолѣпнымъ дворцомъ Папскимъ и палатами вельможъ: это Квиринальскій, продолженіе горы Пинчіо, которая особенно славится свѣжестію своего воздуха, въ лѣтніе болѣзненные дни для Рима; дворець резко отличаетъ этотъ

холмъ отъ прочихъ. Труднѣе разглядѣть отсель холмъ Виминальскій, отрасль Квиринала, не обозначенный никакимъ особеннымъ зданіемъ; но вотъ Эсквилинскій, увѣнчанный великолѣпною базиликою Св. Маріи, и простиравшійся до самой колонны Траяновой. Императоръ срылъ часть его, чтобы очистить мѣсто для своего форума, и высота колонны означаетъ сколько было снесено земли, исполнскою волею Кесаря. Дальній соборъ Латеранскій указываетъ вамъ на вершину четвертаго холма, Целійскаго, болѣе отлогого и пространнаго изъ всѣхъ; а вотъ царственный Палатинъ, первое гнѣздо Ромула и жилище всѣхъ Кесарей, круто вырастаетъ, какъ островъ, на площади Римской; огромное кольцо Колизея служитъ центромъ сихъ трехъ холмовъ, и позади Палатина представляется двурогій Авентинъ обрывающійся къ Тибру; онъ довершаетъ собою седмиричное число холмовъ, начатое Капитоліемъ и столь громкое во вселенной.»

Насладившись выпренимъ эрблищемъ Рима, былого и сущаго, мы сошли съ вѣче-

вой башни Капитолія, которой мѣдный го-
 лось возвѣщаетъ только смерть Первосвя-
 щенниковъ. Такъ сильно дѣйствуетъ въ
 самомъ упадкѣ великое имя, что одна лишь
 уединенная колокольня сія, въ цѣломъ Ри-
 мѣ, имѣетъ голосъ въ его народныхъ и
 церковныхъ событіяхъ, какъ будто бы еще
 доселѣ истекали судьбы вселенной изъ
 Капитолія, и самый Ватиканъ не могъ
 одолѣть старыхъ правъ его и привычекъ.
 Съ площади поднялись мы по широкимъ
 ступенямъ, въ обитель Францисканскую,
 главную всего ордена нищенствующихъ бра-
 тій въ Римѣ, которые замѣнили тамъ жре-
 цовъ Громовержца. Какое странное сближе-
 ніе произвольнаго убожества съ божествомъ
 Капитолійскимъ! но это есть преимуществен-
 ная черта характера Римскаго, проливаю-
 щая столько оригинальности на этотъ чуд-
 ный городъ: тамъ одно воспоминаіе не
 смѣняетъ, но опрокидываетъ другое и ру-
 битъ его съ корня. Есть однако память ми-
 нувшаго, въ великолѣпномъ храмѣ иноковъ
 Францисканскихъ, который основанъ еще
 въ XI вѣкѣ, Венедиктинцами, и украшенъ

двадцатью двумя гранитными столбами, съ раззолоченнымъ потолокомъ, въ благодарность Дѣвѣ Маріи, за побѣду Лепантскую надъ флотомъ Оттоманскимъ. Тамъ, сверхъ безчисленныхъ приделовъ, которыми обставлена церковь съ обѣихъ сторонъ, показываютъ одинъ отдѣльный алтарь со стороны ризницы, собственно ага соелі, т. е. небесный жертвенникъ, потому что, по мѣстному преданію, здѣсь возвѣстила Сивилла, Кесарю Августу, рожденіе предвѣчнаго Младенца, во дни его державы, и это событіе изображено фресками на стѣнѣ Великодѣпная сѣнь украшаетъ престолъ сей, и онъ еще болѣе близокъ сердцу Христіанскому тѣмъ что, подъ его мраморною доскою, почиваютъ мощи Царицы Елены и двухъ другихъ святыхъ женъ. Когда и какъ перенесена была сюда равноапостольная Царица, я никогда не могъ распросить, потому что въ Римѣ равнодушны къ святынь мощей и указываютъ болѣе на украшения престоловъ и гробницъ.— Знаю что великолѣпный, порфиновый мавзолей Царицы, недавно былъ найденъ за

вратами Латеранскими, въ бывшей ея виллѣ и я видѣлъ его въ Ватиканъ; но давно ли здѣсь ея священныя останки?— мнѣ неизвѣстно. Когда спросилъ я, у нѣсколькихъ изъ монашествующихъ, о почивающихъ съ нею вмѣстѣ Святыхъ? — мнѣ отвѣчали только, что имена ихъ слишкомъ странны, дабы ихъ запомнить: и это невѣдѣніе общее, даже въ людяхъ образованныхъ. Священныхъ именъ сихъ нѣтъ въ путеводительныхъ книгахъ, они неизвѣстны никому изъ руководителей, которые съ такою опытностію рассказываютъ о древностяхъ языческихъ, и даже клирики тѣхъ церквей, гдѣ находится самая святыня, случайно только и всегда неудовлетворительно, отвѣчаютъ на такого рода вопросы.

Ближайшимъ предметомъ нашего вниманія, былъ Музей Капитолійскій, начатый Климентомъ XII и оконченный Піемъ VII. Не стану описывать всѣхъ замѣчательныхъ древностей, которыми онъ преисполненъ, но скажу только нѣсколько словъ о тѣхъ, какія наиболѣе меня поразили. Первая представилась мнѣ, на срединѣ двора, ко-

колоссальная статуя Океана, известная въ Римъ подъ именемъ Марфоріо, и переговаривающаяся, шутками народными на счетъ правительства, съ обломками другой статуи Менелая, которая стоитъ у дворца Браски и называется Пасквиномъ. Народъ Римскій сохранилъ еще много вольности духа, которому должно полагать слабое его духовное управленіе, и потому, какъ только явится какая либо новая мѣра ему неприятная, сейчасъ являются и пасквили, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, которые прилепляють то къ Марфоріо, то къ Пасквину; такимъ образомъ Океанъ и Менелай, чрезъ столько вѣковъ, явились опять на сцену, и какъ дѣйствующія лица разыгрываютъ, вмѣсто народа Римскаго, драматическую сатиру странныхъ его отношеній къ своему духовному Владыкѣ. Еще двѣ колоссальныя статуи, Марса, изящнаго по своей бронѣ, и Геркулеса, привлекли мое вниманіе въ нижней галлерей, равно какъ и пышный саркофагъ Александра Севера, поставленный въ отдельной залѣ и весь изваянный ратными подвигами Иліады, лучшаго

рѣзца; а по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, ведущей въ верхній ярусъ, замѣчательны мраморныя плиты, съ чертежемъ древняго Рима, найденныя около форума, въ капищѣ Ромула и Рема.

Верхняя галлерей славится своими бронзами и бюстами боговъ и героевъ: тамъ и знаменитая ваза Митридата, найденная въ морѣ, около Анціо, и тотъ изящный мозаикъ, съ четырьмя голубями, который изъ виллы Адриановой перешелъ во всю палату вельможъ западныхъ; величественный бюстъ Юпитера господствуетъ надъ сонмомъ боговъ ему подвластныхъ. Изящны и барельефы слѣдующей залы, которая носитъ названіе Императорской, потому что въ ней, хорошо знающій Римскую исторію, можетъ повторить ее въ лицахъ и ознакомиться со всѣми ея Кесарями, даже до отступника Юліана. Посрединѣ сидитъ царственная Агриппина, но не мать Нерона а Калигулы, супруга Германика. Здѣсь есть бюсты Нерона, въ малолѣтствѣ и въ зрѣломъ возрастѣ, и неистойвой Мессалины, и безумнаго Клавдія, и трехъ изверговъ

Тиверія, Калигулы и Коммода, опозоривших собою человечество и Римскую державу, вмѣстѣ съ ваяніями иныхъ болѣе достойныхъ Императоровъ. Любопытно слѣдовать за постепеннымъ развитіемъ страстей, на повторенныхъ ликахъ Нерона, и разгадывать характеръ каждаго Кесаря, въ его посмертномъ обликѣ, который не всегда выражаетъ господствующее его стремленіе. Ликъ Августа есть какъ бы слѣпокъ съ Наполеонова; образъ юнаго Марка-Аврелия выражаетъ его душевную красоту, и сохраняетъ выраженіе сіе въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Грубое сладострастіе въ чертахъ Нерона, суровость на лицѣ Адріана; Траянъ грубый воинъ; отвратительны Клавдій, Тиверій и Юліанъ, но молодость Калигулы скрываетъ его звѣрство: можно обмануться и въ Неронѣ.

Другая зала, философовъ и поэтовъ, можетъ представить тоже занимательное изслѣдованіе ихъ генія любознательному; еще двѣ залы наполнены остатками древняго искусства, которое похитила у времени и сохранила, въ нѣдрахъ своихъ, Римская зе-

мля; младенецъ Геркулесъ, раненная Амазонка и плачущая Гекуба, богъ молчанія, и два играющіе отрока, невольно останавливать всякаго и неопытнаго въ искусствѣ; но всего поразительнѣе знаменитый Фавнъ, виллы Адриановой, изъ краснаго порфира, который болѣе не употребляется теперь для ваянія.— Последняя зала посвящена одному изящному произведенію, которое господствуетъ надъ всеми его окружающими, хотя въ числѣ ихъ и славный Антвонъ Капитолійскій и Ликійскій Аполлонъ и другой Фавиъ, вышедшій живымъ изъ подъ рѣзца Праксителява. Кто не слыхалъ о умирающемъ Гладіаторѣ, этомъ дивномъ выраженіи смертной борьбы, въ мужественномъ тѣлѣ, съ насильственно исторгаемою жизнію? и можно ли еще сказать что либо о немъ, послѣ вдохновенныхъ строкъ Байрона, который уловилъ последнее дыханіе и мысли окаменѣвшаго гладіатора.

«Гладіатора я вижу предъ собою, лежитъ онъ опершись на руку: его мужественное чело согласно на смерть, но побораетъ муку, и склоненная глава постепенно

но опускается долу; сквозь пронзенное ребро его, тихо капают, изъ багровой язвы, послѣднія капли крови и тяжело падаютъ на землю, одна за другою, какъ перья капли дождя передъ грозой; и вотъ, въ глазахъ его, уже плаваешь кругомъ него арена: онъ угасъ прежде, нежели замолкъ безчеловѣчный вопль, во славу столь же несчастнаго его побѣдителя!

«Онъ еще слышитъ вопль и уже не обращаетъ на него вниманія; глаза его тамъ, гдѣ и сердце, а оно далеко; не радить онъ о жизни, которую не цѣнитъ и утратилъ; но его послѣдняя мысль блуждаетъ, въ его дикой Дунайской хижинѣ, гдѣ играютъ маленькіе варвары, его дѣти, и гдѣ съ ними ихъ Дакіянка мать; а онъ, отецъ ихъ, зарѣзанъ для Римскаго торжества!—все это кипитъ въ немъ, вмѣстѣ съ его кровію. Какъ! и онъ умретъ, и безъ мести?—воспряньте Готы, и обрушьте гнѣвъ свой на Римъ!»

Какъ холодна послѣ Гладіатора чувственная Венера Капитолійская, столь далеко отошедшая отъ идеальной красоты

Медицейской, чуждой всего плотскаго, хотя и въ обнаженной красотѣ! Группа Амура и Психеи, заключаетъ собою каменный рядъ сихъ сокровищъ, въ которыхъ душа художника пробилась сквозь мраморъ и животворилъ рѣзецъ. — Остальныя залы опредѣлены для бюстовъ и портретовъ, новѣйшихъ знаменитостей Италіи, и я прошелъ ихъ безъ особаго вниманія. Краткость времени не позволила мнѣ, на сей разъ, заглянуть въ потивулежащій дворецъ Консерваторовъ или охранителей Римскихъ, гдѣ даютъ они расправу вмѣстѣ съ Сенаторомъ, въ дѣлахъ тяжбныхъ, будучи весьма ограничены властію. — Онъ весь расписанъ по стѣнамъ, воинскими подвигами древняго Рима, приличными памяти Капитолія, хотя и не своевременными нынѣшнему его состоянію; и тамъ есть драгоцѣнные остатки древности: изваяніе волчицы: воздвигшей Ромула и Рема, современное почти его началу. Но первое сокровище дворца сего картинная галлерей, собранная Папою Венедиктомъ XIV, гдѣ находятся произведенія лучшихъ художни-

ковъ, хотя она и уступаетъ Ватиканской, составленной изъ однихъ первостепенныхъ образцевъ. Мы успѣли заглянуть однако на внутренній дворъ, гдѣ сохраняются двѣ подлинныя статуи, Юлія Кесаря и Августа, вмѣстѣ съ другими обломками колоссальныхъ статуй, и колонна ростральная, слѣпленная изъ носовъ корабельныхъ, въ память первой морской побѣды, одержанной Римлянами надъ Карфагеномъ.

Тогда поднялись мы на скалу Тарпейскую, по величественной лѣстницѣ, противоположащей восходу на Ага соелі, къ тому мѣсту, гдѣ стояла древняя крѣпость или вышгородъ Рима, съ храмомъ Юпитера Феретрійскаго, любителя доспѣховъ царскихъ. Самую скалу Тарпейскую, гдѣ бился съ Галлами Манлій, и отколъ былъ свергнуть наравнѣ съ прочими преступниками, надобно искать въ огородъ больницы Прусской, и бѣдная женщина намъ ее указала за мелкую монету: — опять гуси могутъ спасти Римъ, до такой степени возвратился онъ къ своему древнему убожеству! Обрывъ скалы еще видѣнъ и разливается въсотою

съ фасадомъ церкви Богоматери Утѣшенія, стоящей у ея подножія. — На полороу возвышалась высота скалы, еще имѣющей до 50 футовъ, и обманутый громкимъ ея именемъ, мѣловью спроситъ: «а где же скала?» потому что здѣсь особенно трудно вообразить, себя древнюю славу Капитолія. Но за то какой очаровательный видъ; на минувшее величіе Рима, открывается съ сего народнаго мѣста казни: весь форумъ обставленный пустынными столбами и обломками капищъ; базилика Константинова, зіющая пустою своихъ аркъ, и царственный Палатинъ въ вѣнцѣ киварисовъ, съ вратами давнозабутыхъ триумфовъ, и вѣчный Колизей, вслѣдній ратоборецъ Рима, съ сокрушающимъ его временемъ, какъ бы исполняскій гладиаторъ, умирающій на своей аренѣ; а за нимъ отерки Христіанскаго Рима, въ чюдныхъ базиликахъ, и голубой горизонтъ Сабинскій; вблизи же, какъ бы подъ самою стѣною, желтый Тибръ, подмывающій холмъ Авентинскій, а за нимъ пустыня, съ близкою Павла и расщепленными оазисами деревь и расвалищъ.

Мы продолжали и на слѣдующій день обзорнѣе древностей языческихъ, и начали опять съ Капитолія, чтобы не прерывать послѣдовательной нити. Два спуска существуютъ и донынѣ, по обѣимъ сторонамъ дворца сенаторскаго, съ бывшаго Палладиума вселенной, на форумъ, гдѣ рѣшалась судьбы ея: одинъ для пѣшиходовъ, недалеко отъ древнихъ Гемоній, или лѣстницы стоновъ, такъ названной по воплямъ свергаемыхъ преступниковъ, лежитъ по направлению триумфальной стези побѣдителей (*clivus viatorum*); — Рядъ имъ смежны были торжество и казнь, свидѣтелемъ Манлій! Другой спускъ, для конныхъ и колесницъ, но уже не побѣдныхъ, захватываетъ также часть стези, которая вела ко храму Юпитера Капитолійскаго, и прилеженъ, безотчетно, сквозь славные обломки минувшаго, не пощаженные ни временемъ, ни людьми. По этому спуску медленно сошли мы въ сердце форума, останавливаясь на каждомъ почти шагу, чтобы обнять мыслями и взоромъ весь его мраморные остовы; — они стоятъ какъ рядъ привидѣній, или какъ об-

назначены трупы, истомленные въ смертной борьбѣ своей, надъ которыми варварская рука нашла всю свою ярость, на полѣ битвы: Готѣ Аларикъ, и Вавдалъ Гензерикъ, и другой Готѣ Тотилла, одинъ за другимъ, святотатно коснулись заветныхъ памятниковъ форума, и пять столбѣй снустя довершили его опустошеніе дерзкій Норманнъ Робертъ, пришедшій спасать Папу Григорія VII, отъ проклятаго имъ Кесаря. Съ тѣхъ поръ опустѣвшая площадь форума сдѣлалась мѣстомъ, куда сносили всякій соръ, изъ новаго города, и оттого была она такъ глубоко замытана землею.

Нынѣшнему Первосвященнику Рима, обязанъ форумъ своимъ открытіемъ, потому что онъ освободилъ древніе столбы храмовъ Юпитера и Сатурна, отъ ихъ земляныхъ оковъ, и отрывъ основанія другихъ капищъ, на томъ же тѣсномъ пространствѣ, которое заключается между стѣною Капитолія и терасою спуска. Мы взобрали, изъ подъ арии сей терасъ, въ это заветное полукружіе, и я изумился множеству обломковъ, соединенныхъ въ одну историческую

грудю! Здесь и восемь Ионических столбовъ храма Сатурнова, посреди коего видны остатки другаго зданія уже среднихъ вѣковъ, и рядомъ съ нимъ, подъ самую терасою, недавно открытій храмъ согласныхъ боговъ (*Dii consenti*), т. е. двѣнадцати главныхъ божествъ Олимпа, бодрствовавшихъ о судьбѣ всемірной столицы; — можно бы возобновить обрушенное капище, собравъ все уцѣлѣвшія, хотя и опрокинутыя его колонны и архитравы. Здесь и бывшая школа Кассіева, подъ стѣною Капитолійскою, гдѣ нотаріи республики записывали рѣшенія Сената, и три Коринтскія стройныя колонны, однѣ устоявшія отъ храма Громовержца, который былъ сооруженъ Августомъ, ради спасенія отъ его громовъ; а подлѣ него сохранился помостъ храма Фортуны или Согласія, гдѣ собирався Сенатъ. Кадуцей Меркуріевъ, изсѣченный на камень, опредѣлилъ названіе капища; видно и мѣсто алтаря, на коемъ приносились жертвы за спасеніе республики, и тотъ узкій простѣнокъ, куда ежегодно приходили Весталки, бросать выметен-

ный ими соръ изъ храма. Сколько огромныхъ воспоминаній перемѣшано съ домашними обрядами Римскаго колосса! Вотъ и полукружіе древней каѳедры (rostra) или лобнаго мѣста, отколъ гремѣлъ краснорѣчивый голосъ Цицерона, а подлѣ мѣсто, гдѣ стояли кліенты или осужденные, иногда же и плѣнные Цари Востока, ожидавшіе рѣшенія своей участи отъ великаго народа.

Вотъ наконецъ триумфальная арка Императора Септима Севера, съ которой сынъ его Каракалла стеръ имя убиеннаго имъ брата, соучастника торжествъ. Здѣсь пролегала стезя побѣдителей въ Капитоліи (via sacra); путеводитель мой указалъ мнѣ каменные плиты ея, еще изрытыя слѣдомъ колесницъ, между капищами Юпитера и Сатурна, т. е. высочайшаго могущества и всесокрушающаго времени! — Въ ту минуту, когда погруженный въ созерцаніе миновашаго, устремилъ я взоръ свой на этотъ истертый путь славы Римской, запечатлѣнный кровію цѣлой вселенной, внезапно раздался надо мною топотъ копытъ. Я под-

нялъ голову: эскадронъ конницы Пап-
 ской, въ своихъ мѣдныхъ шлемахъ, на
 статныхъ коняхъ, пронесся по крутой те-
 расѣ на вершину Капитолія, и хотя столь-
 же огромно разстояніе между сими драгу-
 нами и старыми легионами Рима, какво
 оно между Папами и Кесарями, но это воин-
 ское явленіе, посреди развалинъ и воспо-
 минаній о древнихъ триумфахъ, было по-
 разительно. Пробудился мертвый Капитолій,
 на этотъ знакомый гулъ отозвалась камен-
 ная его площадь, съ своимъ мѣднымъ всад-
 никомъ, какъ будтобы самъ Маркъ Аврелій
 пропуская, мимо себя, побѣдныя войска
 свои. Изъ нижнихъ оконъ древняго та-
 буларія, обращеннаго въ темницу, показа-
 лись на форумъ страшныя лица преступни-
 ковъ; изъ верхнихъ же оконъ готическаго
 дворца сенатора Римскаго, надъ табулари-
 емъ, выглянула его домашняя прислуга:—
 и все это въ Капитоліѣ! все на форумѣ!
 Что за смѣшеніе лицъ и предметовъ, жал-
 кое и странное, но вмѣстѣ и назидатель-
 ное, потому что оно смиряетъ чловѣка,
 на лучшемъ поприщѣ его славы!

Этотъ старинный табуларій, съ надстроеннымъ надъ нимъ зданіемъ среднихъ временъ, которое имѣетъ видъ замка съ одной стороны и дворца съ другой, господствуетъ доселѣ надъ форумомъ и сторожить его своею вѣчевою башнею. Нынешнему Папѣ предлагали освободить табуларій, отъ безобразныхъ его пристроекъ, и дать ему прежній видъ, потому что еще весьма ясно обозначаются его аркады и пиластры; но Папа боится прикоснуться къ нижнему ярусу дворца сенаторскаго, чтобы не обрушилось зданіе Микель-Анжелла: а въ Римѣ, гдѣ все только держится великимъ именемъ, опасно всякое обновленіе. Что скажетъ народъ, если обрушится Капитолій или куполъ Св. Петра? не потрясется ли съ ними и могущество ихъ обладателя? Какую чудную и странную массу должна была однакоже представлять въ древности лицевая сторона Капитолія, вся обтѣпленная малыми храмами, отъ подошвы своей и до табуларія, какъ нѣкій колоссальный барельефъ, изваянный рукою столѣтій и увѣчанный, на двухъ

своихъ краяхъ, капищами обоихъ Юпитеровъ съ вышгородомъ! Но сія мраморная, роскошная страница славы и лѣтописи Римской, перевернута временемъ; теперь уже написана другая и обращена къ новому городу, а здѣсь осталось только какъ бы нѣсколько заглавныхъ буквъ, которыя еще не успѣло стереть время со старой скрижали, куда такъ много было вписано!

Но этимъ не кончаются памятники Форума, котораго самое пространство, еще не совершенно опредѣлено антикваріями: они, по произволу своей науки, сокращаютъ или расширяютъ древнее сборное мѣсто народа Римскаго. — По другую сторону спуска Капитолійскаго, но также въ окопанномъ пустырьѣ, стоитъ мраморная колонна, Коринтскаго ордена, воздвигнутая въ честь Императора Фоки, уже въ Христіанскія времена, по примѣру древнихъ колоннъ Форума, которыми республика прославляла своихъ великихъ мужей. Еще видны ихъ остатки и недавно открыты ступени обширной базилики Юлія Кесаря, около колонны Фоки. — Папа уже купилъ все это

мѣсто и частные дома его, чтобы раскопать основаніе базилики, и должно отдать полную справедливость его археологической ревности, которая сохранила и обрѣла столько древнихъ изящныхъ памятниковъ; но скудныя средства области Римской не позволяютъ ему дѣйствовать широкой рукой. Правительство Римское, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, само упустило изъ рукъ своихъ богатыя пособія, которыя предлагалъ ему вельможа Русскій, Демидовъ, поселившійся въ Римъ. Онъ хотѣлъ, на свое иждивеніе, открыть всѣ древности форума, и это былъ бы великодушный даръ всему просвѣщенному міру, потому что нашъ бояринъ не пожалѣлъ бы для сего никакихъ издержекъ. Но духовное правительство начало привязываться къ Французскимъ комедіямъ, которыя игрались на его домашнемъ театрѣ, и раадраженный онъ не только оставилъ свое благотворное предпріятіе, но даже и самый Римъ, чтобы переселиться во Флоренцію. А славно было бы для нашего отечества, чтобы Римскій форумъ открытъ былъ Русскимъ.

Не стану называть всѣхъ памятниковъ, которые нѣкогда его украшали и коихъ уже нѣтъ; но вотъ еще уцѣлѣвшіе остатки у подножія Палатина: три мраморные столба, принадлежавшіе посольской палатѣ, близъ древней курии Царя Туллія Гостилія, гдѣ вначалѣ собирався Сенатъ и бывали подлѣ Комиціи, или собранія народныя. Имя Грекостаса, или стоянія Грековъ, сохранилось колоннамъ, а напротивъ нихъ величественный портикъ, съ десятью мраморными колоннами храма Антонинова, сооруженнаго имъ въ честь своей супруги Фавстины и теперь обращеннаго въ церковь. Вотъ еще одна замѣчательная черта нынѣшняго форума, который изъ поприща шумныхъ собраній народныхъ, обратился въ средніе вѣка въ рынокъ воловій (самро vassino), какъ бы въ патріархальныя времена Царя Эвандра, воспѣтаго Виргиліемъ: — онъ весь обставленъ церквами, какъ былъ нѣкогда капищами, и если можно сравнить великое съ малымъ, форумъ напомнилъ мнѣ дворіще Ярославле Новгорода, гдѣ столпилось столь-

ко церквей, около прежней его пещевой ба-
шни. Не отъ этой ли смѣжности происте-
кла и старинная пословица: «гласъ народа
гласъ Божій»? ибо на томъ же мѣстѣ, гдѣ
собирался народъ на молитву, чтобы слу-
шать гласъ Божій въ своихъ храмахъ, произ-
носилъ онъ и собственный судъ. Шестъ цер-
квей стоятъ теперь на самомъ форумѣ или
около него, и пять изъ нихъ даже рядомъ,
отъ темницы Мамертинской, у подошвы
Капитолія, до развалинъ базилики Констан-
тиновой; а напротивъ, у подножія Палати-
на и Грекостаса, стоитъ одинокая церковь
Маріи освободительницы.

Я сошелъ въ глубокую темницу Мамер-
тинскую, освященную преданіемъ о заклю-
ченіи въ ней обоихъ верховныхъ Апосто-
ловъ. Она въ два яруса, и нижній на-
сѣченъ въ скаль Капитолійской, еще во
дни Царя Сервія Туллія; въ него спуспа-
ли обреченныхъ на смерть чрезъ круглое
отверстіе помоста. Какими въковыми вздо-
хами спертъ былъ тяжелый воздухъ сего
подземелья! Гемонія или страшная дѣят-
ница стоновъ, но которой влечили некогда

преступниковъ, служила входомъ въ темницу, гдѣ удушены были сообщники Катилины, и свирѣпый временщикъ Тиверіа, и уморенъ голодомъ Нумидійскій Царь Югурта, и умерщвленъ послѣдній вождь Іудейскій, Симонъ, чтобы запечатлѣть триумфъ Тита. Но вотъ пришла благодатная вѣра Христова и поставила олтари свои внутри сего грознаго вертепа; первый свѣтъ пролить былъ въ немъ верховнымъ Апостоломъ, когда онъ тамъ окрестилъ двухъ своихъ стражей; на помостъ, гдѣ отдыхалъ, показываютъ слѣды его главы, и тайную дверь, откуда будто бы вышелъ на свободу, но возвратился добровольно. Хотя сіе событіе и засвидѣтельствовано преданіемъ, не достовѣрно однако, чтобы Апостоль могъ выдти изъ столь недоступной темницы, ибо не былъ онъ, на сей разъ, чудно изведенъ Ангеломъ, какъ въ Іерусалимъ отъ узъ Иродовыхъ. Скорѣе предполагать можно, что туда заключили его уже послѣ возвращенія, хотя, во время имперіи, темница Мамертинская болѣе предназначалась, для государственныхъ преступниковъ или цар-

ственныхъ плѣнниковъ державнаго Рима, посылаемыхъ имъ на казнь или въ заточеніе.

Рядомъ съ нею одна изъ древнѣйшихъ церквей Римскихъ, основанная на остаткахъ храма Марсова, которые еще видны въ ея подземельи, и можетъ быть по сходству имени была посвящена мученицѣ Мартинѣ. Папа Сикстъ V отдалъ ее сословію живописцевъ Римскихъ, которые образовали при ней свою Академію, и оттого дано ей было имя перваго Христіанскаго иконописца, Евангелиста Луки; самъ онъ изображенъ въ ней, дивною кистию Рафаила, пишущимъ икону Богоматери. Замѣчательнъ, роскошью своихъ украшеній, подземный придѣлъ, знаменитаго между новѣйшими живописцами Рима, Петра Кортоны, который избралъ себѣ тамъ мѣсто погребенія, какъ Рафаилъ въ Пантеонѣ; въ залахъ Академіи есть много оригинальныхъ, изящныхъ картинъ, лучшихъ художниковъ Италіи. — Не нарядна по своему зодчеству смѣжная церковь Св. Адріяна; сооруженная въ VII вѣкѣ Папою Оноріемъ, но въ ней хранятся поль пре-

столѣмъ мощи, перенесенныя изъ Царьграда, многихъ мучениковъ, въ томъ числѣ Адріяновы, а вѣроятно и его вѣрной супруги Наталіи. Роскошная колоннада храма Антонинова подавляетъ собою сѣднія церкви, хотя его внутреннее святилище не соответствуетъ красотѣ портика. Другое капище, Ромула и Рема, обращено было Папою Феликсомъ, дѣдомъ великаго Григорія, въ церковь святыхъ безсребренныхъ Космы и Даміана, коихъ мощи почиваютъ подъ престоломъ, а поверхъ его чудотворная икона Богоматери. Углубленіе горячаго мѣста за олтаремъ, отдѣленное перегородкою въ видѣ иконостаса, еще сохранило довольно древней мозаики во вкусѣ Латеранскихъ: изображенія, взятая изъ Апокалипсиса, съ ликомъ верховныхъ Апостоловъ, приводящихъ къ Господу обонхъ Безсребренныхъ; а передняя часть храма удержала, отъ времени языческихъ, свою сферическую форму, и рука времени будто бы ее не коснулась.

Обширная, подуразбитая базилика Мира или Константинава, зідетъ своею пустотою,

на подлежащей ей пустырь форума и на развалины Палатина. Последний Кесарь языческий соорудил ее, но Сенатъ украсил здание именемъ его побѣдителя. Можно судить, по величественнымъ остаткамъ, о бывшей красотѣ базилики, гдѣ еще ясно видно древнее устройство сихъ общенародныхъ зданій, съ тройнымъ раздѣленіемъ оныхъ и возвышеніемъ мѣста судейскаго: ибо базилики служили судилищною палатою, для совершенія всякаго рода актовъ, предъ лицомъ правительства, и для суда уголовнаго; имя царственное Василевса, втораго архонта Аѳинскаго, который рѣшалъ ихъ, сообщилось и зданіямъ судебнымъ. Когда же Христіанская вѣра сдѣлалась внезапно господствующею, Константинъ и его ревностные преемники посвѣщали обратить ихъ въ святилища, потому что они благопріятствовали богослуженію, своею обширностію и внутреннимъ устройствомъ: возвышенное мѣсто судей послужило для алтаря, середина церкви отдѣлилась и украсилась боковыми колоннами, а самое преддверіе базиликъ оказалось нужнымъ для

кающихся и оглашенныхъ. Такимъ образомъ все первоначальныя церкви удержали названіе базиликъ, и послѣдующія стали строить по ихъ образцу. Въ Константиновой еще видны основанія исполинскихъ столбовъ ея, но самыя столбы уже не существуютъ: послѣдній перенесенъ былъ, Папою Павломъ V, предъ врата базилики Св. Маріи; но еще довольно сохранилась сѣверная часть зданія, съ четырегранными изваяніями на сводахъ; ибо сюда перенесена была кафедра судейская, когда открыли новый входъ въ базилику со стороны Палатина.

Грустное чувство наполнить душу, если изъ подъ колоссальныхъ развалинъ, посмотреть на окрестныя памятники, лишенныя ихъ прежней славы, и на теперешнюю пустоту сего мѣста, нѣкогда самаго многлюднаго въ Римѣ. Длинная аллея тянется мимо Палатина, отъ форума къ вратамъ Титовымъ, по направленію славнаго пути триумфаторовъ, и вдоль этой аллеи протянуты канаты, которые мирно плетутся надъ древней стезею славы.— Тутъ же Римскіе ковачи бьютъ молотомъ, но

своимъ ручнымъ наковальнямъ, свободно занимаясь такимъ смиреннымъ ремесломъ, на томъ великомъ поприщѣ, гдѣ некогда Римъ заковалъ въ цѣпи свои вселенную! Мимо его проходятъ только одни любопытные, большею частію иностранцы, чтобы подивиться роскоши окрестныхъ развалимъ, которыя преимущественно стѣснились здѣсь, въ сердцѣ Рима, или является какая либо духовная процессія, коими такъ богата обнищавшая столица міра! И вотъ вамъ древній форумъ, и его народные клики, и великолѣпные триумфы: тутъ одно только непрерывное торжество времени падъ тѣмъ, что было!

Есть и еще церковь, Франциски Римской, у самыхъ воротъ Тита: это бывшее капище Венеры и Рима, въ исполинскихъ развѣрахъ сооруженное Кесаремъ Адріаномъ, въ виду Колизея, чтобы быть его достойнымъ; доселѣ видна широкая тераса главнаго портика и двѣ уцѣлѣвшія ниши двойнаго храма, тыломъ одна къ другой, гдѣ сидѣли колоссальныя статуи обѣихъ богинь. «Если встанутъ твои богини, то не пройдутъ въ двери,» сказалъ опытный зодчій

Аполлодоръ, царственному своему сопернику, и это смѣлое слово стоило ему жизни.

Мы остановились предъ вратами побѣдными Тита, и сердце мое дрогнуло при этомъ отрывкѣ ветхозавѣтнаго Іерусалима! И такъ вотъ послѣдняя мраморная скрижаль его, гдѣ рука побѣдителей изобразила событіе пророчествъ Моисеевыхъ, которыя сама невѣдомо исполнила, двѣ тысячи лѣтъ спустя! — Ужасъ объемлетъ, при созерцаніи таинственныхъ судебъ Божіихъ, надъ чуднымъ народомъ Израилевымъ. Здѣсь его послѣднее, уже не Вавилонское, но всемірное плѣненіе и посреди столькихъ обрушенныхъ памятниковъ Рима, этотъ стоитъ, какъ и самый народъ во свидѣтельство въкамъ грядущимъ! Двѣ языческія славы изображены, съ каждой стороны триумфальной арки, промежду уцѣлѣвшихъ столбовъ, подъ роскошно изваяннымъ архитравомъ, и даже сохранилась надпись фронтона, чтобы не ошибались въ назначеніи памятника: «Сенатъ и народъ Римскій соорудили побѣдныя врата сімъ божественнымъ Императорамъ Веспасіану и

Туда. На самомъ верху ихъ свода, обоготвореніе или апофеоза Тита, котораго уносятъ къ Олимпу орель Зевсовъ; съ лѣвой стороны, на внутренней стѣнѣ, триумфальная его шествіе на колесницѣ, которую ведетъ богиня Рима, а съ правой, — ахъ! это вселенная святилища Иерусалимская, которую несутъ побѣдители и сами пленники: слава скинии Синайской и Соломонова храма, всѣ его священные сосуды, и олтари каменный, и трубы замолкнувшихъ предместіи, и таинственный свѣщникъ о седми вѣтвяхъ, вѣчно горѣвшій предъ Святымъ Святымъ! Страшно и горько идти подъ эту, давѣтную арку, какъ бы на встрѣчу похищенной святилища и мысленно за нею слѣдовать въ Вавилонъ, и въ Римъ, и въ Африку, изъ разореннаго Вандалами Рима, и оттолъ въ Царьградъ, съ Велисаріемъ, и опять въ Иерусалимъ, куда посланы были священные сосуды Юстиніаномъ, и еще однажды, уже невозвратно, опять въ Вавилонскіе предѣлы Ходроя; — тамъ теряется ихъ слѣдъ! Весьма понятно, какъ дорого платили Римскіе Евреи, ищомъ слѣдующей обители, за пропускъ

чрезъ ихъ ограду, чтобы только миновать
 горькія для нихъ врата, потому что преж-
 де не было иного прохода на форумъ. Но
 взгляните, какая очаровательная и вмѣстѣ
 назидательная картина, рисуется на лазу-
 ревомъ небѣ Римскомъ, въ въ тѣсной рамѣ
 сихъ завѣтныхъ вратъ: обломокъ стѣны
 Колизея, сокрушеннаго зданія сокрушителя
 Иерусалимскаго, гдѣ пострадало столько
 Евреевъ и Христіанъ, и напротивъ его
 часть триумфальной арки Константина, на-
 память победы Христіанства надъ языче-
 ствомъ; а вдали, поверхъ кипарисовъ зрѣ-
 рища Домитіанова, голубая вершина Пан-
 лаціума, увѣчанная обителью на мѣсте
 капища! Такъ, ветхозавѣтныя врата Тито-
 вы, служатъ, какъ бы преддверіемъ къ
 новозавѣтному міру, возникшій на облом-
 кахъ Іудейства и язычества!

Направо отъ нихъ былъ древній пер-
 тикъ палатъ Кесаревыхъ, а теперь поды-
 мается крутая стезя, въ живописную вѣ-
 лу Мильсъ, на вершину пустыннаго Пала-
 тина. Прямо сквозь арку продолжается три-
 умфальная стезя побѣдителей, между раз-

валинами храма Адриянова и Нероновыхъ бань, мимо бывшего фонтана гладиаторовъ (meta sudans), къ вратамъ Константиновымъ. Они величественнѣе всѣхъ триумфальныхъ и лучше сохранились, съ роскошными изваяніями на своихъ сводахъ и по обѣимъ сторонамъ торжественной арки. Но здѣсь изображены подвиги не Константиновы, а Траяновы; его побѣда надъ Даками и Парфиянами, съ ихъ плѣнными царями, вмѣсто Кариатидъ, потому что врата сіи были сооружены въ честь Траяна и стояли на его форумѣ подлѣ колонны; но Сенатъ велѣлъ перенести ихъ сюда послѣ побѣды Константина надъ Максентіемъ. Весьма замѣтенъ упадокъ искусства, въ новыхъ ваяніяхъ, которыми хотѣли дополнить прежнія, чтобы удѣлить нѣсколько, отъ славы Траяновой, славы новаго побѣдителя.

Такъ, мало по малу, мы уже достигли самаго Колизея; но этотъ колоссъ занимаетъ только мѣсто, одного внутренняго пруда, въ необъятныхъ палатахъ Нерона, который былъ засыпанъ Титомъ, для сооруженія своего амфитеатра. Не напрасно

жаловался народъ Римскій, что Кесари вытѣснили его изъ города своими палатами, которыя раскинулись на три холма: Палатинскій, Эсквилинскій и Целийскій, и охватили собою все мезигорье. Въ центрѣ ихъ стоялъ бронзовый колоссъ Нерона, въ 120 футовъ высоты, напоминавшій кумирь Вавилонскій, съ лучами славы вокругъ главы Кесаревой, который можно было сдвинуть при Адрианѣ, только силою 24 слоновъ. Таково было безумное превозношеніе Императоровъ, величавшихъ себя богами на землѣ, которую почти всегда покидали насильственно. — Неронъ сжегъ Римъ, чтобы расширить мѣсто для золотыхъ палатъ своихъ, а Титъ долженъ былъ опрокинуть большую часть ихъ, чтобы удовлетворить ненависти народной противъ Нерона: онъ даже засыпалъ землею нижнюю часть великолѣпныхъ чертоговъ, на холмѣ Эсквилинскомъ, досель свидѣвшихъ, чтобы построятъ надъ ними свои знаменитыя бани, гдѣ Рафаэль повторилъ чудныя фрески, и найдены были Леонардо.

Безчисленные вортики, многія тысячи

колоннъ, ивѣлія рощи и поляны, водопроводы, риваліада и всевозможныя прихоты человѣческія, заключались въ сихъ необытнѣхъ палатахъ, гдѣ въ раззолоченныхъ залахъ, обливаемыхъ амврсеіей и дождемъ изъ цѣлѣвъ, стояли лучшія произведенія рѣзца Греческаго; безусловная покорность ивѣлой вселенной состязалась съ неодолимою волею, обоготворенныхъ заживо Кесарей, чтобы едва-ли ихъ царское жилище единственнымъ въ мірѣ, и вотъ пробылъ урочный часъ егѣ: рука Гетеовъ и Вандавовъ напѣсала, на сихъ Вавилонскихъ стѣнахъ, страшныя слова пиршества Валтасарова: «мані тенѣл, фарес,» ибо уже вѣнчанное было еіе всемірное царство, на дивныхъ вѣсахъ Провидѣнія, обрѣтено легкимъ и предано заустынію.

Я взошелъ на вершину холма Палатинскаго, на крайній обрывъ терасы Кесарей, которой гранитныя плиты едикъ уцѣлѣли, посреди хаоса палатъ, проросшихъ илющемъ и давилкой. — Вокругъ меня взгромождены были, какъ на отщепенномъ невеличкѣ, арки и полуарки, одни стоящія, другіе уже обру-

шенные; промежду нихъ роскошно цвѣли душистые кусты тамарина, воздушный садъ Вавилонскій, на развалинахъ другаго Вавилона!— И какіе обломки гремятъ, дикими своими массами, царственный холмъ, гдѣ вначалѣ помѣстился Ромулъ, со всемъ своимъ Римомъ, и вотомъ тѣсно стало однимъ его Кесарямъ? Здѣсь только часть золотого дворца Неронова, съ остатками его водопроводовъ и бань; вотъ каеэдра Кесарей, съ которой смотрѣли они на играща и ристанія; глубокій провалъ обозначаетъ внутренний инподромъ, между домомъ Нерона и домомъ Августа, по краямъ обростшіи кипарисами; а вѣнчанный циркъ — это вся широкая долина, между Палатинскимъ и Авентинскимъ холмами; самый Колизей, съ обломками Титовыхъ бань, былъ только продолженіемъ дворца Неронова, гдѣ этотъ звѣръ похвалялся, что наконецъ устроилъ себѣ жилище приличное человеку. А нынѣ остовъ Колизея противъ остова Палатина! Было здѣсь гдѣ разыграться жадному времени, въ дикую свою игру камешныхъ костей, и вотъ ему проигрался Римъ! Четы-

ре владыка вступили теперь въ дошедшее наследіе влaстителей всемошной. На средину его вторгся потомокъ Британцевъ, петараго предки потышали Кесарей, на гладіаторскихъ бояхъ Колізея, и онъ надменно поставилъ домъ свой, надъ домомъ Августа, гдѣ рывались судьбы всего міра; теперь это подземелье живописной вымы Милльсъ. Но духъ громаднаго разрушенія коснулся и человеческого существа: наследникъ Августа, разбитый параличемъ, самъ сидитъ какъ живая развалина, надъ мертвыми обломками, въ живописномъ саду своихъ кипарисовъ и акацій. — Король Неаполя, наследникъ Фарнезовъ, владѣетъ обширнѣйшею частію Палаatina, отъ храма Юпитера Статора, обращеннаго лицомъ къ Тибру, гдѣ жилъ Ромулъ, и до храма Августа, лицомъ къ форуму, гдѣ жили Тиберій и Калигула: отсюда перекинутъ сей безумецъ надменный мостъ свой въ Капитолій, чрезъ весь пантеонъ древняго форума. Тутъ были также, и баня Діанн, и бібліотека Августа, и храмъ Аполлона, воросній теперь огородамъ; самый дворецъ

Фарнезовъ, стоить пышно обруженный Павло Павломъ III, представляеть нынѣ вторую державную развалину, которая была достойна увѣщать собою первую. Изъ подъ его величественнаго крыльца, гдѣ таится прохладный гротъ, на подобіе Римскихъ Нимфъ, доезъ слышится шумъ фонтана, неутомкающаго предъ сою двойною развалиною, какъ хохотъ времени надъ обшми! Убогіе сыны нищелюбиваго Франциска взошли въ пышный притворъ налать Кесаревыхъ и прирыли Христіанскою церковю, древнее нечестіе святотатныхъ чуртеговъ. Врата Тита и Константина, у подножія царственнаго хойма, обозначили собою претяженіе ихъ скромнаго участка. Наконецъ болѣе уцѣлвшіе остатки золотого дворца, по праву принадлежатъ нынѣшнему властителю Рима, какъ преемнику Кесарей въ обладаніи ихъ столицей, который носитъ и громкое титуло великаго Понтифика.

Я стоить на восточномъ краю терасы и, восхищеннымъ взоромъ, читалъ вокругъ себя лѣтопись Рима, на каменныхъ скрижаляхъ ея обрушенныхъ памятниковъ и

на голубой хартин горь, его обвѣвающей древними именами народовъ: Маніума, которые стерты нѣтъ съ лица земли. — Съ лѣвой стороны тянулся живописный хребтъ Сабинскихъ горь, кое гдѣ острѣншій снѣжною вершиною Авениновъ, и на этомъ лазуревомъ грунть, исполненскими очертаньями рисовался Колизей, самъ какъ нѣкій холмъ, оторванный землетрясеніемъ отъ родной цѣпи горь. — Отъ его подошвы поднималась на высоту другаго, уже настоящаго холма Целійскаго, темная зелень садовъ звучнаго церковной церкви Юанна и Павла, «надъ бывшимъ звѣриницею императора Домитіана и храмомъ Клавдія, который соорудила мать Нерона въ честь умерщвленнаго его супруга. При стеченіи столѣтій умаслилъ именъ, не знаешь, гдѣ лучше указать нѣсто звѣриница: въ подземныхъ ли вертепахъ, въ которыхъ содержались хищные звѣри Африки для игривъ или поворотъ земли, гдѣ стояли палаты тѣхъ, которые терзали мучениковъ Христіанскихъ?» Арка Консула Долабеллы и соборъ Латранскій обозначали себою вершину холма, а за нѣю

ни кончался и дальній хребет Сабинскій. Другая голубая завѣса, гористаго Лаціума, растянута была по ясному Римскому небу, для очерка иныхъ классическихъ образовъ сего чуднаго амфитеатра. — Круглая церковь Св. Стефана, одна изъ древнѣйшихъ, съ зеленою виллою Маттеи и ближнею обителью Св. Папы Григорія, гдѣ сей великій пастырь питалъ нищихъ, представлялись на первомъ планѣ картины. Правѣ ихъ склонился отлогій холмъ Целія, къ болѣе обрывистымъ высотамъ Авентина, а позади ихъ живописныя вершины Лаціума, устьяныя виллами Фраскати и Альбано, сбѣгали голубыми волнами въ безконечную равнину Римскую, какъ бы въ иссохшее русло отступившаго моря, и на пустынныхъ поляхъ еще блистали серебристая лента, оставленной нынѣ дороги Аппія, и коегдѣ Тибръ.

Но въ роскошномъ междугорьи, Целія и Авентина, великолѣпно возставали посреди садовъ, огромныя развалины Каракалловыхъ термъ и разбитыя стѣны древней ограды Авреліановой, кругомъ всемирной столицы, — черта долго завѣтная и на-

конецъ прорванная потокомъ варварскихъ народовъ. Аларикъ, в Тотилла, и Гензерикъ переступили чрезъ нее, одинъ за другимъ, исполнскою стопою, и духомъ истребленія дохнули на Римъ. То же страшное вѣянiе смерти стерло съ лица его и этотъ необъятный циркъ, который тянулся, каменными своими ступенями, между Палатиномъ и Авентиномъ. Облака праха, досель воздымаемая по его древнему поприщу, мимотекущими конями, вотъ все, что напоминаетъ нынѣ славныя его ристанiя. Сокрушенный Палатинъ съ ужасомъ открылъ надъ нимъ каменная уста своихъ развалинъ и нѣтъ въ нихъ слова! А по ту сторону великаго цирка, болѣе Христіанскій Авентинъ подымаетъ двойное чело свое, уклячашное пятно обителями. На сквозь зеленой ложбины, его раздѣляющей, явдается опять мертвая пустыня Римская, убѣгающая далеко за небосклонъ, какъ необходимое зеркало, въ которое смотрится теперь великій городъ и видѣть, что онъ мертвъ! . . .

ПИСЬМО VIII.

Авентинъ, базилика Св. Павла.

Древности языческія посещалъ я съ антиваріемъ, древности же Христіанскія благосклонно согласился показать мнѣ ученый и любезный аббатъ Ж*, который самъ о нихъ пишетъ и уже издалъ въ свѣтъ свою прекрасную книгу: «очерки Христіанскаго Рима». Съ такимъ руководителемъ пріятно и полезно было посещать святыню Римскую, и такъ какъ сердце мое влекло меня, послѣ поклошенія гробу верховнаго Петра, въ пустынную обгорѣвшую базилику верховнаго Павла, то мы направили къ ней

первое наше странствіе; но дорогою посетили уединенный холмъ Авентинскій, съ его двумя обителями Св. Савины и Алексія человека Божія, и рядомъ съ ними Приорагъ Мальтійскій. Доминиканскій монастырь Св. Савины, гдѣ хранятся, подъ алтаремъ великоколѣнной церкви, останки мученицы Визской, драгоцененъ на своемъ воспоминаніи для западныхъ, потому что здѣсь было такъ сказать первое гнѣздо орака на нихъ проповѣдниковъ. Здѣсь десцава сѧ основатель ихъ Доминикъ, которому Папа Онорій III уступилъ сію обитель, и еще неказываютъ его некое, теперь обращенныя въ церковь. Напротивъ нея другая, гдѣ жилъ Пана Пій V, и въ того же мѣсяца дѣна и также причтенный къ святымъ Римскихъ. Но смотря на то однакоже обитель сѧ кажется не въ весьма цѣлѣтущемъ состояніи, сколько я могъ судить изъ разговора Испанскаго инокца бывшаго извѣнныя волатамы, потому что туда привезли многіе германники и протѣнныя монастырей Испанія. Бѣдность одалывается и усиливается въ Римѣ. Для насъ обит-

гель сія на представляеть ничего близкаго сердцу. Я заглянулъ на внутрешній дворъ ея, обставленный сотнею мраморныхъ древнихъ колоннъ, полюбовался съ балкона на Тибръ, текущей подъ горою и на живописный видъ за-Тибрской части города, около ея пристани, съ куполомъ Св. Петра и дальнею горою Маріо, на краю картины, и поспѣшилъ въ сосѣдную обитель челоувѣка Божія, которую теперь содержитъ орденъ Кармелитовъ.

Кому неизвѣстно трогательное житіе, сего чуднаго сына богатѣйшаго изъ вельможъ Римскихъ, который предпочелъ славу родительской убогое по Богу житіе! - Испрошенный въ молитвахъ, долго бездѣтствовавшею матерію, онъ самъ воздалъ собою Божіи даръ Господу, его даровавшему, и въ самую ночь, брачнаго невольнаго своего торжества, скрылся изъ дома отеческаго, оставивъ невѣсть своей обручальный перстень и неизсякаемыя слезы. Долго укрывался онъ въ Едессѣ, никѣмъ непознанный, доколь не просіяла слава его добродѣтелей; убѣгая молвы людской, хотѣлъ

онъ отплыть; въ одной провинци Сардинской въ Килликю, на родину Павлову; по буря съмше-воспавшая, приехала его въ безответную родину, въ домъ отеческій на Ассизтинъ, который уже семнадцать лѣтъ покинулъ, и во все сіе время тщетно брани о немъ посылалъ его родители. И вотъ, при вратахъ дома, онъ встрѣчаетъ своего сына своего Евмениана, уже маститаго старика обремененнаго годами и поталико слышавъ се славою возвращавшагося изъ излечь царскихъ, отъ совѣта Кесаря Ошоріана; мечеть его; ради страннаго сына, отпустилъ много далеко, дать ему иному работѣ принесть въ сызны его дома. — Тронувъ любою мольбою сердце боярина; онъ велѣлъ своимъ домашнимъ дать ему краину, и много дѣлать всякъ нужнымъ, но казнь озабочился надзирать за исполненіемъ своего приказанія, и въ теченіи семнадцати лѣтъ; блаженный Алексій, у порога родителскихъ, терпѣлъ всякія поруганія въ работѣ своей и домашней; непрестанно злился стеланіемъ платочней о немъ матеріи и похвалы, въ нѣтъ высокой снѣдана . . .

Настало время его преставленія; Кесарь Оворій и Папа Иннокентій, извѣщены въ храмъ тайнымъ гласомъ, что праведникъ кончается въ столицѣ, и имъ указанъ самый домъ боярина; онъ же не въдаетъ сокровища родственнаго и духовнаго, которое у него таилось семнадцать лѣтъ, и спрашиваетъ изумленный, у своихъ домашнихъ, кто можетъ быть сей праведникъ? Одинъ изъ нихъ напомнилъ ему о странникѣ, и къ его убогой хижинѣ идетъ онъ, съ Царемъ и Патріархомъ; но уже его нѣтъ въ живыхъ: душа чловѣка Божія посѣщила въ небесный домъ свой изъ земнаго; только въ сжатой его рукѣ свитокъ, и охладѣвшая ни для кого не разжимается, кромѣ Святителя, — что же въ этомъ свиткѣ? Ахъ, ослѣпленный отецъ! тутъ вся повесть о твоёмъ укрывшемся отъ тебя сынѣ, котораго ты не умѣлъ распознать, подъ собственнымъ своимъ кровомъ, потому что пренебрегъ нищимъ, хотя и далъ ему приютъ, но не такъ какъ бы самому Христу! Плачь въ домъ боярина; прибѣгаетъ мать, прибѣгаетъ невѣста, и съ горькими

слезами узнають сына и супруга. въ чело-
вѣкъ Божиѣмъ, заранее отречемся: отъ
накъ и отъ всего мірскаго.

Взойдите въ церковь, и вотъ, на левой
сторонѣ се входа, какъ бы въ сѣняхъ отечест-
скихъ, лежатъ человекъ Божій, въ томъ убо-
гомъ образѣ, въ какомъ спомчался на солому,
изваянный изъ мрамора, и надъ нимъ, въ
сто сѣни, уцѣлѣвшій остатокъ самой ласки
ищущи родительскихъ чортоговъ, подъ шаде-
рою спасался. Хотя это только подобіе, но
оно говоритъ сердцу, потому что живое серд-
цу самое событіе, обличая въ воображеніи
разстояніе въколъ уже давно протеншакъ.
Мнѣ случалось быть тамъ, въ самый день
памяти человека Божія. Подъ главнымъ ол-
таремъ церкви, хранится блаженное тело
Алексія, съ другими мощами мученика Ва-
нифатія и Агланды, бывшей его госпожи.
Утопая долго въ наслажденіяхъ чувствен-
ныхъ, она внезапно опомнилась, и молотъ
сего ближняго раба своего на Востокъ, дѣтъ
горло, тогда во всей силѣ гоненія Діокле-
тіанова, чтобы донести себя, на мою заветъ,
цѣли дѣло. оставши мученичество и охранить

себя ихъ святынею. «Что если тебѣ привезутъ мои мощи?» сказалъ ей прощаясь Вонифатій, не подозрѣвая, что легкое его слово было пророчествомъ, ибо когда, пришедши въ столицу Діоклитіанову, увидѣлъ онъ разнообразныя мученія вѣрныхъ послѣдователей Христовыхъ, — тронутый ихъ терзніемъ, онъ самъ исповѣдалъ Господа Іисуса, предъ лицомъ мучителей, и сподобился вѣнца мученическаго. Священные его останки перенесены были въ Римъ и, съ должнымъ уваженіемъ, приняла ихъ утвердившаяся въ вѣрѣ Аглаида, почтивъ бывшаго раба, какъ своего владыку. Съ правой стороны отъ алтаря, на стѣнѣ храма, чувствуется древняя икона Богоматери Эдесской, почти черная, со звѣздами на чель и раменахъ, которую принесъ съ Востока, въ десятомъ столѣтіи, Митрополитъ Дамасскій Сергій, изгнанный оттоль Сарацинами. — Папа Венедиктъ VII, изъ сильнаго дома Графовъ Тускуланскихъ, долгое время обладавшихъ Римомъ, какъ своею собственностію, призрѣлъ пришельца Сирійскаго и уступилъ обитель сію инокамъ Восточнымъ,

которые содержали ее едва ли на до преставленъ походовъ: это свидѣтельствуеъ о продолженіи общенія, Церкви Западной съ Восточною, еще долгое время послѣ Патриарховъ Фотія и Керуларія.

Подлѣ обители человека Божія, Приоратъ Мальдійскій, который принадлежалъ также дому боярина и составлялъ потомъ одну обитель съ Алексіевою. Прежде нежели войти во врата ея, вамъ должно посмотретьъ сквозь отверстіе замка, гдѣ вставляется ключъ, во внутренность сада, и вы увидите, на концѣ длинной аллеи лавровъ, куполь Св. Петра, какъ бы нарочно вставленный въ ея средину. Очаровательный видъ открывается на Тибръ, съ цветущей терасы, которая виситъ надъ крутымъ обрывомъ скалы Авентинской, гдѣ была пещера баснословнаго исполина Какуса, убитаго Геркулесомъ. Совершенно желтая рѣка быстро течетъ, отъ большой набережной (*gira grande*) въ пустыню, и покрыта судами: рыбаки съѣтъ приводятъ въ движеніе ея мутныя воды; обширная больница Архангела Михаила тянется вдоль на-

бережной и, надъ массою своеправныхъ зданийъ, фонтанъ Павловъ вѣнчаетъ вершину Яникула, а въ право, отовсюду видимый куполъ Св. Петра, невольно увлекаетъ взоры своею исполинскою красотою. Мы прошли чрезъ церковь Пріората, гдѣ почиваютъ Великіе Магистры, Пріоры и рыцари Іерусалимскіе, изваянные въ ратной бронѣ, каждый поверхъ своего гроба: тихъ былъ воинскій отдыхъ сихъ древнихъ защитниковъ Св. града, которые водрузили хоругвь свою, посреди пучины Средиземной, на скалахъ дикой Мальты. Нѣчто родное, Палестинское, обвѣяло меня въ рыцарскомъ храмѣ, когда я проходилъ мимо, и вотъ цѣлая пустыня, уже не Сирійская, но Римская, во всемъ своемъ царственномъ величїи, раскрылась передо мною съ другой терасы Пріората, нависшей надъ самою окраиною Авентина. Одинъ только Тибръ по ней бродитъ, какъ заблудшій странникъ, ищущій себѣ пути въ иную пустыню широкихъ волнъ, и теряется по направленію Остин. На берегу его одиноко подымается уцѣлѣвшій фронтонъ базилики Павловой,

которая достойна своимъ величьемъ окружающей ее пустыни, усыянной развалинами во блѣдному лицу. Вездѣ видны остатки давно-минувшаго, но чего то огромнаго, которое уже люди будто не въ силахъ повторить: вотъ исполинская ограда Аврелиянова, съ полуобвалившимися бойницами, склоняется къ Тибру, и въ ея объемъ цѣлая гора обломковъ (monte testacio); насыпь черепковъ, постепенно возросшихъ въ высокую гору, еще со временъ Римскихъ, и которую увѣнчало крестомъ благочестіе Христіанъ. Все здѣсь говоритъ о смерти, и люди съ ихъ дѣянiями, и пустыня, все изгладившая подъ свой могильный уровень! но я любилъ смотреть въ лице этой пустыни, какъ бы въ лице челоуѣку, — въ ней много думъ! Тутъ же, около погребальной пирамиды вельможи языческаго Каія Цестія, есть и Христіанское кладбище, близкое нашему сердцу, потому что тамъ Церковь Англиканская пріютила у себя нашихъ усопшихъ, которымъ Римская жестоко отказала въ участіе священной земли, какъ недостойнымъ; она забыла тѣсныя узы родства,

которыя связывали некогда Церковь Западную съ Восточною. Много тутъ съверныхъ розъ, поблекшихъ подъ жаркимъ дыханіемъ юга, и много увядшихъ надеждъ родительскихъ, временно успокоилось между другихъ цвѣтущихъ розъ, чуждой для насъ усыпальницы, доколь родная рука не перенесла милаго праха въ родную землю, подъ сѣнь отечественныхъ храмовъ. Такъ широко, во всѣхъ его видахъ, развилось предо мною могильное заустыніе, съ уединенной терасы рыцарскаго Приората!

Этотъ очаровательный уголокъ Авентина, гдѣ долго было пристанище славнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго, принадлежитъ теперь Кардиналу государственному секретарю, и тамъ проводитъ онъ иногда нѣсколько весеннихъ дней, въ цвѣтущемъ саду лавровъ и померанцевъ, кипарисовъ и дозъ; вотъ какъ измѣнилась рыцарская слава! Если же, съ вершины Авентина, и особенно отъ воротъ Сабинской обители, посмотрѣть на другую часть холма, отдаленную оврагомъ, то и тамъ представляется взорамъ церкви; ближайшая Св. Саввы Освя-

иеннаго, бывшая долго жилищемъ Грече-
 скихъ иноковъ, которая, вмѣстѣ съ други-
 ми обителями имъ принадлежавшими, сви-
 дѣтельствуеть, какими обширными правами
 пользовались они въ Римѣ: теперь она въ
 рукахъ Іезуитовъ и пуста. За нею также
 существующая церковь Св. Приски, гдѣ по
 преданію жилъ нѣкоторое время Апостоль
 Петръ, въ бывшемъ домѣ Аквилы и При-
 скиллы. Мы спустились отъ Приората, ми-
 мимо кладбища Англиканскаго и Русскаго, и
 зявкали во врата Павловы, которымъ да-
 ло это названіе базилика. Подлѣ самой
 пирамиды Цестія, вдвинутой въ городскія
 станы, пролегаетъ пустынная дорога въ
 Остію, обставленная также древними гроб-
 ницами, по обѣимъ сторонамъ; ибо Римля-
 ве любили по смерти такое сближеніе съ
 мимоходящими, дабы жить въ ихъ памяти.
 Малая церковь Апостоловъ стоитъ на до-
 рогѣ и преданіе говоритъ: будто бы здѣсь
 простились, другъ съ другомъ, оба верхов-
 ные, когда разлучили ихъ для совершенія
 казни: одного, какъ Еврея, повели на Яни-
 куль, гдѣ жили Евреи, а другаго, какъ

гражданина Римскаго, за городъ, по направлению Остин.

Тамъ, гдѣ дорога въ Остію стѣснилась, между нависшею скалою и берегомъ Тибра, и гдѣ некогда благочестивая матрона Римская, Луцина, погребла на своей землѣ мученическое тѣло Апостола, сооружена была великолѣпная базилика, усердіемъ Императора Константина; пятнадцать столѣтій простояла она невредимо до нашихъ временъ, доколѣ буря огненная не опустошила сего роскошнаго памятника первыхъ вѣковъ Христіанства; онъ опять возникаетъ изъ пепла по древнему образцу своему, хотя и не въ прежней красѣ, ибо нѣтъ уже драгоценныхъ колоннъ, и кто положить на него священную печать старины! Но сокровище мощей Апостольскихъ еще тутъ, подъ престоломъ, надъ которымъ сохранилась самая сѣнь, посреди пламеннаго моря, и сего довольно для сердца Христіанина. Не могу дать себѣ яснаго отчета: почему слаше было моему сердцу, молиться надъ гробомъ Павловымъ, нежели надъ гробомъ Петровымъ, хотя оба равно вер-

ковныя? Оттого ли, что тамъ великолѣпная базилика, исполинскою своею красою, отвлекаетъ вниманіе отъ подземнаго святилища? здѣсь же напротивъ, самое разрушеніе храма и окрестная пустыня, располагаютъ сердце къ молитвѣ? Или, быть можетъ, потому что, именемъ Петровымъ, обыкновенно вооружаются противъ насъ Римляне, дабы сказать намъ много горькаго и себѣ исключительно его присвоить, когда, напротивъ того, имя Павлово, не возбуждаетъ никакихъ прѣвій? Или наконецъ онъ дѣйствительно ближе нашему сердцу, какъ Апостоль собственно язычникомъ, къ числу коихъ мы всѣ принадлежали, тогда какъ Петръ былъ Апостоломъ Евреевъ, ибо такъ раздѣлили они между собою вселенную въ Іерусалимѣ, съ согласіемъ прочихъ Апостоловъ, которые видѣли, что Евангеліе свыше было вверено Павлу для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ, и подали на то, въ знакъ согласія, руку. (Галат. II. 7. 9.)

Ахъ! и не мое только грѣшное сердце, было проникнуто сею любовію къ Апосто-

лу языковъ; но и тотъ, чьи златыя уста объяснили намъ его божественныя посланія, такъ какъ бы самъ Павелъ внушалъ ему вдохновенныя рѣчи, великій Златоустъ ничего не желалъ столько, какъ поклониться святынь мощей Павловыхъ! — и да будетъ мнѣ позволено, вмѣсто моихъ слабыхъ словъ и неосвященныхъ чувствъ, излить здѣсь его сладкія рѣчи, которыя утѣшительно пришли мнѣ на память, когда поклонялся я гробу Апостола:

«Кто же будетъ молиться о насъ, послѣ того, какъ Павелъ отошелъ отъ насъ? — подражатели Павловы! сдѣлаемся только достойными сего ходатайства, дабы не злѣсь только слышать голосъ Павловъ, но и тамъ удостоиться видѣть Христова подвижника. Или лучше сказать: ежели здѣсь будемъ слушать его, то безъ сомнѣнія и тамъ его узримъ; и если не будемъ къ нему близки, по крайней мѣрѣ издали его увидимъ во всемъ блескѣ, у Царскаго престола: гдѣ славословятъ Херувимы, гдѣ парятъ Серафимы, тамъ увидимъ Павла съ Петромъ, какъ главнаго и верховнаго. въ

ликъ Святыхъ, и тамъ вполнѣ насладимся его любовію. Ибо, ежели въ этой жизни столько любилъ онъ людей, что при всемъ желаніи разрѣшиться и быть со Христомъ, почиталъ нужнымъ еще оставаться во плоти (Фил. 1, 23): то тѣмъ болѣе пламенную любовь онъ тамъ покажетъ. За это я люблю и Римъ; хотя можно хвалить въ немъ многое, его обширность, древность, красоту, многолюдство, могущество, богатство, воинскія доблести; но я оставляю все сіе, и прославляю его за то лишь, что Павелъ при жизни своей расположенъ былъ къ Римлянамъ, любилъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними лично, и жизнь свою окончилъ въ Римъ, и этимъ городъ сей болѣе значить, нежели всѣмъ прочимъ. Подобно великому и крѣпкому тѣлу, имѣетъ Римъ два свѣтлыя ока, — тѣла обоихъ святыхъ Апостоловъ. Не такъ блистательно небо, когда солнце разливаетъ лучи свои, какъ блистателемъ Римскій городъ, озаряющій весь концы вселенной сими двумя свѣтилами; оттолъ восхитенъ будетъ Павелъ, оттолъ Петръ! Помыслите и содрогнитесь!

какое зрѣлище представится для Рима, когда Павелъ и Петръ возстанутъ тамъ изъ своихъ гробовъ, и будутъ восхищены во стрѣтеніе Христу! Какую розу подноситъ Римъ Христу, какіе два вѣнца украшаютъ сей городъ, какія золотыя цѣпи его опоясываютъ, какими обладаетъ онъ источниками! Вотъ чему удивляюсь я въ Римѣ, не множеству золота, не колоннамъ или прочимъ украшеніямъ, но симъ столпамъ Церкви!

«Кто дастъ мнѣ нынѣ прикоснуться къ Павлову тѣлу, прильнуть ко гробу и увидѣть прахъ сего тѣла, которое восполнило на себѣ лишеніе скорбей Христовыхъ, носило язвы Христовы, повсюду посѣяло проповѣдь! — Прахъ тѣла, въ которомъ Павелъ обтекъ вселенную! прахъ тѣла, чрезъ которое вѣщаль Христосъ, и сіялъ свѣтъ блистательнѣе всякой молніи, и гремѣлъ гласъ, для демоновъ ужаснѣе всякаго грома; чрезъ которое изрекъ Павелъ сіи вожделѣнныя слова: «я хотѣлъ быть отлученнымъ ради моихъ братьевъ» (Римл. IX. 3); чрезъ которое говорилъ онъ предъ Царями и не

стыдился; мы же познали Павла, и самого Владыку Павлова. Божии демоны трепетали одевая его, то тьма наче его гласа; этот голос додиг ихъ связанныхъ ми, очистилъ вселенную, прекращалъ бодланн, изгонялъ пороки, вселялъ истину; въ этомъ голосѣ присутствовалъ самъ Христосъ и всюду съ нами явствовалъ. Голосъ Павловъ былъ то же, что Херувимы; какъ восхваляетъ Христосъ на небесныхъ синахъ, такъ восхвалялъ и на языкъ Павловомъ; и подлинно достоинъ былъ принять на себя Христа этотъ языкъ, вѣщающій только угодное Христу и, подобно Серафимамъ, дарившій на неизреченную высоту; ибо что можетъ быть вышеприве сего гласа, когда вѣщала онь; я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начальства, ни власти, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь, не можетъ насъ отлучить отъ любви Божіей, во Исусъ Христъ Господь нашъ!» (Рим. VIII. 38 и 39).
 Сколько ты думаешь крылъ, сколько очей было у агаго гласа? Я бы жельми видѣти

прахъ этихъ устъ, чрезъ которыя Христосъ изглагогалъ великия и неизреченныя тайны, даже большія тѣхъ, какія Самъ возвѣстилъ; чрезъ которыя Духъ далъ вселенной дивныя свои провѣщанія. Чего не совершили благія уста Павловы? изгоняли бесовъ, отпускали грѣхи, заграждали уста мучителямъ, связывали языкъ философамъ, привели вселенную къ Богу, убедили варваровъ быть любезнудрыми, преобразовали все на землѣ и, по собственному изволенію, измѣняли видъ самаго неба, потому что Павелъ, по данной ему власти, влезалъ и разрѣшалъ тамъ, кого хотѣлъ.

Я бы желалъ видѣть прахъ не только устъ, но и сердца Павлова, которое можно, не погрѣшая, назвать сердцемъ вселенной, источникомъ тысячи благъ, началомъ и стѣіею нашей жизни! Изъ этого сердца разливался на все духъ жизни, и передавался членамъ Христовымъ, будучи сообщаемъ, не посредствомъ жила, но посредствомъ благихъ желаній; это сердце было такъ пространно, что вмѣщало въ себя цѣлые города, племена и народы. «Распростра-

лось сердце наше» (2 Кор. VI. 11); говорить Апостолъ Коринтянамъ; «однакоже и это, столь пространное сердце, нередко сжимала и сокращала расширяющая оное любовь, какъ имъ же оныя говорилъ Павелъ: «когда великаго прискорбїи и стѣсненнаго сердца писалъ я къ вамъ письмо сіе» (2 Кор. II. 4).. Я желалъ бы видѣть разрывшешееся это сердце, которое сгорало о каждомъ изъ погибавшихъ, вторично случилось бѣдзнами рожденїи о чадахъ, родившихся несовершенными, которое видѣть Бога; ибо сказано: «что чистые сердцемъ Бога узрятъ», которое сдѣлалось жертвою; «ибо жертва Богу духъ сокрушенъ» (Плачъ XIV. 19); сердце которое источило рыи, какъ сказано: «изъ чрева его потекутъ рыи воды живої» (Иоан. III. 30). Въ этомъ сердцѣ были источникъ, текущїй и наполняющїй не лице земли, но человѣчскїи души; изъ него, ночь и день, истекали не простыя рыи; но источникъ слезъ; оно жило невою; а не навою жизнью: «И уже не я живу, но живетъ во мнѣ» Христосъ» (Гал. II. 20); говорилъ Павелъ; и какъ

сердце его было Христовымъ сердцемъ, скриваемо Дука Святаго, ни чѣмъ благодати. За чужіе грѣхи оно трепетало; «боюсь,» говоритъ Апостолъ, «не напрасно ли я за васъ трудился» (Гал. IV. 11), «чтобы мнѣ, по прішествіи моемъ, не найти васъ такими, какими я желаю» (2 Кор. XII. 20). А за себя оно боялось и однакоже имѣло дерзновеніе: «боюсь,» говоритъ Апостолъ, «дабы проповѣдуя другимъ, самому не сдѣлаться недостойнымъ» (1 Кор. IX. 27); но онъ увѣромъ также: «что ни Ангелы, ни начальства, не могутъ отлучить его отъ любви Божіей» (Римл. VIII. 38). Оно удостоилось такъ вселюбить Христа, какъ не любилъ никто другой; оно презрѣло смерть и гонимую, но сокрушалось о братѣ ихъ слезахъ. «Что вы дѣлаете,» говоритъ Апостолъ, «за чѣмъ вы плачете, и разстрагиваете мое сердце?» (Дѣян. XXI. 13). Это сердце было самое терпѣливое и однакоже не вытерпѣло и краткаго времени, когда Фессалоникійцы были въ опасности отъ варягъ.

Я бы желалъ видѣть прахъ его рукъ,

бывшихъ въ узахъ, рукъ, чрезъ возложеніе
 крѣпъ Павелъ преподавалъ Духа, и кото-
 рыми написалъ онъ сіи писмена: «смотрите,
 какъ я много написалъ вамъ своею рукою»
 (Гал. VI. 11.) и еще: «цѣлованіе моею ру-
 кою Павлею» (1. Кор. XVI, 21); прахъ этихъ
 рукъ, которыя увидѣвъ эхида, упала въ
 огонь. Я бы желалъ видѣть и прахъ очей,
 которыя не напрасно потеряли зрѣніе, и про-
 зрѣли во спасеніе вселенной, еще въ тѣхъ
 удостоившись видѣть Христа; которыя ви-
 дѣли земное и не видали; созерцали незри-
 мое, не знали сна; бодрствовали среди но-
 чей, не терпѣли того, что дѣлаютъ зависти-
 ники. Я желалъ бы видѣть прахъ Павло-
 выхъ ногъ, обтекшихъ вселенную и не утруж-
 давшихся, ногъ, которыя были забиты
 въ колоду, когда поколебалась темница,
 которыя обогли обитаемую в необитае-
 мую землю, и многократно по ней ну-
 тешествовали. (Дѣян. XVI. 24, 26). Но
 для чего говорить пороки? Я бы желалъ
 видѣть гробъ, въ которомъ положены ору-
 жія правды, оружіе свѣта, члены нынѣ
 живые, но мертвые тогда, какъ Павелъ

находился въ живыхъ, члены въ которыхъ жилъ Христосъ, члены Христовы, распятыя миру, во Христа облеченные, храмъ Духа, святое зданіе, связанное Духомъ; члены пригвожденные страхомъ Божиимъ, носящіе на себѣ язвы Христовы. Павлово тѣло ограждаетъ собою Римъ; оно надежнѣе всякаго укрѣпленія и тысячи окововъ: а съ нимъ и тѣло Петрово; ибо Павелъ почиталъ Петра еще при жизни, и потому благодать соединила его и по смерти съ Петромъ, подъ единымъ кровомъ.

«Размысливъ все сіе, будемъ мужественны: и Павелъ былъ человекъ одинаковой съ нами природы, и все было у него общее съ нами. Но поелику явилъ онъ великую любовь ко Христу, то взошелъ прѣвыше небесъ, и сталъ съ Ангелами. Если же и мы захотимъ хотя нѣсколько вознестись надъ землею и возжечь въ себѣ тотъ же огонь, то и мы возможемъ подражать святому Апостолу. А если бы это было не возможно, то не восклицалъ бы Павелъ: «подражайте мнѣ, какъ я Христу.» (1 Кор. IV. 16). И такъ не дивитъ-

ся ему только будемъ, но и подражать ему; дабы по отшествіи отсюда, удостоиться намъ его увидѣть, и участвовать въ его неизрѣченной славъ, которую дай Богъ получить всемъ намъ, по благодати и чело-вѣколюбію Господа нашего Иисуса Христа; съ которымъ отцу, и вмѣстѣ Святому Ду-ху, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ.» (Толк. Св. Злат. на по-сланіе Римлянамъ).

Когда утѣшилось сердце мое, молитвен-нымъ изліяніемъ надъ гробомъ Апостола, я обратилъ вниманіе на окружающіе меня предметы и прежде всего на самый гробъ и престолъ; сквозь малое надъ нимъ отвер-стіе видны, при свѣтѣ лампы, гранитныя плиты четверугольной гробницы Апостоль-ской, еще времянь Константиновыхъ, съ надписью: «Павлу Апостолу и Мученику.» Бѣлая мраморная доска престола спасена была отъ пламени и, что весьма замѣча-тельно, уцѣлѣла надъ нимъ и: Византій-ская сѣнь среднихъ вѣковъ, которая хотя и кажется малою, въ сравненіи съ обшир-ностію зданія, не была однако обновлена,

при воссозданіи храма, изъ уваженія къ осму чудесному сохраненію. Со стороны горняго мѣста, восходятъ на ступени олтара, какъ и во всѣхъ базиликахъ: а съ западной его стороны спускаются къ гробницѣ блаженнаго мученика Тимофея, но только, какъ мнѣ говорили, не ученика Павлова. Я не могъ дознаться, какого имени Тимофея погребены остатки такъ близко отъ Апостольскихъ; кто могъ быть къ нему ближе, какъ не его духовное чадо, поставленное имъ Епископомъ въ Ефесѣ? Тамъ же положены мощи и другихъ мучениковъ, перенесенныя изъ прежней подземной капеллы главнаго олтара: Іуліана, отрока Цельса, Василиссы и Мартіаниллы, никому невѣдомая. Стараніемъ нынѣшняго Папы, не смотря на денежные недостатки Римской области, уже окончена и освящена главная часть огромной базилики, которая такъ бѣдственно и мечално пострадала отъ пожара, въ Іюль 1823 года, и можно сказать, бѣдствіе сіе свело во гробъ благочестиваго Пія VII, вознеднаго изъ ея мирной сѣни на престолъ царскій. Пламенно же-

заетъ Григоріи XVI довершитъ при себѣ новую базилику, чтобы отпраздновать въ ней юбилей, и почтенный старецъ вполне заслуживаетъ такое утѣшеніе, по своей ревности къ ея обновленію. Но не смотря на мраморъ, облекающій весь стѣны новаго храма, и на огромность обѣихъ крылъ его, новизна сія и самый блескъ мрамора производятъ грустное впечатлѣніе, потому что, вмѣсто желанной древности и священнаго сумрака, которые такъ отрадны въ старинныхъ святилищахъ, здѣсь все дышетъ обновленіемъ, и стукъ работы слышится, за временною стѣною, которая отдѣляетъ уже готовую часть храма отъ не готовой. Надъ горнимъ мѣстомъ сохранилась однако древняя мозаика: Спаситель съдящій, съ евангеліемъ въ рукахъ, въ коемъ начертано: «приидите благословеніи Отца моего.» Папа Опоріи III, давній обновитель храма, весь въ бѣломъ и въ умаленномъ видѣ, цѣлуетъ ногу Господа. По сторонамъ его Апостолы Петръ, Андрей, Павелъ и Лука, съ надписями ихъ именъ, и пальмы по краямъ. Въ углахъ арки, что надъ гор-

нимъ мѣстомъ, Вожія Матерь и Претеча, и еще другой обновитель храма Св. Папа Девъ, тоже въ маломъ видѣ, тутъ же и символы Евангелистовъ Матеея и Іоанна; а на противоположной аркѣ, въ углахъ, опять верховные Апостолы съ символами другихъ Евангелистовъ, и поверкъ арки 24 старца Апокалипсиса, съ надписью, что Императрица Евдокія была обновительницею сего храма.

Кафедра папская стоитъ въ углубленнѣ горняго мѣста; и хотя я не видалъ его служенія въ базиликѣ Павловой, но полагаю, что размѣры ея, болѣе Петровой, благопріятствуютъ священнодѣйствию Папы. Придѣлу Св. тайнъ, который съ правой стороны горняго мѣста, соответствуетъ другой, гдѣ хранится на престолѣ рѣзное распятіе, весьма уважаемое, и древнее изваяніе Апостола Павла. Есть еще одинъ боковой придѣлъ уцѣлѣвшій отъ пожара; со стороны двора церковнаго, называемый Мартирионъ, потому что на сводахъ его изображены лики всехъ святыхъ мучениковъ, коихъ части находятся подъ различными

престолами базилики. Монастырь Венедиктинскихъ иноковъ къ ней примыкаетъ, и весьма замѣчателенъ внутренній дворъ его, во вкусъ Византійскомъ, съ легкими аркадами и мраморными витыми столбами: какъ видно такіе дворы были принадлежностію всѣхъ базиликъ. Тамъ еще хранятся изъ которые обломки памятниковъ прежняго собора, и въ особенномъ покоѣ, нуда однако я не могъ проникнуть, собраны портреты всѣхъ Епископовъ Римскихъ, первыхъ пяти столѣтій, писанные фрескою по волю Св. Папы Льва великаго; они сохранились во время пожара, хотя и прежде много имъ повредило время.

Осмотрѣвъ то что уцѣлѣло, или уже обновлено въ базиликѣ, мы взяли въ ту обширную ея часть, которая еще отдѣляется со стороны фронтона, и носить на себѣ до сихъ поръ яркіе слѣды нечаяннаго пожара. Внѣшній при дворѣ, сохранился, хотя в оборудѣ, и есмь нѣтъ предъ нимъ четвероугольнаго обычнаго двора, называемаго расми въ древнихъ базиликаехъ, но крайней мѣрѣ нѣтъ в тогѣ тамъ сего пор-

тика, которымъ въ новѣйшія времена испортили въ Римъ преддверія всѣхъ базиликъ, исключая Лаврентіевой и Павловой. Двухъ ярусный, остроконечный фронтонъ, поддерживаемый довольно низкими столбами и пиластрами, осыпаетъ какъ щитъ, главный входъ въ святилище, внутри коего представляется взорамъ цѣлый лѣсъ бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, числомъ до осмидесяти, въ четыре ряда, соединенныхъ между собою легкими аркадами; а вместо сводовъ, или потолка, были и опять будутъ одни только кедровые стропилы, какъ въ соборъ Визелеемскомъ; ибо такъ прежде строились базилики весьма изящныя по своимъ формамъ. Павлова имѣла то неоцѣненное достоинство, что она совершенно сохранила первобытный видъ свой; его желаютъ удержать и въ новомъ храмѣ, но есть не замѣнимая ничѣмъ утрата; какъ ни изящны, своею отдѣлкою и даже чистотою мрамора, нынѣшніе Коринтскіе столбы, они ни могутъ сравниться съ тѣми чудными колоннами, зеленого мрамора, которыя составляли лучшее укра-

шею базилики и рассыпался въ пламени пожара. Такого мрамора уже нельзя больше найти, оттого что Римлянамъ были доступны каменоломни Азии и Африки, которыя теперь въ рукахъ варварскихъ, и они не щадили ни какихъ издержекъ, чтобы перевести ихъ въ свою всемірную столицу, для украшенія капищъ, а капища уступили ихъ Христіанскимъ святилищамъ. Однако шесть великолѣпныхъ столбовъ, желтаго прозрачнаго мрамора, называемаго Восточнымъ алебастромъ, будетъ украшать базилику.

Достоинно вниманія, что сей мраморъ прислалъ въ подарокъ Первосвященнику Римскому, Магометанскій обладатель Египта. Мегеметь Али - Паша, конечно не по усердію къ святынямъ, но въ знакъ политической пріязни, которая довольно странна между Епископомъ и Пашею, хотя и со всѣмъ надобно быть въ мірѣ, по духу Христіанскому. — Но вотъ другое впечатлѣніе, совершенно иного рода, весьма тяжкое для души, которое оставляетъ по себѣ новая базилика, если посвятить ее не въ праздничные дни: — вмѣсто золота и пурпуры

конхъ не слышно было, при строеніи древняго Соломонова храма, раздается, по всему пространству обширнаго зданія, и звукъ цѣпей тяжело влачимыхъ по камнямъ, потому что его строятъ колодники, осужденные на галеры. — Не ужели мало рукъ благочестивыхъ, чтобы соорудить святилище? Я понимаю, что и отъ иновѣрцевъ можно принимать дары, для его украшенія, но чтобы употреблять, для зданія Божія, отверженныхъ міромъ преступниковъ, это слишкомъ не благоговѣнно, и я это только видѣлъ въ Римѣ, гдѣ какъ видно не достаетъ средствъ, для найма обыкновенныхъ работниковъ. Въмѣсто молитвъ и благословеній, сколько клятвъ и богохульствъ падаетъ на основные камни святилища, съ горькими слезами отчаянія а не покаянія! Прочна ли, прилична ли такая основа храму? и какъ можетъ освящать его, съ покойнымъ духомъ, Первосвященникъ Римскій? ибо онъ вмѣстѣ и державный владѣтель, по волѣ коего работаютъ и влачатъ свои цѣпи преступные строители новаго храма! О блаженный Апостоль, ты кото-

рый самъ носилъ узы, но только за Господа Иисуса! хотѣлъ ли бы ты такихъ ужасныхъ строителей, для мѣста земнаго своего упокоенія?

Помню однажды, я вѣхалъ верхомъ къ пустынной базиликѣ, потому что сердце часто влекло меня ко гробу Апостола языковъ; но драгуны Римскіе остановили лошадь мою, на далекомъ разстояніи отъ храма. Изумленный, спросилъ я о причинѣ такого поступка, потому что прежде всегда можно было подвѣзжать къ самому крыльцу. «Развѣ вы не видите, отвѣчали мнѣ, что тамъ стоитъ теперь вся толпа колодниковъ, ожидая начала работъ? можно ли отвѣчать, что въ ту минуту, какъ вы сойдете съ лошади, кто нибудь изъ отчаянныхъ не бросится на нее, или на лошадь вашего берейтера, и не ускачетъ въ пустыню.»—Я повиновался и оставилъ лошадей подлѣ стражи; когда же взошелъ въ церковь, гдѣ стоялъ одинъ только часовой, и простерся на землю предъ гробомъ Апостольскимъ, — мнѣ послышалось сперва издали, а потомъ все ближе и громче, бряцаніе цѣпей подвигав-

шихся къ алтарю: это были колодники, свободно гулявшіе по храму предъ начатіемъ работъ. Признаюсь, что вспомнивъ предостереженіе драгуновъ, я не совсѣмъ спокойно оставался еще нѣсколько минутъ у престола, чтобы не дать имъ замѣтить тайнаго моего чувства, и хотя прошелъ тихими шагами промежду нихъ, но былъ очень доволенъ, когда дошелъ до дверей, у которыхъ стоялъ часовой, на большомъ разстояніи отъ престола. Съ тѣхъ поръ старался я избирать, для посѣщенія храма, дни воскресные, чтобы не развлекаться столь неприятнымъ чувствомъ.

Отъ мѣста погребенія Апостольскаго, мы продолжали путь нашъ далѣе, къ такъ называемымъ тремъ фонтанамъ, гдѣ воспріялъ мученическую кончину Св. Павелъ, какъ самъ о ней выговорилъ въ своемъ трогательномъ посланіи: «меня уже приносятъ въ жертву, и время моего отшествія наступило: подвигомъ добрымъ я подвизался, поприще окончилъ, вѣру сохранилъ, и теперь ожидаетъ меня вѣнецъ правды, который

дать мнѣ Господь, праведный Судія, въ оный день, и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе его. При первомъ моемъ отвѣтѣ никого не было со мною, но всѣ меня оставили, — да не вѣднётся имъ! Господь же предсталъ мнѣ и укрѣпилъ меня, дабы проповѣдь моя вполне совершилась, и услышали всѣ язычники, и я избавился изъ львиныхъ челюстей. Господь избавилъ меня отъ всякаго дѣла злаго и сохранить для своего небеснаго царствія: ему слава во вѣки аминь.» (II Тим. гл. IV. ст. 6, 7, 8, 16, 17, 18). Можетъ быть есть еще одна причина, почему въ Римѣ отраднѣе слѣдовать за Апостоломъ Павломъ, нежели за Петромъ, и въ тотъ домъ, гдѣ онъ имѣлъ жилище, и на мѣсто его мученія, и даже до самаго гроба: это происходитъ оттого, что пребываніе его въ столицѣ языческаго міра засвидѣтельствовано, книгою дѣяній и собственными его посланіями; о посѣщеніи же Рима, Петромъ, мы имѣемъ только одно мѣстное преданіе и лѣтописи, хотя и приемлемыя за достоверныя, но не могущія сравниться, силою

свидѣтельство, съ богодохновенными писаніями Новаго Завѣта, каковы Павловы и тѣ, что о Павлѣ.

На половинѣ дороги, между базиликою и тремя фонтанами, открывается, съ вершины холма, видѣ на Римъ, и на Тибръ бѣгущій къ Остіи, и на окрестную пустыню, и на дальнія горы; оттолѣ видно, въ углубленіи малой лощины, и уединенное мѣсто истязанія Павлова, съ тремя пустынными церквами. Оно оставлено, отъ вредныхъ испареній *malagia*, которыя зараждаютъ тамъ губительныя лихорадки, и только два монаха Францисканскіе, принадлежащіе къ монастырю Св. Севастіана, что надъ катакомбами, посылаются еженедѣльно на стражу и для богослуженія въ опустѣвшихъ святилищахъ. А нѣкогда тутъ была обширная обитель Венедиктинская, основанная Карломъ Великимъ, во имя мучениковъ Анастасія и Викентія, гдѣ жилъ и знаменитый Бернадъ, проповѣдникъ крестовыхъ походовъ, когда посѣщаль ученика своего Папу Евгенія III. Обширная церковь, оставленная по своей сырости,

еще сохраняет слѣды прежняго великолѣпія, и на столбахъ ея видны полустертые фрески, лики Апостоловъ, писанные кистію Рафаэля. И такъ, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, она еще была въ цвѣтушемъ состояніи, а теперь въ совершенномъ запускѣ. На верху другая церковь, гдѣ бываетъ ежедневная служба, во имя мученика Палестинскаго, Анастасія Персіянина, который добровольно предалъ себя на муки, во время опустошенія Іерусалима Царемъ Персидскимъ Хозроемъ. Св. мощи его перенесены были крестonosцами, изъ обители Св. Саввы, съ костями другихъ мучениковъ, здѣсь же хранящимися, и тутъ надъ алтаремъ показываютъ древнюю, современную мученику, икону его, на которую ссылались Отцы седьмаго вселенскаго собора, во свидѣтельство давняго обычая Церкви, чествовать святыхъ иконы. Грустно было смотрѣть, въ какомъ забвеніи находилась такая святыня, и слѣдовать за инокомъ, какъ бы за призракомъ, обитающимъ въ брошенной обители, по всѣмъ заламъ, переходамъ и келліямъ сего огромнаго некогда аббатства,

въ которомъ всѣ окна безъ рамъ, двери закладены, а широкіе дворы поросли густою травою.

Подлѣ опустѣвшей обители стоитъ другая оставленная церковь, во имя мученика воина Зинова, коего мощи подлѣ престоломъ, и пострадавшихъ съ нимъ десяти тысячъ мучениковъ. Мозаическая икона, на олтаре, изображаетъ Божию Матерь и около нее мучениковъ Зинова, Викентія и Анастасія, и Бернарда, причтеннаго къ лику святыхъ Римскихъ. По мѣстному преданію, сей знаменитый аббатъ Кларевалійскій, принося въ этой церкви безкровную жертву, видимо освободилъ страждущую душу изъ посмертныхъ мукъ, и это событіе представлено на картинѣ; по сему Римскіе богомольцы имѣютъ бѣольшую приверженность къ его олтаре, нежели къ тому, гдѣ мощи мучениковъ. За олтареи Зинова, нѣсколько ступеней ниже, показываютъ тѣсную темницу, гдѣ, по преданіямъ мѣстнымъ, нѣкоторое время содержался Апостолъ Павелъ, въ ожиданіи мученической своей кончины, и тутъ же былъ ходъ въ простран-

ныя катакомбы Каллистовы или Севастіановы, теперь уже закладенный.

Третія отдѣльная церковь посвящена собственно памяти Апостола и носить названіе трехъ фонтановъ, по тремъ находящимся въ ней источникамъ, которые, какъ говоритъ мѣстное преданіе, открылись чудно, отъ трехъ посмертныхъ передвиженій главы Апостольской. Первый на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ столбъ, на которомъ отсѣкли честную главу его, и тутъ впервые мертвая ударила она о землю и произвела живыя воды. Отсѣченная глава сія изваяна надъ каждымъ изъ источниковъ, и ради большаго подражанія природѣ, все блѣднѣе и блѣднѣе употребленъ мраморъ для ваянія, выражая тѣмъ постепенную ея мертвенность. На двухъ боковыхъ престолахъ двѣ большія картины, усѣкновенія Павла и распятія Петрова, дабы и здѣсь соединить память обоихъ верховныхъ Апостоловъ, учителей вселенной, коихъ болѣзни и смерть пріялъ Господь паче всякой жертвы, ибо видѣлъ ихъ сердечную къ нему любовь. И здѣсь опять можно воскликнуть съ Зла-

тоустомъ: «помыслите, и ужаснитесь! какое зрѣлище увидитъ Римъ, когда Павелъ и Петръ возстанутъ тамъ изъ своихъ гробовъ и будутъ восхищены во срѣтеніе Христово! Какія розы подносятъ Римъ Христу! какіе два вѣнца украшаютъ сей городъ! — вотъ чему удивляюсь я въ Римѣ: не множеству золота, колоннъ и украшеній, но симъ двумъ столпамъ Церкви!»

П И С Ь М О IX.

Древности, долина Эгерин, базилика Св. Севастіана.

Нѣсколько дней сряду продолжалъ я свое хожденіе, съ антикваріемъ, по древностямъ Римскимъ; иногда возвращались мы къ прежнимъ мѣстамъ и предметамъ, для послѣдовательности впечатлѣній, и чтобы болѣе углубить ихъ въ памяти. Великолѣпная колонна Траянова, лучшей памятникъ сего рода, привлекла особенно вниманіе наше, тѣмъ болѣе, что она всегда представляется на пути, всѣхъ идущихъ на форумъ. — Наполеонъ, который оставилъ

по себѣ память во всѣхъ столицахъ Европы, и не бывши въ Римѣ, много однако сдѣлалъ для его прогулокъ и древностей. Онъ велѣлъ раскопать землю около колонны Траяновой, чтобы очистить ея пьедесталъ и такимъ образомъ, въ широкомъ пустырѣ, ее окружающемъ, открылись основанія и обломки столповъ базилики Улпиевой или Траяновой, и двухъ библиотекъ Греческой и Латинской, по другую сторону колонны, также многіе остатки изваяній и статуй украшавшихъ форумъ. Драгоценное для Христіанъ воспоминаніе соединено съ остатками базилики Улпиевой: тамъ впервые обнаруженъ былъ указъ Императора Константина великаго, о свободномъ исповѣданіи вѣры Христіанской.

Самая колонна Траянова есть чудное произведеніе зодчества и ваянія. Она составлена изъ 23 кусковъ бѣлаго мрамора, въ 130 футовъ вышины, которые положены одинъ на другой и держатся, безъ всякой связи, только тяжестію своей массы. Лѣстница внутри ея, во сто ступеней, изсѣчена изъ того же мрамора и съ тою

же отчетливостію, какъ и наружныя изваянія; такъ сплочены между собою куски мрамора, что почти незамѣтно ихъ раздѣленія, и въ теченіи семнадцати вѣковъ не расширились швы. Еще замѣчательнѣе наружныя изваянія, лучшаго рѣзца, и всѣ одного художника, хотя болѣе двухъ тысячъ пяти сотъ фигуръ, человѣческихъ и конскихъ, изображаютъ торжество Траяна надъ войсками Даковъ: это, вмѣстѣ съ тѣмъ, побѣда человѣческаго искусства и терпѣнія надъ грубою массою камня; не менѣе великолепнѣе и пьедесталь, по своимъ роскошнымъ барельефамъ. Я взошелъ на верхъ колонны, чтобы оттолѣ измѣрить взоромъ высоту ея, которая равнялась съ вершиною холма Эсквилинскаго, скрытаго Траяномъ, для своего форума. Бронзовое изваяніе Апостола Петра, по волѣ Сикста V, замѣнило статую Траяна, похищенную Константіемъ въ седьмомъ вѣкѣ, которая держала въ рукахъ своихъ шаръ, съ пепломъ Императора. Преданіе говоритъ, будто бы святой Папа Григорій великій, тронутый добродѣтелями языческаго Государя и особенно его смн-

реніемъ и правосудіемъ, остановившись однажды около столба сего, помолился Господу о спасеніи Траяна, и услышалъ божественный гласъ: «молитвъ твоей я внялъ и Траяну дарую оставленіе грѣховъ, но ты впредь не приноси мнѣ такихъ молитвъ.»

Нѣсколько другихъ форумовъ или площадей, соединяли Траяновъ, самый роскошный изъ всѣхъ, съ древнѣйшимъ форумомъ, собственно Римскимъ, гдѣ было сердце столицы. Еще видно полукружіе высокой стѣны Августова форума, которою заслонилъ онъ дома гражданъ, не хотѣвшихъ уступить ему мѣсто; три колоссальные мраморные столба храма Марсова прислонены доселѣ къ стѣнѣ церковной, и надъ ними была устроена даже колокольня, но потомъ разобрана. Здѣсь и такъ называемыя проклятыя колонны, съ изваяннымъ архитравомъ, принадлежавшія къ проходному форуму Домитіанову, и тутъ же стоялъ храмъ Януса, который тогда только закрылся, когда надлежало родиться Спасителю міра, и когда, по глубокому выраженію нашей церковной пѣсни: Августу еди-

воначальствующему на земли, преста многоначаліе человекѣвъ, и тебѣ, вочеловѣчившемуся отъ пречистыя Дѣвы, преста многобожіе идоловъ.»

Если же, перейдя поперегъ Римскаго форума, направиться къ болотному нѣкогда Велабру, гдѣ кипѣла вначалѣ жизнь Римская и Сабинская, у подножія Палатина и Капитолія, то опять на каждомъ шагу встрѣчается или чудная развалина, или славное воспоминаніе, уже освященное церковью. Видно какъ Христіанство проникало въ самое сердце Рима и возобладало, не какими либо отдаленными памятниками, но его коренною святынею, возшло на форумъ и на торжище, потушило неугасаемый дотолѣ огонь Весты, чтобы возжечь божественный свѣтъ вѣры, и поставило олтари свои, на самомъ основаніи опрокинутыхъ олтарей языческихъ, дабы народъ, еще колеблющійся въ вѣрѣ, невольно встрѣчалъ Бога истиннаго, тамъ гдѣ привыкъ искать своихъ кумировъ.

Вотъ у подножія Палатина, на самомъ Велабрѣ, бывшій храмъ Юпитера Статора,

(или Весты по другому сказанію, гдѣ росла и знаменитая смоковница Ромула и Рема), теперь обращенъ въ церковь Св. Феодора. Почти напротивъ, подлѣ арки воздвигнутой въ честь Севера, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ алтарь Геркулеса, сооружена въ пятомъ вѣкѣ церковь Великомученика Георгія, и тамъ хранятся часть мощей его, ратное копьё и хоругвь. Тутъ же и четвероличная арка Януса, подъ которою укрывались отъ непогоды торговцы скота, ибо это былъ рынокъ воловій, настоящее *Capro Vassino*, которымъ въ послѣдствіи сдѣлался и самъ знаменитый форумъ Римскій. Кто бы могъ этому повѣрить, во дни его славы, что къ нему возвратятся патриархальныя времена Царя Эвандра, который пасъ стада свои около Палатина, и что на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣшались судьбы вселенной, заревутъ опять мирныя покольнія его воловъ! Богачи считаютъ, тысячами, свое золото; а въ Римѣ такъ бываетъ со шетомъ годовъ: отъ памятника и до памятника, хотя и смѣжныхъ другъ другу, безпрестанно подымается и спускается, на тысячи лѣтъ,

эта дивная гамма многозвучныхъ воспомина-
нній, гласящихъ о славу вѣчнаго города.
Едва ступивъ нѣсколько шаговъ, отъ цер-
кви Великомученика, и вотъ, въ тѣсномъ
проулкѣ, великое дѣло Этрусковъ, подзем-
ный каналъ или клоанъ древняго Царя
Тарквинія, гдѣ еще струится вода въ Тибръ,
подъ громадными сводами такъ называема-
го Циклопскаго зодчества. А тамъ опять,
церковь первыхъ вѣковъ Христіанства, во
имя Анастасіи мученицы, гдѣ покоятся и
ея нетѣвные мощи, у подножія Палати-
на, на рубежѣ древняго цирка Кесарей.

Хотите ли видѣть забрала, откуда пу-
скались, съ надеждою победы, конники и
колесницы, на этотъ необъятный циркъ,
гдѣ, по мраморнымъ ступенямъ Палатина
и Авентина, помѣщалось до 400,000 зри-
телей? ибо два холма сіи служили ему бо-
ковыми стѣнами, и на пустотѣ нынѣшнихъ
огородовъ, стояли тогда, вдоль по хребту
его, лучшія произведенія рывца Греческа-
го! Хотите ли видѣть сіи забрала? вамъ
надобно опять взойти въ церковь, Св Ма-
рин, in Cosmedin, такъ названную по преж-

ней красота своей, и эта церковь также была въ свое время капищемъ языческимъ, Цереры и Прозерпины. Гранитные столбы его вставлены теперь въ притворъ храма Христіанскаго, роскошнаго и по собственнымъ колоннамъ; онъ устроенъ совершенно по образцу Греческихъ церквей съ тройнымъ раздѣленіемъ и возвышеніемъ олтара, съ мраморными каедами для чтенія Апостола и Евангелія, и долгое время принадлежалъ инокамъ Греческимъ, когда ихъ еще терпѣли въ Римъ: Папа Евгеній IV, послѣ Флорентинскаго собора, отдалъ церковь Венедиктинцамъ; но еще сохранилась, надъ горнимъ мѣстомъ, большая икона Божіей Матери, высокаго письма, перенесенная изъ Царьграда, во время гоненія иконоборцевъ. На горнемъ же мѣстѣ стоитъ мраморная каеда, съ которой, какъ говорятъ, преподавалъ блаженный Августинъ, ибо здѣсь была школа Греческая. Много костей мученическихъ положено, въ порфировой ракъ, подъ оларемъ и по сторонамъ его, и онѣ все были открыты, по случаю Пасхи, ибо таково обыкновеніе въ Римъ во всю

сію недлюю.— Въ преддверіи показываютъ каменное устье, древняго стока воды, которое слыветъ устами правды, и преданіе народное не советуетъ лжецамъ класть въ него руку.

Напротивъ сей церкви другая, Маріи Солнечной, у самаго Тибра, бывшая также капищемъ Весты, и еще сохранившая роскошный въедецъ одиннадцати своихъ колоннъ, вокругъ тѣсной драмы, гдѣ горѣлъ огонь Весталонъ. — Нескольки шаговъ далѣе Армянская церковь, Маріи Египетской, съ подобіемъ Св. проба, водворилась въ четырехугольное капище Мужеской Фортуны: она обставлена также колоннами и украшена изысканнымъ архитектуромъ: это памятникъ шестью Царя Римскаго, Сервія Туллія, изъ рабовъ вознесеннаго счастиемъ на престоль Ромула и Нумы. Теперь пойдите къ Тибру; здесь вы увидите три его моста, минувшіе и настоящіе: вотъ самый прочный, соединяющій, еще со временъ Консульскихъ, малый островъ Эскулапа, съ обоими берегами рѣки островъ сей образовался изъ брошенныхъ въ нее

хлебныхъ запасовъ послѣдняго Царя Тарквинія, и ему дана была форма корабля, привезшаго въ Римъ цѣлительную змѣю Эскулапа. И теперь на этомъ мѣстѣ больница, но уже во имя Апостола Вареоломея, со святыною мощей его, которая была перенесена изъ Беневента Императоромъ Оттономъ II. Крѣпко держатся мѣстной старины въ Римѣ, но всѣхъ настойчивѣе Евреи, которыхъ укрѣпленный кварталъ, Гетто, примыкаетъ къ сему мосту: онъ и досель еще заключается на всякую ночь, снаружи, суровостію Римскою, достойною среднихъ вѣковъ, и нравственно всегда запертъ изнутри, чувствомъ ненависти потомковъ Авраамовыхъ къ разорителямъ ихъ родной святыни. Скоро ли рушится средостѣніе вражды сей? о чемъ же думаютъ Первосвященники, которые стараются расширить свое владычество по вселенной, не позаботились досель снять готическія узы съ убогихъ сыновъ Израиля, въ самомъ центрѣ своего вселенства, куда бы всего прежде должна была проникнуть отеческая снѣнь ихъ!—Но судьба бывшаго наро-

да Божія отвлекла меня отъ созерцанія древностей языческихъ.

Домъ славнаго трибуна народнаго, Николая Ріенци, показываютъ подле самаго места, и называютъ домомъ Пилата по темному преданію. Вотъ и другой, трижды обрушенный мостъ Палатинскій, который никогда не могъ устоять противъ двойнаго напора Тибронихъ волкъ, стремящихся изъ за острова. Говорятъ, что знаменитая красавица, Ченчіо, убійца развратнаго своего отца, прославленная кистію Гвидо Рени, предлагала Папъ Клименту VIII, возстановить на свои деньги разрушенный мостъ, чтобы только спасти жизнь свою; она повесла однако заслуженную казнь и весь сокровища ея перешли сильному дому Боргезе, а мостъ остался въ развалинахъ. Когда же Григорій XIII, въ послѣдній разъ его возстановилъ, въ XVI вѣкѣ, и первый съ торжествомъ чрезъ него перешагъ, геніальный зодчій, котораго не спросили о сооруженіи моста, Микель-Анжело, веселыио перебѣжалъ вслѣдъ за колесницею папскою, какъ бы изъ опасенія, чтобъ онъ не обрушился, и его предчув-

ствія сбылись спустя двадцать лѣтъ. Нѣсколько пониже, гдѣ загибается Тибръ подъ скалою Авентина, какъ бы избѣгая страшной пещеры разбойника Какуса, и гдѣ, изъ мутныхъ волнъ его, безпрестанно поднимаются и опять въ нихъ опускаются сѣтки рыбарей, указываютъ мѣсто бревчатаго моста Сублиція, гдѣ бился Гораций Коклесь. Здѣсь вся пастушеская и вмѣстѣ ратная повѣсть первыхъ временъ Рима, и поэтической свитокъ поэмы Виргилія и лѣтописи Тита Ливія, развивается въ памятникахъ минувшаго, если не въ самыхъ лицахъ давно минувшихъ. Тутъ встрѣтилъ витязя Энея, патриархальный Царь Эвандръ, и конная дѣва Клелія мужественно переплыла Тибръ, тутъ и становище Царя Этрусскаго Порсены за рѣкою, гдѣ сжегъ себѣ руку, на домашнемъ его жертвенникѣ Муцій Сцевола. Дѣтство Рима, столь тѣсно связанное съ дѣтствомъ каждаго изъ насъ, по классическимъ воспоминаніямъ, невольно роднитъ съ этимъ мѣстомъ, какъ будто мы сами въ ребячествѣ знавали его великія тѣни.

Оставимъ русый Гибрь и болотистый Велабрь; прѣмчимся опять мимо бывшаго цирка, гдѣ теперь густая трава задержала бы ноги коней и бѣгъ колесницъ, на самомъ принцѣ славныхъ ристаній, и мимо высокой терасы палаты Кесаревыхъ, которая также поросла повилкой. Другія, столь же громадныя развалины, манятъ къ себѣ, преисполненнаго образами разрушенія и уже привыкшаго видѣть въ обломкахъ нѣчто цѣлое, ибо тайная мысль создателей еще живетъ въ обрушенномъ. Кто не видѣлъ колоссальныхъ термъ Каракалы, въ ихъ мертвомъ величїи, не можетъ составить себѣ понятїя о громадности зданій Римскихъ. Вообразите себѣ четырехъ угольникъ, на 150 сажень въ каждую сторону, который некогда былъ весь обставленъ колоннами: каково долженъ былъ представляться этотъ ирамѣрный лѣсъ? Внутри его заключался другой огромный квадратъ, двухъ ярусный, разделенный на три разряда бань, горячихъ, теплыхъ и холодныхъ, со всею роскошью и прехотїею всемірныхъ влаетителей, начиная отъ малыхъ отдѣльныхъ ваннъ и до ши-

рокой купальни въ видѣ пруда! — А кругомъ зданія, вдоль по внутренней оградѣ, было до 1500 малыхъ бань для народа, и пещище гимнастики для бойцевъ и для бѣга, и амфитеатръ, съ двумя библиотеками, для услажденія почетныхъ гражданъ, и наконецъ храмъ Геркулеса, покровителя термъ; все это украшено было великолѣпнѣйшими статуями, мраморомъ и мозаикою, какъ о томъ свидѣлствуютъ: недавно открытый помостъ, перенесенный въ музей Латеранскій, и чудная группа Фарнезскаго тельца, Флора и Геркулесъ, давно уже обладаемые Королями Неаполя, и классическій торъ Ватикана. Такой очарованный городъ бань соорудилъ извергъ Каракала, чтобы только термъъ его народъ Римскій!

Были въ Римѣ термы еще болѣе обширныя, Императора Діоклитіана, которыхъ средняя часть обращена, гениемъ Микель-Анджело, въ великолѣпную церковь Царицы Ангеловъ, и украшена дивною кистию Доминикина. Но все пустое пространство необъятныхъ термъ занято площадью, или

застроено монастыремъ Бернардинскимъ, и легкая колоннада его внутренняго двора похищена также изъ бывшихъ бань: оттого и потеряна для глазъ ихъ огромность, хотя лучше сохранена сердцевина; въ термахъ же Каракаллы еще виднѣнъ весь колоссальный очеркъ и остовъ, и самое ихъ запустѣніе краснорѣчиво говоритъ въ пользу развалинъ, которыя часто, возбуждая участіе къ своей минувшей славы, прикрываютъ собою безславіе созидателей. И, какъ обыкновенно бываетъ въ Римѣ, опять малая церковь сторожитъ каменный колоссъ, за мертво брошенный въ пустынь; это одна изъ древнѣйшихъ, и по своему сооруженію и по сохранившейся формѣ, во имя мучениковъ Нерая, Ахиллея и Демитиллы, конхъ мощи почиваютъ подъ олтаремъ; олтарь сей на возвышеніи, съ богатою сѣнью мраморныхъ Африканскихъ столповъ; въ сопрестолинъ горняго мѣста, еще стоитъ каменная кафедра великаго Папы Григорія: преданіе говоритъ, что, сидя на ней, произнесъ онъ народу двадцать осьмую изъ своихъ назидательныхъ бесѣдъ. Заключительнымъ мо-

заическая картина Преображенія, на горнемъ мѣстѣ, и подсвѣщникъ изваянный изъ мрамора, съ золотыми украшеніями во вкусъ Византійскомъ. Знаменитый лѣтописецъ Римскій Бароній, бывший Кардиналомъ пресвитеромъ сей церкви въ XVI вѣкѣ, сохранилъ отчасти ея древность, оставивъ по себѣ надпись, на камнѣ около олтаря, которою умолялъ своихъ преемниковъ: ничего не измѣнять въ старинномъ устройствѣ храма.

Нѣсколько далѣе разделяются дороги; одна ведетъ къ прежнимъ вратамъ Латинскимъ, нынѣ закладеннымъ, и къ церкви Св. Іоанна Богослова, *in oleo*, то есть въ елеѣ; здѣсь показываютъ малую часовню, гдѣ совершилось, во дни Императора Домитіана, истязаніе Апостола кипящимъ елеемъ, послѣ котораго невредимый былъ сосланъ на островъ Патмосъ. Я никакъ не могъ однако проникнуть ни въ церковь, ни въ часовню, потому что бывший тутъ монастырь опустѣлъ и приписанъ къ Латеранскому собору; эта часть Рима страдаетъ отъ вредныхъ испареній, *malatia*, и не оби-

таема, особенно летомъ. Другая дорога
 ведетъ, мимо гробницъ Сципіоновъ, подъ
 арку Друза, ко вратамъ Капенскимъ или
 Севастіановымъ, въ которыя бросилъ копье
 свое Аннибалъ и ворвался Готъ Тотилла,
 опустошившій всю сію нѣкогда роскошную
 часть столицы. Я заглянулъ въ подземелье
 Сципіоновъ, гдѣ старая Римлянка, съ са-
 желомъ въ рукахъ, за малую лепту, пока-
 зываетъ гробы великой семьи: мужей, по-
 корившей Африку и Азію своему отече-
 ству; но здѣсь нѣтъ побѣдителя Карра-
 гинскаго, который оставилъ столь горькій
 урекъ Риму на своей гробницѣ: «неблаго-
 дарная родина, ты даже не будешь имѣть
 и костей моихъ!» Недалеко отъ гробницъ,
 Сципіоновыхъ недавно найдены, въ сосед-
 нѣмъ виноградникѣ, два колумбарія, или
 голубца, по точному переводу сего слова,
 т. е. могильные глубокіе доломъ, со стол-
 помъ по срединѣ, которыхъ стѣны все
 пробиты малыми нишами, какъ ячейки улья,
 а въ нихъ безчисленныя урны съ землемъ
 усопшихъ. Это были общественныя склепы
 почтенныхъ гражданъ, болѣе мнѣ вѣста отъ

2710
 библіотекѣ
 М. И. В. Д.

пущенниковъ и ветерановъ, или домашнихъ людей Кесаря. Тутъ сохранилась вся краска и цѣлы всѣ надписи, ибо ничего не вѣльно трогать въ подземельяхъ; но какъ мало существеннаго въ сихъ надписяхъ! Онѣ болышею частію навоминають человѣку о его тлѣннѣ, и ради него умоляютъ не касаться праха мертвыхъ, пощадить тѣни, но нѣтъ ни слова о какомъ либо упованнѣ за предѣлами гроба! Сердце невольно стѣсняется въ этомъ улыбѣ смерти, гдѣ ровилось столько сыновъ ея! — какъ страшно было умирать безъ Христа! Здѣсь можно вполне оцѣнить все благодареніе его спасительной вѣры, которая сдѣлала самую смерть завѣднѣе жизни, и со Святыми упокоила усопшихъ!

Врата Капенскія, обновленныя Велисаріемъ, принадлежатъ къ расширенной оградѣ Императора Аврелиана, которою онъ обнесъ Римъ, въ исходѣ втораго вѣка; она сохранилась сивезѣ всѣхъ его бури, среднихъ и новыхъ вѣсехъ, кое гдѣ обновленная и посюду величественная, съ своими исполнскими башнями и бойницами, каменный панцырь все-

мирной столицы, еще уцѣлвшіи послѣ паденія ея побѣдныхъ легионовъ. Знаменитая *via Arria* пролегла сими вратами къ Неаполю, и еще видны каменные плиты ея, истертыя стопами столькихъ завоевателей! Папъ Пію VI предоставлено было возстановить, изъ подъ затопившихъ ея болотъ, древнюю стезю Цензора Анпія Клавдія, исправленную Августомъ и Траяномъ. Убогая церковь стоитъ теперь на сей дорогѣ, и нѣтъ ей собственнаго имени; оно замѣстовано отъ событія, которое служить вмѣсто названія: «*Domine quo vadis?*» — «Господи куда грядешь?» Это вопросъ Апостола Петра, когда оставилъ онъ тайно Римъ, чтобы спастись отъ перваго гоненія Неронова, и вотъ отвѣтъ срътывшаго его на пути Господа: «иду въ Римъ опять распятся.» Уразумѣлъ Апостоль, что въ лицѣ своихъ членовъ, хочетъ опять быть распятъ Господь, и возвратился въ Римъ, предать себя на пропятіе. — Трогательная повѣсть сія, засвидѣтельствованная первымъ Христіанскимъ историкомъ Эгезиппомъ, въ лѣтописи Евсевія, изображена въ церкви.

Ликъ Спасителя начертанъ съ одной стороны на стѣнѣ, ликъ Апостола на другой; межъ ними самая *via Arria* и даже слѣды обонхъ, на древнихъ плитахъ ея, предъ высокимъ крестомъ, который претерпѣли и Господь и вѣрный ученикъ его.

Сколько такихъ отрадныхъ воспоминаний, въ Римѣ, могутъ наитать душу каждаго Христіанина, и какъ больно думать, что весьма немногіе ими пользуются, какъ будто бы древній Христіанскій Римъ не существовалъ для нихъ!—отъ того и впадаютъ такъ часто въ сѣти новаго. Съ жадностію бросаются они на пышный церемоніаль двора Римскаго и на чуждые церковные обряды, искаженные средними вѣками, когда у себя дома столь равнодушны къ своимъ. Потомъ древности языческія заглушаютъ память Христіанскихъ, и многіе сто разъ видѣли форумъ и Колизей, не видавши катакомбъ. Наконецъ картинныя галлерей поглощаютъ остатокъ вниманія; и многимъ ли придетъ на мысль, что напримѣръ, на той улицѣ Корсо, по которой столько разъ въ день они проходятъ, подъ

лъ самыхъ великолѣпныхъ палатъ Доріа, сооруженныхъ изъ обломковъ Колизея, гдѣ любуются такъ часто собраніемъ чудныхъ картинъ, стоитъ малая церковь Св. Маріи, *in via lata*, съ чудотворною иконою Богоматери и животворящимъ крестомъ на олтаре, и не менѣе какъ съ жилищемъ Павловымъ въ своемъ подземельи. Это, по мѣстному преданію, тотъ самый домъ, гдѣ какъ свидѣтельствуемъ книга дѣяній, позволено было Апостолу жить особо, съ воиномъ его стрегущимъ, когда пришелъ онъ, послѣ кораблекрушенія Малтійскаго, и жилъ два года въ Римѣ, свободный хотя и въ узахъ, принимая всѣхъ приходящихъ къ нему, проповѣдуя царствіе Божіе, и невозбранно уча о Господѣ Иисусѣ Христѣ, со всею смѣлостію. (Дѣян. гл. XXVIII). Тамъ и крестилъ онъ увѣровавшихъ во Христа, и еще показываютъ, въ первомъ покоѣ, источникъ чудно изведенной имъ воды, подъ массивными сводами, а въ память узъ Апостольскихъ цѣпь прикована къ столбу, и вырѣзана на немъ надпись, изъ его втораго посланія къ Тимоеею: «но слово Господне

не вяжеться.» (гл. II. 9.) Отсельъ написалъ Павелъ свое глубокое посланіе къ Евреямъ; здѣсь и Лука, сотрудникъ его, написалъ дѣянія Апостоловъ. Тамъ же, по преданію, обитали и верховный Петръ и Евангелистъ Іоаннъ: а во второмъ внутреннемъ покоѣ, показываютъ и олтарь ими сооруженный, на коемъ совершали божественную литургію. Всѣ они изображены фресками на сводахъ поверхъ олтаря, въ память ихъ жительства. — Но опять повторяю: многимъ ли извѣстно въ Римѣ это священное и близкое сердцу преданіе?

Отъ христіанскихъ воспоминаній Рима, возвратимся опять къ языческимъ, съ которыми они такъ перемѣшаны. Если отъ той церкви, гдѣ встрѣтилъ Господа Апостоль, не слѣдовать по дорогѣ Аппіевой къ базиликѣ Св. Севастіана, но поворотить на лѣво, между огородовъ и виноградниковъ, то сія живописная дорога приведетъ васъ въ очаровательную долину Нимфы Эгеріи, которую такъ неожиданно встрѣчаемъ посреди суровыхъ окрестностей Римскихъ. При самомъ началѣ ея представится драгоценный

остатокъ времени республики, капеше Бога Редикуда или возврата, на томъ мѣстѣ, гдѣ некогда разбиты были шатры Картагенскіе Аннибала, и отколѣ грозный завоеватель впервые показалъ тылъ свой смятенному его побѣдами Риму. Древняя наружность храма почти совершенно сохранилась; она замѣчательна кладкою двухъ цвѣтныхъ кирпичей и Греческими узорами по стѣнамъ; вѣнчиками и пиластрами украшены окна. Странно видѣть это двадцативѣковое зданіе, посреди зеленой долины, на берегу пастушеской Альмы: но вотъ, изъ за широкой гряды холмовъ, какъ бы въ оправданіе памятнику, выглядываютъ зубчатая башня Латинскихъ воротъ, которыми едва не вторгся Аннибалъ, а рядомъ съ ними, какъ вѣчный гербъ новаго Рима, возстаетъ куполъ Св. Петра, цѣлый Пантеонъ, похищенный рукою генія съ земли на небо.

О долина Эгеріи, куда поэтическое преданіе посылало мудрѣйшаго изъ царей Римскихъ, искать себѣ вдохновенія, на берегу твоихъ сладко текущихъ водъ, въ тани-

ственной тишинѣ твоего Нимфея, или подъ сѣнью широко шумѣвшей дубравы! миръ и тихія думы доселѣ обитаютъ въ зеленыхъ объятіяхъ твоихъ холмовъ; также сладко журчитъ еще кроткая Альма, по бархату луговъ, оживляя говоромъ водъ своихъ безмолвіе долины: она льется, какъ немзскаемыя слезы осиротѣвшей Нимфы, изъ глубины прежняго грота Эгеріи, некогда великолѣпнаго своими мраморами, нынѣ же возвратившагося къ первобытной простотѣ. Есть на высотѣ и развѣсистая купа лавровъ, древесный вѣнокъ забытый ея рѣзвыми сестрами, когда бѣжали онѣ далеко отъ Рима. Сюда приходили Латинскія Музы сплетать вѣнки для своихъ любимцевъ; вотъ на противулежащемъ холмѣ, въ виду позабытыхъ лавровъ, еще стоитъ и обновленный храмъ сихъ Камень, давно уже обращенный въ святилище Христіанское, гдѣ чистыя воспоминанія замѣнили языческія. Тамъ, подъ бывшимъ олтаремъ Музъ и Аполлона, таится другая нещера, уже не царственнаго мудреца Нумы и его Нимфы, но Святителя и Христіанской дѣвы, запе-

чталъвшихъ кровію своею слова небесной Премудрости. Тамъ окрестилъ блаженный Епископъ Рима Урвань, святую дѣву Цецилію, у входа въ катакомбы, и самъ мученически возлегъ на ихъ стражу. Наружный видъ сего храма, подобно памятнику Аннибала, удержалъ старину свою, хотя и прикасалась къ нему рука Кесарей для обновленія.

Долина Эгеріи, долгое время усыпанная виноградниками князей Римскихъ, по ска-ту холмовъ, возвратилась опять къ поэтической дикости баснословныхъ временъ своихъ, когда блуждалъ по ней Нума, въ уединенный гротъ Нимфы, вопрошать ее о будущихъ судьбахъ раждающагося Рима:—кто бы угадалъ, въ столь мирныхъ началахъ, такую кровавую развязку! Мимо Нимфея и доселъ пролегаетъ уединенная стезя на увѣнчанный лаврами холмъ, остатокъ древней священной рощи, гдѣ открывается одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ Рима, на его окрестную пустыню и на горную лазурь Ланцума и Сабины. — Опять потянулись вѣчные водопроводы, надстро-

енные одинъ надъ другимъ, Кесарями надъ дѣломъ Консуловъ и Папами надъ дѣломъ Кесарей, какъ бы нѣсколько Колизеевъ, которые будто развернули исполинскій кругъ свой, и протянулись въ одну безконечную черту; а между ними вырастаютъ обломки готическихъ башенъ и языческихъ капищъ. Вотъ одно женской Фортуны, гдѣ мать Кориолана остановила руку сына, поднятую на родину, и вотъ гдѣ опустилась на сестру рука раздраженнаго Горация! Тамъ надгробный памятникъ Императора Александра Севера и развалины виллы Лукулла, богатѣйшаго изъ Римлянъ, а надъ царственною пустынею возстаетъ горній оазисъ Панлаціума, опоясанный бѣлыми виллами и, за широкую долину Палестринскую, убѣгаетъ отъ него голубая Сабина, многохолмная дочь съдаго старца Аппенина, который самъ выглядываетъ изъ за нее, снѣжнымъ челомъ своимъ, и смотритъ въ пустыню.

Отъ бывшаго капища Камень можно опять выдти, по направленію дороги Аппиевой, къ другимъ величественнымъ развалинамъ храмовъ Нептуна и Ромула, сына

Максентіева, и къ обширному цирку сего Императора, который былъ сооруженъ имъ на память нѣжно любимаго сына, за нѣсколько лѣтъ до своего пораженія великимъ Константиномъ; тамъ и удлиннная башня Цециліи Метеллы, супруги Красса, ограбившаго Іерусалимъ. Каждое имя влечетъ за собою цѣлый рядъ воспоминаній вселенскихъ; ибо въ Римѣ, по его древнему всемірному средоточію, едва коснешься какой либо мало замѣтной струны, и вамъ внезапно отзовется вселенная! Циркъ Максентія замѣчательнъ потому, что онъ болѣе другихъ сохранился. Едва видны слѣды великаго цирка, что у подножія Палатина, и ристалища Флоры, въ глубокомъ провалѣ, около палатъ Саллустіевыхъ за Квириналомъ; но въ циркъ Максентія цѣлы самыя стѣны, которыхъ необъятный очеркъ показываетъ, каково было сіе ристалище: длинная спина или хребетъ его, досель вырастаетъ изъ густой травы, надъ заглушимъ поприщемъ колесницъ, но уже онъ лишень всѣхъ своихъ обелисковъ и статуй.

Видна еще и мета, которую, съ такимъ страхомъ, огибали летящія колесницы, и мѣсто жертвенника, гдѣ стояли жрецы предначинавшіе игрища своими обрядами; видны двѣ башни, съ вершины коихъ орудія мусикійскія возбуждали готовыхъ на бѣгъ; между ними забрала, откуда устремлялись четырехцвѣтныя возницы желтые и красныя, зеленые и голубые, раздѣлявшіе между собою страсти зрителей; а, на противоположномъ концѣ цирка, стоятъ еще выходныя врата, и посрединѣ его высокій балконъ, откуда Императоръ подавалъ знакъ началу ристаній. До трехъ сотъ сажень длины, въ опустѣвшей оградѣ, и болѣе сорока широты. И что же? — вмѣсто борзыхъ копей и блестящихъ колесницъ, и шумнаго сонма приглашенныхъ на игрища царскія, смиренное стадо овецъ блеяло посреди его безмолвія, смѣло щипая траву на высокомъ хребтѣ и у скользкой мефы, гдѣ разбивалось столько возницъ. Богатѣйшій банкиръ Рима, Герцогъ Торлонія, сдѣлался наслѣдникомъ садовъ, ристалища и храмовъ Максентія, и всего этаго пред-

мѣстія, которое было однимъ изъ самыхъ многолюдныхъ всемірной столицы; но тутъ нашелся еще другой ближайшій владѣтель, оставленнаго достоянія Кесарева и новаго Лукулла Римскаго, собирающій себѣ ихъ доходы отъ мимоходящихъ любителей древности: это болѣзненный нищій въ самомъ жалкомъ рубищѣ, который говоритъ вамъ о Ромулѣ и Максентіѣ, какъ о своихъ прісныхъ, рапоряжается ихъ бывшимъ ристалищемъ, какъ у себя въ домѣ, и точно здѣсь домъ его, подъ крышею яснаго Римскаго неба, въ какомъ нибудь темномъ углу развалинъ. Ему принадлежитъ и капище Ромула и башня Метеллы; онъ предлагаетъ вамъ лѣстницы и ключи, зоветъ и въ другой разъ посѣтить его, какъ нѣкогда звалъ сюда Кесарь Максентій, и какъ никогда не зоветъ вельможа Торлонія! И все это не кажется страннымъ, посреди развалинъ минувшаго, потому что тутъ нельзя быть срединъ, и одна только такая убогая развалина чловѣчества можетъ наследовать такую громаду чловѣческой славы, и не казаться здѣсь чуждою или излишнею.

Куда же хотите вы заглянуть прежде: въ капище ли Ромула, нѣжно любимого сына Максентіева? — вы можете войти въ священную ограду, нѣкогда обставленную колоннами; но въ подземелье капища, гдѣ погребался царственный родъ Максентія: свирѣпый отецъ его Максиминъ и обоготворенный имъ сынъ Ромулъ, а быть можетъ и самъ онъ, жестокій гонитель Христіанъ, пораженный Константиномъ, — туда не всегда можно проникнуть. Хозяинъ заперъ тамъ своихъ козъ и слышно, какъ онъ блеютъ между гробовъ; только видны, сквозь желѣзныя рѣшетки оконъ, основные столпы зданія, отъ котораго раздѣляются вѣтвями многочисленныя арки образовавшія гробовыя впадины. Верхъ капища обращенъ былъ въ бойницу ужаснаго дома Боржіа; здѣсь защищался Кесарь, неистовый сынъ Папы Александра VI, отъ ненависти Римлянъ. Память послѣдняго Кесаря языческаго, достойна была соединиться съ воспоминаніемъ самаго мрачнаго изъ Первосвященниковъ Римскихъ!

Хотите ли подняться на гору, къ гро-

бровой башнѣ Цециліи Метеллы, уплывшей снаружи, но внутри коей глубокій провалъ? — и тамъ бойница, не только одна, но цѣлый замокъ и городъ Гаetanовъ, того сильнаго дома, изъ коего взошелъ на престолъ папскій мужественный Воиѳатій VIII, соперникъ Филиппа, Короля Франціи. Но уже и этотъ замокъ, съ зубчатыми стѣнами, столь грозно преграждавшій дорогу Аппіеву, съ своими пышными палатами пристроенными къ башнѣ Метеллы, и съ великолѣпною церковью, — теперь также однѣ величественныя развалины, умножившія собою число Римскихъ; оттолъ открывается опять чудный видъ на эту своеобразную, бывшую столицу вселенную, и на ея пустынные окрестности, оживленные только своими воспоминаніями.

На обратномъ пути, отъ гроба Цециліи Метеллы и храма Ромула, остановились мы около базилики Св. Севастіана, которой одна сторона обсажена кипариснымъ садомъ. Болѣе другихъ пострадала отъ времени и обновленія, сія древнѣйшая базилика, подъ сводами коей такъ долго укрывались пер-

вые Епископы Рима, во дни гоненій, и гдѣ, въ обширныхъ подземельяхъ Каллистовыхъ, ископана была ихъ соборная церковь, истинная Митрополія Римская первыхъ вѣковъ. Кардиналъ Боргезе перестроилъ почти всю церковь въ XVII вѣкѣ, сохранивъ только одну стѣну, и нѣтъ въ ней колоннъ, которыя служатъ столь великолѣпнымъ украшеніемъ прочихъ базиликъ. При самомъ входѣ, съ лѣвой стороны, покоятся подъ престоломъ мощи Св. мученика Севастіана, пострадавшаго во дни Діоклитіана, и его прекрасное изваяніе составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній сего храма; тутъ же и спускъ въ катакомбы, устроенный вновь Кардиналомъ. Еще два Святителя мученика покоятся въ томъ же храмѣ: блаженные Папы, Стефанъ, подъ главнымъ олтаремъ, и Фавіанъ, въ отдѣльномъ придѣлѣ, съ нѣкоторыми частицами иныхъ мученическихъ тѣлесъ. Ихъ считалось до 164,000 въ сихъ катакомбахъ, по сказанію Францисканскихъ иноковъ, содержащихъ теперь обитель. Одинъ изъ нихъ, со свѣчею въ рукахъ, повелъ насъ въ катакомбы, весьма

неохотно, говоря, что не любитъ показывать ихъ иновѣрцамъ.

Прежде всего спустились мы, подъ самый алтарь Св. Севастіана, гдѣ было некогда погребено, бояринею Римскою Луциною, тѣло его, извлеченное изъ большой клоаки Тарквиніевой. Тутъ погребено и ея собственное тѣло, въ награду за благочестивый подвигъ; изящный бюстъ Св. мученика, одно изъ лучшихъ произведеній рѣзца Бернини, украшаетъ алтарь во имя блаженной Луцины, и тутъ показываютъ дарохранительницу среднихъ вѣковъ. При самомъ началѣ подземелья закладено прежнее сообщеніе съ катакомбами Св. Урвана, которыя примыкали къ церкви его, подъ самый алтарь бывшего храма Камень, что надъ долиною Нимфы Эгеріи. Извилистые переходы, совершенно одинаковые во всѣхъ катакомбахъ, напоминаютъ Кіевскія, но только съ символами мученичества и съ отверстіями для гробовъ, безъ всякихъ надписей, ибо всѣ онѣ взяты въ Ватиканъ; сперва вошли мы въ малую келлію, гдѣ опустѣвшіе гробы, въ глубокой впадинѣ,

знаменовали мѣсто олтара, надъ мощами какого либо изъ Святителей Римскихъ. До сорока первоначальныхъ Епископовъ древней столицы погребены были, одинъ за другимъ, въ сихъ катакомбахъ, вмѣвшихъ первенство надъ прочими; теперь останки ихъ перенесены подъ различные престолы церквей Римскихъ. Далѣе еще указываютъ ураздненную могилу діакона Маркеллина, имя коего осталось въ устныхъ преданіяхъ, и около нее опять закладена подземная стезя, достигавшая до трехъ фонтановъ, мѣста убіенія Апостола Павла, и другая шедшая до самой Остин, на берегъ моря; иноки Св. Севастьяна ищутъ около 70 миль подземныхъ переходовъ. Этотъ огромный лабиринтъ, въюгда тщательно изслѣдованный, теперь отчасти обрушился и забытъ. — Отъ гроба Маркеллинова нѣсколько ступеней ведутъ въ малую пещеру, также съ гробомъ безъимяннаго Святителя, гдѣ спасся въ теченіи десяти лѣтъ, Филиппъ Нерри, благочестивый отшельникъ, основавшій братство милосердія въ Римѣ, въ XVII вѣкѣ.

Возвратясь опять къ той же гробницѣ

святаго діакона и, пройдя мимо многихъ закладенныхъ гробовъ, входяшь еше въ одну малую церковь, во впадинѣ коей вѣланъ мраморный крестъ формы Греческой, найденный въ катакомбахъ, а предъ нимъ мраморный столбъ, на которомъ отсѣкли главу святому мученику Максиму, служившій дого основаніемъ престола; но его мощей тамъ нѣтъ, видны остатки живописи коегдѣ на сводахъ. Церковь сія сообщалась прежде съ другою, которая служила сборною для всѣхъ катакомбъ, ибо около нее жили и въ ней служили и погребались Святители Римскіе; но входъ въ нее закладенъ изъ катакомбъ, Кардиналомъ, сдѣлавшимъ новую болѣе удобную лѣстницу въ томъ мѣстѣ, гдѣ сообщалась церковь сія съ прочими подземельями. Не свободно впускаютъ туда и посѣтителей, а только показываютъ ее сверху; но я настоятельно просилъ, чтобы мнѣ отворили входъ, ключи коего у настоятеля, и спустился сперва въ малую неправильную келью, которая, по всей вѣроятности, служила мѣстомъ жертвенника

или ризницы, ибо она съ лѣвой стороны главной церкви. Сладкое чувство исполнило мою душу, при входѣ въ самое святилище, гдѣ столько святыхъ мужей принесли безкровную жертву и сами легли вокругъ, мученическими своими тѣлесами, въ засвидѣтельство истинны проповѣданнаго ими слова Божія. Четырнадцать такихъ гробницъ, во впадинахъ овальной церкви, нынѣ праздныхъ, показываютъ прежде ея замогильное населеніе: четырнадцать Епископовъ и мучениковъ, въ одной малой церкви, — какое богатство! и какія украшенія могутъ ихъ замѣнить? Еще означено мѣсто, гдѣ недавно стояла самая каеэдра (не болѣе двухъ вѣковъ перенесенная во Флоренцію) священномученика Папы Стефана, который во время самага совершенія Св. тайнъ, былъ усѣченъ въ голову ликторами Императора Валеріана, и какъ добрый воинъ, принялъ вѣнецъ на самомъ поприщѣ, ему указанномъ отъ Пастыря душъ. Соборный престолъ сей мученической церкви, поставленъ надъ кладеземъ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ

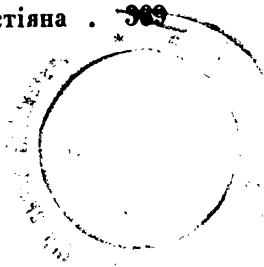
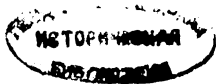
скрывали тѣлеса верховныхъ Апостоловъ, когда гоненіе Императоровъ заставило опасаться чтобы они не коснулись и пещеръ Ватиканскихъ. По другимъ же преданіямъ западные Христіане утаили здѣсь, отъ восточныхъ, сокровище мощей ихъ единоплеменниковъ, дабы у себя удержать сію святыню, и только Папа Корнилій, въ третьемъ вѣкѣ, возвратилъ опять тѣла Апостоловъ въ прежнее ихъ хранилище. — На мраморной доскѣ, по верху престола, стоятъ изваянія обоихъ Апостоловъ, и досель совершается литургія на этомъ олтарѣ, древняго каедральнаго собора, столь противоположнаго своимъ убожествомъ нынѣшнему величію Первосвященниковъ Римскихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Письмо I. Первое впечатлѣніе Рима, явленіе Папы въ базиликѣ Св. Петра	1
„ — „ II. Базилики Латеранская и Св. Маріи; первый взглядъ на Капитолій и форумъ . . .	~~23~~
„ — „ III. Пантеонъ, высоты Пинчіо, торжество Вербное . . .	63
„ — „ IV. Монторіо, гробъ Тасса; служба Страстной недѣли.	106
„ — „ V. Колизей ночью; торжество Пасхи	159
„ — „ VI. Базилика Св. Петра. Ватиканъ	~~212~~
„ — „ VII. Капитолій, Форумъ и Палатинъ	283
„ — „ VIII. Авентинъ, базилика Св. Павла	~~330~~
„ — „ IX. Древности, долина Эгеріи, базилика Св. Севастіана . . .	~~369~~

3 2044 011 632

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

**Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413**

WIDENER
MAY 22 1998
FEB 10 1998
CANCELLED
BOOK DUE

